

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

5
1966

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

МАРШРУТЫ ЮНОСТИ

XV съезду ВЛКСМ

**Земля весенне молода,
Когда к ней юность прикоснется.
Есть комсомольцы-города,
В тайге встречающие солнце.**

**Их юность строила сама,
Беря партийные задания.
Заводы эти и дома—
Как воплощенные дерзания!**

**Шагай же, молодость, шагай,
Гляди вперед по-комсомольски!
Твои следы—Амурск и Гай,
Разлет проспектов Дивногорска.**

**И вновь колесный перестук,
И встречный ветер, и тревоги...
Побед не будет без разлук
И новостроек—без дороги!**

Лев Сорокин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ И
ФАНТАСТИКА

О ГЕРОЯХ —
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
ДЕЛА

*По дорогам
пятилетки*

ПЯТЬ ДНЕПРОГЭСОВ НА РЕФТЕ

КРУПНЕЙШАЯ НА УРАЛЕ • В 18 КИЛОМЕТРАХ ОТ АСБЕСТА • ПОСЕЛКИ НА КОЛЕСАХ • МОРЕ БУДЕТ ТЕПЛЫМ • ДАТА РОЖДЕНИЯ — 8 ИЮНЯ 1963 ГОДА

С чего начинаются новостройки? С выбора места, а главное — источников сырья и воды. Затем будущая стройка согласовывается с санитарной инспекцией и пожарной охраной — с теми, кто бережет наши леса и реки.

Потом в лес приходит человек, острым топором валит первую сосну и ставит дом. А вскоре вокруг этого дома появляется жилой поселок, чуть поодаль — котлован, бетонный завод, гаражи, и уже со всех сторон к стройке тянутся ленты бетонных дорог. Так начинался Качканар,

Белоярская атомная электростанция, так начиналась еще одна уральская новостройка — Рефтинская ГРЭС.

Чтобы представить себе масштабы ее, возьмем для сравнения три крупнейшие на Урале теплоцентрали:

МОЩНОСТЬ

**Богословской ТЭЦ — 300 тыс. киловатт,
Серовской ГРЭС — 600 тыс. киловатт,
Верхне-Тагильской — 1600 тыс. киловатт,
Рефтинской ГРЭС — 3200 тыс. киловатт!**

Где же возводится этот энергигант?

Выбор пал на затерявшуюся в сосновых борах и болотах речку Рефт в 18 ки-

лометрах от города Асбеста, знаменитого своим уникальным месторождением «горного льна».

Первая очередь Рефтинской ГРЭС даст ток через два года, а в 1971 году, когда вступит в строй вторая очередь, ГРЭС станет главной электростанцией промышленного Урала.

Только один блок Рефтинской ГРЭС будет вырабатывать электроэнергию больше, чем вся Средне-Уральская ГРЭС.

Два года тому назад упала первая сосна на месте будущей станции. Сегодня к стройке проложено более 150 километров дорог, и сейчас здесь трудно найти такое место, к которому нельзя было бы подъехать на машине.

Сооружение энергогиганта началось, но центр работ пока не здесь, а на строительстве жилья. Здесь вы не увидите барачков. Вместо них построены два небольших поселка из уютных передвижных домиков. В каждом домике две комнаты и кухня, встроенные шкафы и центральное отопление. Есть в этом поселке на колесах столовые, магазины, а чуть поодаль возводится уже настоящий постоянный городок на 14 тысяч жителей. В нем пятиэтажные дома, школа, больничный городок.

Новая станция-гигант. Каждый час она будет:

ПОГЛОЩАТЬ

два эшелона угля;

ВЫРАБАТЫВАТЬ

свыше 10 тысяч тонн пара!

Мощным турбинам потребуется громадное количество воды, поэтому около станции будет создано водохранилище емкостью 160 миллионов кубометров. Длина его 20 километров, а глубина до 30 метров. Это «Рефтинское море» будет незамерзающим, его все время станет подогревать горячей водой сама электростанция.

Рефтинская ГРЭС по своей мощности

БУДЕТ РАВНЯТЬСЯ:

пяти Днепрогэсам,

или —

сорока Волховстроям.

Одновременно со строительством поселка готовятся и большие площадки, на которых будет вестись монтаж самой станции. Она будет сооружаться из крупных блоков. Многие монтажные операции намечено осуществлять на земле и лишь часть — в воздухе.

День и ночь не умолкают на трассах автомашины, со всех концов страны на стройку идут строительные материалы, машины, оборудование. На строительстве крупнейшей уральской электростанции уже работают первые отряды романтиков с комсомольскими путевками.

Стройка разворачивается!

А. МОТЫРЕВ

ДАЕМ

АДРЕС

РОМАНТИКАМ

9 МАЯ- ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Знамя тагильских рабочих

История этого знамени необычна. Появилось оно у тагильских металлургов в первые годы Советской власти, когда восстанавливался и перестраивался старый демидовский завод, ныне носящий имя Валериана Владимировича Куйбышева.

Знамя, как высшая награда, вручалось лучшему цеху-победителю в социалистическом соревновании, а в дни народных празднеств реяло над колоннами демонстрантов.

В 1941 году фашисты захватили Никопольские марганцевые рудники на юге нашей страны. Промышленность, выполнявшая оборонные заказы, могла оказаться в тяжелом положении. Ведь марганцевая руда — сырье для получения ферромарганца, без которого невозможно изготовить специальные марки стали для танков и пушек. По призыву Советского правительства геологи отправились на поиски новых месторождений. Добыча марганца на Урале, в Сибири и Казахстане была налажена в небывало короткие сроки.

Дни и ночи сталевары выплавляли ферромарганец в мартенах и электропечах. Одновременно новаторы осваивали способ доменной плавки.

С невиданным упорством и самоотверженностью трудились доменщики. И вот ферро-

марганец пошел! Тагильчане совершили подвиг героический подвиг.

Наступил 1943 год. Трудящиеся Урала решили сформировать добровольческий танковый корпус. Многие тагильчане пошли в этот корпус. Отправляя бойцов и командиров на фронт, рабочие завода имени Куйбышева вручили им свое Красное знамя. «Пусть это знамя, — говорили на заводе, — вдохновляет вас на ратные подвиги, как нас вдохновляло на труд».

Большой боевой путь прошли танкисты с этим знаменем и берегли его как святыню. Они громили фашистов при освобождении Брянска, Киева, Шепетовки, сражались на Нейсе...

Однажды во время боя два наших самоходных орудия и штабная машина были отрезаны противником. Горстка бойцов смело вступила в единоборство с «тиграми». Рядом загорелся дом, за ним второй... Огонь перекинулся на штабную машину.

— В машине знамя! — крикнул старший сержант Орлов и бросился в бушующее пламя.

Ему на помощь поспешил старший сержант Колтунов.

Знамя было спасено.

Отгремела война. 24 августа 1945 года тагильчане собрались на заводской площади, встречая посланцев полка. Они снова увидели свое старое, опаленное в сражениях знамя.

— Наш полк, — рапортовали делегаты, — прошел с боями 4295 километров, уничтожил 44 фашистских танка, 9 самоходных орудий, 24 бронетранспортера, 64 противотанковых пушки, 90 автомашин. Гитлеровцы потеряли около четырех тысяч человек убитыми, 859 были захвачены в плен. За боевые подвиги полк получил наименование гвардейского и удостоен орденов Ленина и Богдана Хмельницкого...

Ныне Красное знамя хранится в Тагильском краеведческом музее. Раз в году, в день Победы над фашистской Германией, тагильчане торжественно проносят его по улицам города как символ труда и воинской доблести.

А. ФОМЕНКО

Маресьев из Оренбуржья

Этой фотографии свыше четырнадцати лет. Взяли мы ее из семейного альбома Героя Социалистического Труда Прокофия Васильевича Нектова. Ну, а рядом с ним — вы

узнали?— Герой Советского Союза летчик Алексей Маресьев...

В 1951 году повстречались в Москве два человека одинаковой судьбы. Оба на фронтах Великой Отечественной войны храбро сражались, оба лишились ног, но нашли в себе мужество остаться в строю. Алексей Маресьев продолжал летать на военном самолете. Прокофий Нектов был тяжело ранен под Старой Руссой и вернулся домой инвалидом первой группы. Безногий человек научился управлять комбайном. Да еще как! В военные и послевоенные годы он не раз выходил победителем в областных соревнованиях. Он убрал хлеба на площади в 20 тысяч гектаров, намо-

лотив при этом около 120 тысяч центнеров зерна — пять тяжеловесных составов! Родина высоко оценила его трудовой подвиг: в 1953 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда, у него четыре ордена Ленина и орден Трудового Красного Знамени.

Вот что рассказывает Прокофий Васильевич о встрече с Алексеем Маресьевым.

— О подвиге его я узнал в послевоенные годы. Помню, с увлечением читал «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого. Многое мне было знакомо — и тяжкие раздумья, и желание быть полезным стране в годы войны. Мечта такая зародилась в душе: повстречаться бы хоть раз, поговорить бы!

Встретились в Москве, в дни работы Третьей Всесоюзной конференции сторонников

мира. Это было в конце 1951 года. Как-то так получилось, что оказались мы вместе за столом президиума. Познакомились. Алексей Петрович крепко пожал руку, улыбнулся. «Читал,— говорит,— про ваши хлебные дела!». Потом попросил рассказать о себе — где ранили, где лечился. Оказывается, воевали мы с ним почти вместе, северо-западнее Москвы. Думаю, хорошо бы сфотографироваться на память! И вдруг в перерыв приносят нам фото. Это самое. Засняли репортеры во время заседания конференции.

В. ПРОЛЕТКИН

По дорогам славы

Первый в Удмуртии музей боевой славы 313-й Петрозаводской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова второй степени стрелковой дивизии создали красные следопыты 37-й школы Ижевска. Ма-

**9 МАЯ-
ДЕНЬ
ПОБЕДЫ**

териалы собирали по крупицам, разыскивали бывших воинов, вели обширную переписку. Работали настолько увлеченно, с огоньком, что скоро стали «знаменитыми» в городе.

Газета «Комсомолец Удмуртии» писала: «Пионеры и школьники узнают много интересного, если пойдут по следам воинских частей, подразделений, сформированных в Удмуртии в годы Великой Отечественной войны. Примером им могут служить ученики 7 «б» класса 37 школы Ижевска, собирающие материалы о боевом пути четырежды орденосной 313-й стрелковой дивизии».

Ребята вспоминают и сейчас первый шаг, первую встречу. Она состоялась в дни празднования 47-й годовщины Советской Армии.

9 МАЯ- ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Именно тогда следопыты познакомились с Михаилом Яковлевичем Стахеевым и его женой Реной Васильевной.

Михаил Яковлевич начал боевой путь в сентябре 1941 года в горящих лесах Карелии, а закончил в мае 1945 на Одере.

Незадолго перед капитуляцией фашизма командир полка, представляя его к правительственной награде, писал:

«В ночь с 8 на 9 марта 1945 года во главе роты М. Стахеев первым ворвался в город Штольн, пробился в центр и, захватив важнейшие здания, удержал их до прихода главных сил. В этом бою рота уничтожила до 300 гитлеровцев, захватила 216 пленных и ценные документы. За подвиг капитан Стахеев удостоен ордена Александра Невского».

Кавалером трех правительственных наград вернулась с войны Рена Васильевна и сейчас не оставляет она свою «фронтовую» специальность — работает медицинской сестрой в больнице металлургического завода.

А спустя некоторое время следопыты получили весточку и подарок от подполковника Пастухова:

«Дорогие ребята! Очень был рад вашему письму, в котором вы сообщаете, что собирается материал о 313-й стрелковой дивизии, в составе которой воевал и я.

Исполняю просьбу и высылаю для вашей комнаты славы свой бинокль.

К сожалению, писем и фотографий того времени у меня сейчас нет, но думаю, что мне удастся кое-что достать.

Желаю вам, дорогие ребята, хорошего здоровья и отличных успехов в учебе!

Пишите, я с радостью буду вам отвечать.
Подполковник Пастухов».

Поиски следопытов оказались настолько действенными, что благодаря им военно-научное общество при республиканском военкомате в октябре 1965 года смогло организовать слет бывших воинов 313-й дивизии. Через двадцать с лишним лет в Ижевске, во Дворце машиностроителей, собрались ветераны Великой Отечественной войны.

Крепкие рукопожатия, объятия, рассказы. Вот Василий Иванович Крапивин, бывший начальник штаба дивизии. Сейчас он инженер, живет в Москве. Бывший командир прославленной 313-й, генерал-майор в отставке Г. В. Голованов и комиссар, полковник в отставке А. К. Иванников. На вечер боевой славы приехала делегация Карельской АССР, земли, города и села которой освобождали от фашистских захватчиков уральцы. Приветственные телеграммы однополчанам прислал Маршал Советского Союза К. А. Мерецков и командование Уральского военного округа.

И еще один очень интересный факт из времен войны. Газета «Ленинское знамя», выходившая на Карельском фронте, в начале января 1942 года писала:

«В далекой Удмуртии готовились к встрече Нового года. Комсомольцы Якшур-Бодвинского района организовали сбор подарков бойцам действующей Красной Армии. Большое участие в сборе подарков принимали и ребята.

Школьницы района решили сшить бойцам кисеты. Разноцветными нитками детские ручон-

ки вышивали на них простые трогательные слова с приветом и призывом: уничтожить фашистов, вернуться с победой домой.

Сшила кисет и Валя Ярова, ученица третьего класса средней школы этого же района. Отец у Вали тоже на фронте.

Широким потоком шли из тыла новогодние подарки бойцам Красной Армии. Прибыли на фронт подарки и от удмуртских комсомольцев. Большая партия кисетов была направлена в эсское артиллерийское подразделение.

С восхищением любовались шелковыми и атласными кисетами бойцы-артиллеристы. Они выражали свою благодарность ребятам за их новогодние подарки и пожелания.

Валин кисет достался старшему сержанту Еремину. Немного полюбовавшись кисетом, товарищ Еремин вынул из него курительную бумагу и прочел надпись:

«Бойцу Красной Армии — от ученицы третьего класса Якшур-Бодвинской средней школы Вали Яровой».

Он тепло улыбнулся, оторвал листок бумаги, собираясь закурить, и вдруг о чем-то задумался. Сложив аккуратно кисет, тов. Еремин направился в соседний блиндаж.

Младший командир Яров находился в своем блиндаже.

— Скажите,— обратился к нему с вопросом тов. Еремин,— вы из Удмуртии?

— Да,— последовал ответ.

— Есть ли у вас дочка и где она учится? — продолжал задавать вопросы тов. Еремин.

Ничего не понимая, тов. Яров пожал плечами и ответил, что его дочь Валя учится в третьем классе Якшур-Бодвинской школы Удмуртской АССР.

— Все понятно! — прерывая Ярова, радостно воскликнул тов. Еремин и, широко улыбаясь, сказал:

— Мне случайно достался Валин кисет. Но по праву он принадлежит вам. Это новогодний подарок вашей дочке!

И изумленному отцу Вали старший сержант отдал сшитый его дочкой кисет...»

Сейчас Александр Васильевич Яров живет в рабочем поселке Кез, Кезского района Удмуртской АССР. Его дочь Валентина Александровна работает лаборанткой на одном из предприятий Азова Ростовской области. Следопыты решили обязательно встретиться с ними.

Ну, а план на лето? Поход по местам боев 313-й Петрозаводской дважды Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова II степени стрелковой дивизии, — поход по Карелии.

В. ПОЗДЕЕВ

ЕГО ЗВАЛИ АЛЕКСАНДРОМ

В мае 1963 года группу советских туристов, среди которых был и я, принимал мэр итальянского города Болонья.

Прощаясь с нами, он сказал:

— В провинции Реджо-Эмилия есть городок Гонзага, отсюда километров сто. Если будет время, загляните туда. Там на кладбище вместе с другими партизанами похоронен ваш земляк, герой-гарибальдиец Александр. Им гордится наш народ. Я не буду рассказывать подробно о героических делах Александра, их много. Скажу только об одной операции, в которой он участвовал в Реджоло. Дело было так. В доме на улице Аурелия фашисты под усиленной охраной держали большую группу заложников и пленных партизан. Арестованные со дня на день ожидали расстрела. Партизаны решили освободить заложников. Александр добровольно вызвался снять часовых. Темной ночью он незаметно пробрался к дому и бесшумно снял охрану. Все заложники были спасены.

Мы давно думаем о награждении героя, но, к сожалению, не знаем его полного имени.

В настоящее время коммунисты Модены и Феррары уточняют сведения об Александре и обстоятельствах его гибели. Вот только на днях мне пришлось беседовать с представителями этих федераций — товарищами Умберто Бизи и Итало Скаламбра...

На другой день мы были в Гонзага. Местные жители охотно проводили нас на городское кладбище. Здесь мы увидели могилу с обелиском из серого камня. На нем выделялись слова: «Скагропе» (Скарпоне) и «Александро» (Александр). У подножия памятника лежал букет свежих цветов.

Подошел пожилой итальянец, спросил:

— Русо?

— Да, — ответили мы.

— О-о! — воскликнул итальянец и, указывая на памятник, с гордостью произнес: — Здесь лежат герои-братья: ваш земляк Александр и итальянец Скарпоне.

— Вы были знакомы с Александром? — поинтересовались мы.

Итальянец с огорчением покачал головой.

— Нет. Мне не пришлось воевать вместе с ним, я был в другом партизанском отряде...

— А кто приносит эти цветы?

Собеседник хлопнул себя по лбу.

— Вот кто вам расскажет о нем! Эти цветы приносит дочь Ардилио, у них он и жил. Это совсем недалеко...

И вот мы у Ардилио. Дома оказались хозяйка и дочь. Узнав, кто мы и зачем пришли, женщины наперебой стали приглашать к столу. Началась непринужденная беседа.

И вот что мы узнали.

В одну из темных июльских ночей 1944 года

в окно Люзарди Ардилио кто-то осторожно постучал. Хозяин открыл дверь и увидел двух партизан.

— Люзарди,— сказал один из них,— у нас к тебе очень важная просьба. Не можешь ли ты приютить у себя раненого?

— Кто он? — спросил Ардилио.

— Русский.

Хозяин молча посмотрел на жену. Ведь он знал, что в случае, если гестаповцы обнаружат раненого, да еще русского, вся семья будет расстреляна. Но взгляд жены выражал готовность прийти на помощь.

— Где раненый? — спросил Люзарди.— Давайте его сюда.

Через минуту в комнату партизаны ввели, поддерживая под руки, молодого человека.

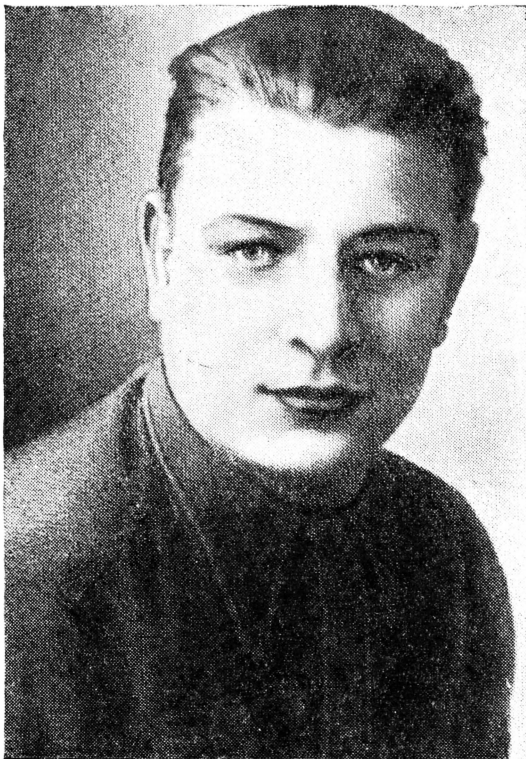
— Русский был красив,— рассказывала хозяйка,— и смотрел на нас добрыми, доверчивыми глазами. Он был ранен в правую ногу, но ничем не выражал страдания и сразу заговорил, искренне прося извинить за причиненное беспокойство. Мы уложили его в постель, а наутро решили перевести в сарай, куда никто не заглядывал. Там он и стал жить.

Гестаповцы рыскали по городу, и надо было соблюдать большую осторожность. Правда, соседи все же догадывались, что у нас скрывается партизан, но это были честные люди.

Через пятнадцать дней раненый поправился и начал собираться в отряд. Мы пробовали его уговорить остаться еще на некоторое время, но он настойчиво повторял:

— Нет, мне пора. Я вполне здоров.

— Скажите,— спросили мы у хозяйки,— не рассказывал вам раненый о себе?

Ардилио вздохнула.

— К сожалению, очень мало. Мой муж однажды пробовал кое-что разузнать, но он ответил: «Прости, отец, я не имею права подробно говорить об этом. Зовут меня Александром, жил в Куйбышеве. Есть такой город на Волге».

В тот день, когда Александр прощался с нами, мы попросили его оставить что-нибудь на память. Помню, дочь сказала: «Может быть, у вас найдется фотография». «Мы, партизаны, фотографий с собой не носим»,— ответил Александр. Не скрою, мы были очень огорчены. Представьте, прощаемся с таким добрым, хорошим человеком, может быть, навсегда, и не остается ничего, что напоминало бы с ним! Видимо, гость понял наше состояние. Он смутился, достал бумажник и подарил нам фотографию. Правда, Александр при этом сказал: «Здесь снят не я, а мой брат, кстати, очень на меня похожий». Действительно, сходство было поразительным.

Дочь раскрыла альбом, и мы увидели энергичное, волевое лицо молодого человека.

— Прошло всего несколько дней после того, как мы проводили нашего гостя,— дрогнувшим голосом продолжала хозяйка,— и тут нам принесли страшную весть...— Ардилио вытерла набежавшие слезы.— Надо вам сказать, недалеко от нашего города находились казармы. В них располагались немецкие и итальянские фашисты. О, это были настоящие головорезы из «Черной бригады»! Днем и ночью мы не знали от них покоя. И вот партизаны решили покончить с этим змеиным гнездом. В начале августа, ночью, отряд «Ари-стиде» атаковал фашистов. Сначала головорезов охватила паника, но потом они, видимо, опомнились и оказали ожесточенное сопротивление. А их было немало — человек пятьсот. Одну из казарм, как мы узнали, атаковал отряд, возглавляемый Александром. Говорят, Александр вел себя в бою как герой... Бой длился всю ночь, а утром фашисты получили подкрепление. Силы стали неравные, но партизаны продолжали сражаться. Когда был убит командир второй группы Скарпоне, его пулемет схватил Александр, но тоже был смертельно ранен. Умирая, он крикнул: «Да здравствуют гарибальдийцы! Пусть живет моя Россия!»

После гибели Скарпоне, Александра и других партизан гарибальдийцам пришлось отступить. В тот же день, поздно вечером, к нам пришел партизан и рассказал эту печальную историю. Ночью мы с мужем пробрались на место боя. При лунном свете разыскали трупы Скарпоне и Александра и на тележке перевезли на кладбище. Здесь мы и похоронили их в одной могиле.

Пусть слава Скарпоне и Александра вечно живет в сердце итальянского народа, за который они отдали свою жизнь! Когда мы прощались с семьей Ардилио, хозяйка сказала:

— Мы храним в своем сердце светлую память об Александре. Когда вернетесь к себе на родину, узнайте о нем подробно и напишите нам. Живы ли его родные и знают ли, что тело их сына покоится в нашей, итальянской земле?

Выполняя просьбу итальянских коммунистов и семьи Ардилио и желая узнать, кто этот неизвестный герой, покоящийся на тихом кладбище небольшого итальянского городка, я решил прибегнуть к помощи читателей «Уральского следопыта».

Дорогие товарищи! Публикую рассказ об Александре и фотографию брата героя, я надеюсь, что вы откликнетесь на эту просьбу.

Афанасий КУЗНЕЦОВ

ЗАВТРА СНОВА ДОРОГА...

А. ШУШАРИН

Рисунки Н. Мооса

1. КОСТЕР

Горы. Глухие распадки щетинятся елями. В распадках — ручьи под зарослями тальника и дикой смородины. По долинам — болота, поросшие тощим березняком. Говорят, где-то здесь Пугачев, прижатый войсками царицы к Большому Яицкому болоту, спрятал золото.

Миша Перфильев, рабочий из геологического отряда Зорина, рассказывает об этом так, как будто вместе с Чикой Зарубиным прятал эти ценности.

— И много? — спрашиваю я.

— Три бочки, — уверенно говорит Михаил.

Единственное, чего он, по-моему, не знает во всей этой истории, так это места, где зарыто золото. Но не унывает: «Как-нибудь натолкнусь...» И я думаю: натолкнется ведь. Столько шурфов пробили за последние годы его узловатые руки, что для пугачевского клада осталось совсем мало неперекопанной земли.

Мы сидим с Михаилом на обрубках берез. Между нами — костер. Ветер бросает дым от костра то в одну, то в дру-

гую сторону, и мы по очереди морщимся, чертыхаемся, но никакая сила не сдвинет нас с места.

Михаил говорит:

— Лучше летом у костра, чем зимой на солнышке...

Я отворачиваюсь от огня и вижу залитые холодным светом луны березы, палатки. Свет какой-то нереальный, отчего все вокруг кажется призрачным и неверным. И только костер, один костер надежно и верно дышит нам в лицо теплом разваливающихся углей.

Урал едва слышно журчит в десяти шагах от костра. Здесь — это узенький ледяной ручеек, который легко перешагнуть, здесь с трудом верится, что в устье этой реки ловятся рыбыны весом в полтонны.

— Не идут... — протяжно вздыхает Михаил и отставляет подальше от огня насквозь продымленный чайник.

Мы прислушиваемся. Лают на ближней гряде лисы, сдержанно шумит тайга.

— Не идут, — подтверждаю я.

Из своей палатки на коленях выползает Зорин, с трудом поднимается и идет к нам, как на палку опираясь одной рукой на ружье, а другой держится за поясницу.

Он подходит к огню и боком опускается на пустой ящик.

— Не слышно?

— Нет... не слышно.

У начальника отряда радикулит. Подцепил он его давно, где-то на севере, прошагав сутки по снеговой воде.

Станиславу 32 года. Выпускник Уральского университета, он, прежде чем попасть сюда, поколесил по северу и Сибири. Искал титан, золото...

Радикулиту Зорин не по зубам. Только во время длинных дождей болезнь иногда валит его. Тогда начальник молча влезает в палатку и дня два натирает поясницу пчелиным ядом.

В этот раз поднял его на ноги Перфильев. Вконец разуверившись в патентованных средствах, которыми пользовался Зорин, он взял пустую бутылку, сыпнул в нее ложку сахара и исчез. Вернулся он скоро, победно показав мне посудину, до отказа набитую крупными муравьями. Через несколько минут он приготовил из них мазь, от которой за два метра щипало глаза.

«Верное средство, — хлопотал он, растирая Зорина. — Деды пользовались...»

— Пойду, пройдусь по тропинке,— говорит, поднимаясь, Зорин.

— Куда тебе?— Михаил с сомнением смотрит на начальника.— Давай уж лучше мы...

— Пройдусь,— упрямо повторяет тот.— Налезался...— Он беззвучно уходит в темноту по тропинке, пробитой в высокой траве. Через несколько секунд мы слышим, как булькнула в ручье вода. Это Зорин перешел на тот берег. Я представляю, как он медленно идет в темноте, осторожно отводя стволом ружья мокрые стебли травы, и по спине пробегает неприятный холодок. Многодневный дождь кончился после полудня, но трава еще долго будет сырой. Это не та куцая травка, которую горожане привыкли видеть в парках. Двухметровые заросли валерианы, иван-чая, клевера и пырея, покрывающие долины, в две минуты делают человека мокрым с головы до ног.

— Стас, он всегда такой,— говорит Михаил о Зорине.— Беспокойный.

Он подбрасывает в огонь несколько жарко вспыхнувших поленьев, и мы отодвигаемся. Ветер срывает с берез последние капли, они изредка попадают в костер, испаряясь с коротким всхлипом.

— Не должны бы они заблудиться-то?

— Не должны...

Мы оба сомневаемся в этом, потому что заблудиться здесь — раз плюнуть, но нам не хочется, чтобы так случилось.

Мне приходят в голову странные мысли. Я вдруг отчетливо вижу короткую газетную информацию. «На Урале открыты крупные месторождения нефти. Наличие нефти в этом районе предсказал академик такой-то». Может не нефть, может другое что. Информация на видном месте, сама в глаза лезет... А меня вдруг охватывает злость. Черта лысого он предсказал бы в своем московском кабинете, не будь у него геологических карт!

Мне досадно, что в информации не будет, конечно, ни слова о маленьком отряде Зорина и сотнях других неизвестных отрядов, годами метр за метром обследующих огромные площади, чтобы в руках у академика оказался небольшой квадрат ярко раскрашенной бумаги — эта самая карта. А чтобы составить геологическую карту двухсоттысячного масштаба, к примеру, надо пройти весь район параллельными маршрутами через два километра, обследовать все обнажения, а там, где их нет, надо пробить шурфы, взять пробы, все описать, зарисовать, определить, проделать еще тысячи разных дел. И все это в самых невероятных местах...

Отряд Зорина как раз и готовит к изданию такую карту. Геологов в отряде всего четверо — Зорин, начальник, старший геолог Чистяков, техники Аристов и Галя Покровская. Двое рабочих — Перфильев и Глинин.

В лагере в эти дни, не считая меня, были только трое — Зорин и рабочие. Чистяков доделывал в Челябинске прошлогодние отчеты, Галя вычерчивала в соседнем селе геологические разрезы, метался где-то по хозяйственным делам отряда Аристов. А позавчера неожиданно пришла жена Зорина Валя. Пришла пешком, через перевал. Подвижная, круглолицая, она буквально свалилась к нам с неба, и в насквозь промокшем лагере стало светлее.

Валя тоже геолог. Учится в аспирантуре в Москве. Приехала в Челябинск на несколько дней и сразу в горы, к нам.

У нас кончались продукты. Правда,

суп сварили. Мясо достал Михаил, выпросил у охотников, промысляющих в соседней долине. Нашлась и щепотка чая. А вот хлеба не было. Валя разрезала остатки на пять частей. Перфильев взял свою долю, подбросил на руке и спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— А серьезно, туристов шоколадом кормят?

Все рассмеялись.

Утром решили идти в ближайший поселок. Машина, на которой Аристов должен забросить в горы продукты, безнадежно опаздывала. И нечего было думать, что она появится раньше чем через неделю.

В поселок пошли Иван и Валя. Двадцать километров через хребты. Дороги никакой — заломы, трава, осыпи. И вот мы сидим и ждем их. Давно вскипел чайник и сварились в ведре остатки мяса. Лапшу Михаил не засыпает: «Разварится, пока придут...»

Мы давно высчитали время, когда они должны были вернуться, и теперь набрасываем по полчаса на всякие непредвиденные случайности. Но проходят все сроки, а людей нет.

Вдали с небольшим интервалом гремят выстрелы, и эхо раскатывается по горам.

— В Юраке, наверное, слышно... — говорит Михаил.

Пришел Зорин, присел у костра, и сразу же от промокшей одежды пошел пар.

— Минут через двадцать стрельнем еще разок...

Из травы, отпыхиваясь, выкатился Юлька, знакомый еж, остановился и посмотрел на Михаила.

— Нечего тебе, брат, дать, — виновато сказал ему Михаил. — Не пришли еще.

Еж как-то по-человечески вздохнул и пошел в палатку.

— Сахар где-то был, — сказал Зорин.

Перфильев пошел к столу, порылся там и забросил в палатку кусок сахара. Через минуту оттуда донеслось похрустывание.

Мы сидим у костра и ждем. Костер дышит теплом, я закрываю глаза и вижу: они идут. Они всегда идут. По каменным осыпям, по джунглям валерианы, по болотам. Впереди, как всегда, Зорин, коренастый, плотный, упрямо наклонил на-

встречу тайге коротко постриженную голову. За ним — остальные. Идут по компасам, по заранее проложенным маршрутам, отходя в сторону только затем, чтобы описать какое-нибудь обнажение или жилу.

Кеды — хорошая обувь. Они проходят болото, выбирают на склон, и вода уходит из кед: внизу в кедах отверстия.

Медленно надвигается серый каменный склон — чертова пашня. Чем дальше, тем круче. И когда ногам уже немочь, им помогают руки.

Они идут, и вслед за ними, медленно нагоняя, ползет лохматая туча.

«Обнажение 1640...»

После маршрута хорошо бы переодеться в сухое. Найдется?

«Обнажение 1642...»

От воды, что ли, так деревенеют на руках пальцы?..

«Обнажение...»

— Наверно, спрямили, — говорит Михаил. — Меня вот тоже сколько уж учили эти прямки: ноги до колен сносил, а все прямлю. Раз пошел с шурфов в лагерь. По тропке — минут десять хода. Так нет, надо прямо. Часов пять ходил, на лесину пришлось лезть. Правду говорят: прямо только сороки летают.

— Сколько там прошло, как стреляли?

— Еще минут десять — пятнадцать, давай, подождем...

Вдруг Миша настораживается, кажется, что он принюхивается к сырой темноте, — потом берет мешок с лапшой и высыпает в ведро.

— Ну вот... Идут...

Через полчаса мы у костра пьем крепкий чай, курим. Мы ни о чем не говорим, просто молча смотрим, как разваливаются угли. Береза, даже сырая, оказывается, горит здорово.

Валя переделалась, под села к Зорину. Она тихонько напевает, и песня нисколько не нарушает ни тишины, ни нашего настроения.

Закури, мой друг, закури,
Завтра утром, с восходом зари,
Ты пойдешь по тайге опять
К перевалу тропу искать.

Глухим аккомпанементом шумит лес. Разбрасывая искры, потрескивает костер, и мне кажется, что это самое теплое место на земле...

2. «ПРОШУ ДАТЬ ПРЯМОЙ!..»

Они идут по бетонным плитам вдоль серой громады аэровокзала, мимо отвечивающих серебром гигантских лайнеров. Они идут в самый дальний угол аэродрома, где темнеет рядок небольших приземистых самолетов. И ветер доносит до них металлический голос репродукторов на вокзале:

«Внимание! Объявляется посадка на самолет, рейс 263. Следует по маршруту...»

Через несколько минут двое оставляют землю, и маленький самолет-работяга бросит их в глубину большой голубой дороги.

Последняя, кого пилоты видят на земле сегодня,— дежурная по вокзалу Шура Козлова. И командир самолета Титов, прежде чем положить машину на курс, еще раз взглянет вниз, на крохотную фигурку, идущую по широкому полю.

— От винта!

— Есть от винта!

Вздвогнув, винт нехотя проворачивается раз, другой, потом превращается в упругий сверкающий диск. В гул аэродрома вплетается еще один звук.

Скоро и они, и пассажиры уже высоко над землей. А город пригоршней домиков отступает, уходит назад. Еще минуту он манит их, потом скрывается в клочковатой туче дыма и пыли, которая висит над ним.

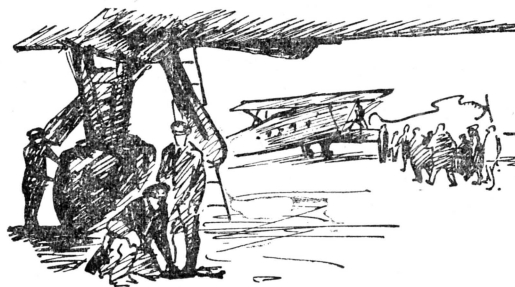
Второй пилот Свиринов оборачивается назад и, грустя, думает, что неплохо бы кое-кому показать эту тучу.

Теперь они одни в небе. Два пилота и пассажиры. Титов смотрит на землю и машинально выравнивает самолет по знакомым ориентирам. Навстречу ему бегут деревни, перелески, фермы. Он, как странник, идет от одного селения к другому и улыбается им, своим старым добрым знакомым...

Иногда он говорит несколько слов Свиринову, и они вместе провожают глазами какой-нибудь пригорок.

Они любят ее, эту землю, плывущую внизу. И она любит их. Сколько раз, невидимые сами, они видели людей, машущих им: «Доброй тебе дороги, пилот...»

Они вылетели в 7.40, точно по расписанию, и идут вперед со скоростью

200 километров в час. Смешная скорость по нынешним реактивным временам...

В салоне самолета одиннадцать пассажиров. Все они спешат к своим делам. Одни сойдут в Уйском, другие — в Магнитке. И пилоты никогда не узнают о них ничего, кроме фамилии.

Пассажиры... Титов думает о том, что все эти люди без колебаний вручили им себя, и испытывает странное волнение от этого доверия. Он перевез тысячи людей, но все равно каждый рейс заставляет его думать об этом.

Командир почувствовал грозу по треску в наушниках и вскоре ощутил легкий толчок снизу. Он выровнял самолет и поудобнее уселся в кресле.

— Запроси впереди погоду.

Второй пилот связался со всеми посадочными площадками. Везде ясное небо. Но Титов повел самолет на посадку в Уйский, уверенный, что фронт облачности где-то рядом. Иногда его передвижений не могут предсказать даже синоптики. В долине фронт идет раз в пять быстрее, чем в горах.

Добирая землю перед посадочным знаком, Титов заметил черный комок перекати-поля, одиноко переваливающийся по жухлой, ржавой траве. Ветер.

Несколько минут на земле и опять вперед.

Они столкнулись с облачностью в половине пути до Верхне-Уральска. Земля, раньше отчетливая, стала вдруг расплываться, теряя очертания. Навстречу, словно из гигантской трубы, неслись косматые клубы облаков, похожих на дым.

Пилот усмехнулся, подумав, что он был прав. Фронт все-таки опередил их.

— Предупреди пассажиров и оставь дверь открытой,— сказал он второму. Он не хотел, чтобы люди волновались.

«Я — борт... Вошел в густую облачность. Прошу дать прямой».

Теперь, сжав руки на штурвале, пилот, как никогда, чувствовал землю. А земля следила за ним тонкими шупальцами пеленгаторов, вела и направляла его.

С ним говорили радисты со всех посадочных площадок и аэродромов, ему сообщали погоду и курс: «Передаю метео...», «Даю прямой»... А он, вслушиваясь в голоса земли, думал о том, что теперь все стало слишком легко и просто. И эти пять тонн металла, которые держит тысяча лошадиных сил, беспрекословно подчиняющиеся ему, и эти тучи, на которые ему наплевать, потому что он уверен в своих силах, и потому, что многое теперь за него делают приборы, и еще потому, что за ним следит земля. Он чувствовал себя привязанным к земле и от этого чувства где-то в глубине его души таилась грусть. Ведь всего несколько лет назад такая вот, похожая на ночь туча могла стать бесконечной... Выключить передатчик? Он представил, какой переполох поднялся бы на земле, если бы замолчал его передатчик, и усмехнулся. Выключить?

Пилоту хотелось борьбы.

Пассажиры не знали этих мыслей пилота. Они видели темнеющие в проеме двери фигуры летчиков и чувствовали себя уверенно рядом с этой почти осязаемой силой, которая исходила от пилотов.

Скоро о фронте туч напоминали лишь редкие тени облаков, делающих землю пестрой.

В Петропавловском совхозе они приземлились точно по расписанию. Так точно, что одинокая пассажирка, которой сказали, что самолет, возможно, запаздывает, сама чуть не опоздала. Сейчас она сидит в самолете и улыбается, потому что все обошлось. Она не опоздает на учебу, и парню, который ждет ее на аэродроме в Магнитке, не придется уезжать грустным.

Они летят над полями. Идут от поселка к поселку, и маленькие домики посадочных площадок приветливо встречают и провожают их своими антеннами. Антенны пеленгаторов и локаторов передают их один другому, точно эстафету.

Уйское, Петропавловский совхоз, Кизильское...

Второй пилот крутит ручку настройки приемника и улыбается. Он слышит в наушниках знакомые голоса и представляет

сосредоточенные лица радистов на земле.

В Кизиле опять Виталий Пономарев. Свиринов усмехается, слыша его звонкий голос: «Алло, «263-й»! Как слышите?»

А этот водопад точек и тире обрушил на его голову Павел Иннокентьевич Березовский из Уйского, старый радист, державший связь еще с папанинцами. А это что за трещотка? Верхнеуральская? Кто же это там такой шустрый? А-а, Юра Курлыгин...

Обратно они берут уже других людей. Корреспондент областной газеты везет известие, что кизильцы выполнили обязательство и сдали государству 12 миллионов пудов зерна, тракторист из приуральского совхоза спешит к дочери в гости...

— Через десять минут Челябинск,— говорит второй пилот.

Сбрасывая газ, Титов чувствует, что устал. Почти десять часов в полете. Он садит машину, как всегда, точно и несколько минут сидит неподвижно, прислушиваясь к ее ровному гулу. Он вырубивает на линейку и выключает двигатель. Гул стихает.

Титов видит тоненькую фигуру женщины, одиноко стоящую у края полосы, и говорит Свирину:

— Иди, Витя... Я тут сам...

Он медленно собирает документы и смотрит через стекло, как второй пилот торопливо шагает к женщине.

Хорошо, когда на земле тебя кто-нибудь ждет. Они вместе всего месяц, и Титов долго копается в кабине, дожидаясь, когда они скажут друг другу все, что говорят влюбленные, встречаясь после долгой и тревожной разлуки.

3. «ШАЙТАН-АРБА»

—...И вот так — третий раз. Когда до гребня остается буквально полметра и уже думаешь, что выbralся, колеса буксуют, и машина опять сползает назад.

Зажмешь до отказа все тормоза, а фургон все равно ползет. Проклятый гололед! А обрыв слева такой — голова кружится. Сидишь и гадаешь: не то выпрыгивать, не то еще подождать. И вот ведь шайтан-арба! Сползет прямо по центру дороги метров двести вниз и хоть бы сантиметр — в сторону. Если, мол, охота, попробуй еще.

Где это было? Да, где-то около Злауоста... Конфеты вез к празднику.

— Так и не поднялся?

— Не-е... Вылез все-таки. Спустил задние скаты, обмотал тросом, потом снова накачал. В общем, не колеса, а гусеницы. Вылез.

Темнело как-то неохотно, и Булаев медлил включать фары. Он включил их, когда сумерки скрыли все шероховатости дороги, и нас здорово трянуло разок.

— Хочу продлить день,— усмехнулся Алексей.— Ночью при фарах спать хочется.

В стороне промелькнула россыпь огней какого-то поселка. Мальчишка перебежал дорогу и замер около верстового столба, провожая нас взглядом. Успел заметить, что рот мальчишка от восхищения забыл закрыть. Вот так машина! Вагон, а не машина!

Я вдруг взглянул на автомобиль, который вел Алексей Булаев, шофер из Челябинской автоколонны 12-20, глазами этого мальчишки и неожиданно понял, что, пожалуй, тоже остановился бы. Когда тебе двенадцать и вот так, мимо, в сгущающейся мгле проносится похожая на большой вагон машина, загадочно подмигнув бортовыми огнями,— наверное будешь смотреть ей вслед, пока не растает она в сумерках.

Куда она идет? В Пермь? В Свердловск? А может, в Астрахань? Как поезд дальнего следования, она несет с собой ветер странствий...

Фургон «85-53 ЧЕА» шел из Магнитогорска в Троицк, и водитель его, Булаев, очень устал. Он сегодня привез груз в Магнитку из Челябинска и сразу же загрузился на Троицк. А дальше?

— Слушай, Алексей, а в Астрахань ты можешь загрузиться?

Алексей размышляет. Морщит лоб, соображает. Потом говорит:

— Отсюда — нет. А вообще бывал и в тех местах. Из Свердловска грузишься на Пермь, оттуда на Казань, из Казани в Москву. Ну, и дальше... Месяц, а то и два, случается, не бываешь на базе.

Я подсел к Булаеву недалеко от Магнитогорска.

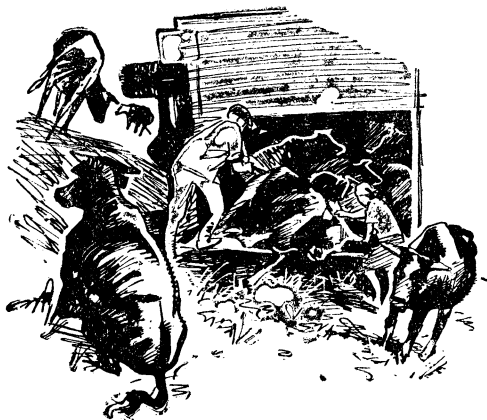
— Подбросишь до Пласта?

Алексей усмехнулся.

— До Пласта так до Пласта.

И гостеприимно распахнул дверцу.

— С попутчиком веселее,— сказал

он.— Ты рассказывай что-нибудь. Спать меньше хочется.

— Даже и не знаю, что рассказать...

Я и в самом деле не знал, что бы такое рассказать этому симпатичному парню и даже разозлился на самого себя. И как-то так случилось, что рассказывать пришлось не мне, а ему.

— Шоферы как цыгане. Так говорят. А может и правду говорят. Вот я: надоело по месяцу в поездках кататься. Все. Точка. Уволился. А что получилось? Поступил слесарем на лакокрасочный завод — всякие запахи, воздух какой-то дурной... Чуть не сдох с тоски. Ушел все-таки. И ничего. Катаюсь. День-два дома, неделя — в поездке.

Алексей неторопливо переключал передачи на подъемах и спусках.

— Слышишь, парусит?

Я ничего не слышал. И он рассказал мне, что для его машины имеет значение и ветер. По ветру фургон идет быстрее и легче. После его объяснений я действительно почувствовал, что машина без усилий проскакивает затяжные подъемы. Мы шли по ветру.

— Как на пароходе,— рассмеялся Алексей.— Чувствуешь?

От Петропавловского совхоза до Степного дорога избита прямо-таки классически. Знаете вы, что такое «гребенка»? Это когда трасса похожа на шифер. Машину бьет мелкой противной дрожью, раскручивается все, что может раскрутиться. А вас трясет такая лихорадка, что зубы щелкают.

Удивительно он ехал по этой дороге.

Он рыскал по ней. Колеса входили в рытвины не прямо в лоб, а всегда чуть под углом. Это смягчало удары.

Там, от Петропавловского до Степного, двадцать три километра. Проклятое место: уродуются машины и люди. А дальше асфальт. Когда выбрались на него, Алексей остановил фургон. Мы вышли и невольно оглянулись назад, в темноту.

— Видел? Здесь-то асфальт скоро будет, но сколько еще у нас таких дорожек!

Мы присели на обочине, закурили.

— Вот о дорогах заговорили.— Алексей потянул папиросу, и вспышка на мгновение осветила его запыленное лицо.— Много видел я дорог. Всяких. Но одну запомнил. Работал я тогда на «скотнике»,— видел, поди, тоже арба, подлиннее еще этой. Возил скот из одного совхоза в Кустанай. Дороги там грунтовые, знаешь, с такими скатиками на стороны. Когда сухо—лучше асфальта. Но если дождь...

Алексей так глубоко затянулся, что получился вздох.

— Пошли мы, кажется, чуть ли не последним рейсом. Спешили: на мясокомбинате только до четырех часов принимали скот. В фургоне у меня быки, а в кабине—маленькая такая девчонка, сопровождать скот дали. И все было хорошо, пока дождь не пошел. Дорога, конечно, сразу—хоть на лыжах катайся.

Выбрался на самую середину и еду по гребню. Знаю: чуть в сторону—и... Быки-то стоят. Представляешь, где центр тяжести? Сразу свернешься на бок.

Тянул так километров тридцать, думал уж—дотяну. Но где-то ошибся чуть-чуть, подвернул и слышу—пошла-а...

Словом, аккуратно так уложили на бок мою шайтан-арбу эти быки. Давят там друг друга, режут. И давай мы с этой девчонкой их из фургона вытаскивать волоком. Не знаю, откуда сила бралась...

Девчонка плачет. Передавить же могут друг друга или задохнуться. Вывозились мы, как черти, устали—руки прямо дрожат...

По дороге, посигналив, прошел «Москвич». Алексей поднялся.

— Поедем, пожалуй...

— Ну, а дальше? Доехали?

Оказалось, доехали все-таки.

Он сходил в деревню за трактором, подняли машину, снова загнали скот и поехали. Когда поднимали, Алексей запас здоровую жердь и, как только шайтан-арбу начинало стягивать в кювет, выскакивал и упирал жердь в борт. А потом по сантиметру снова выбирался на гребень.

— Приезжаем на комбинат, смотрю: приемщик замок на ворота вешает. Бегом к нему, а ноги не бегут. Дрожат. Смех и только!

Скот, говорю, привез. Прими. «Все,—говорит.—Время вышло». Стал я ему объяснять. Спокойно так говорю, а сам думаю: расскажу сейчас все и, если не примет, развернусь и закачу со всего маха по шее.

Не пришлось. Принял. Посмотрел на меня и принял...

Машина мягко шуршала шинами по асфальту.

Глубокой ночью я распрощался с ним в Пласте.

— Пока,—сказал он.—Славно поговорили. Вдвоем, знаешь, всегда веселей. А я сейчас тоже спать. Выеду вот за город, притрусь к бровке—и спать.

— Может, здесь заночуешь?

— Что ты? Мы всегда так, в кабине. Груз ведь не бросишь.

В его голосе прозвучала усталость. Конечно, кабина—не гостиница, во весь рост в ней не растянешься.

— Пока,—сказал Алексей.

А я еще долго стоял на дороге и смотрел, как растворяются в темноте красные бортовые огни.

ПИСЬМО С ПЛАВАЮЩЕГО «УРАЛМАША»

В конце апреля 1936 года в адрес дирекции Уралмаша пришло письмо:

«Довожу до вашего сведения, что на заводе «Бурмейстер и Вайн» в Копенгагене (Дания) строится морское судно имени вашего завода — «Уралмаш» для Балтийского государственного морского пароходства.

Судно — лесовоз грузоподъемностью 3400 тонн, приспособленное также для плавания в северных морях, имеет усиленные ледовые крепления. Оно было заложено 15 сентября 1935 года, а 23 апреля 1936 года спущено со стапелей на воду. В конце мая велась приемка судна специальной комиссией Наркомвода.

В начале июня «Уралмаш» вступит в строй советского торгового флота. Постараюсь в ближайшее время выслать вам снимок парохода. Надеюсь, что между командой парохода и коллективом Уралмашзавода будет постоянный контакт...

Команда в настоящее время комплектуется в Ленинграде и прибудет в Данию за несколько дней до выхода судна в море. О дне приемки и поднятия советского

торгового флага я вам сообщу дополнительно.

*Капитан парохода «Уралмаш»
СТЕПАНОВ.*

Копенгаген, 23 апреля 1936 года».

А где этот пароход сейчас? Какова его судьба?

За поиски взялись следопыты Свердловского Дома пионеров имени Н. Островского. В разные уголки страны они отправили письма. Ответы приходили короткие: *«В нашем пароходстве такого судна нет».* Но ребята не отступали.

И вот письмо. В нем фотографии и записка первого помощника капитана парохода «Уралмаш» С. Заплаткина:

«Очень рады, что вы заинтересовались нашим судном. В прошлом году мы написали письмо в комитет комсомола завода, но ответа не получили.

Длина нашего парохода — 104 метра, ширина — 14,6 метра. Пароход может перевозить 3600—3800 тонн груза или 5700 кубометров древесины за один рейс. Силовая установка — паровая машина тройного расширения 1500 лошадиных сил. Скорость — 11 морских миль

в час, запас топлива 550 тонн, позволяющий тридцать суток бороздить моря без захода в порт. Экипаж судна состоит из 36 человек.

В 1964 году после капитального ремонта и некоторой модернизации судно вступило в состав действующего флота Северного морского пароходства.

Коллектив нашего корабля подобрался дружный. Маяками экипажа являются ударники коммунистического труда: механик В. Андреев, машинист В. Савин, электрик В. Михайлов, боцман С. Соколов, плотник В. Мысов. Они занесены на судовую Доску почета.

За время плавания мы побывали в портах Польши, ГДР, Норвегии, Швеции, ФРГ, Франции, Англии, Голландии и других стран. Только за 1964 год наш пароход прошел более 35 тысяч километров.

В заключение просим передать коллективу завода через газету «За тяжелое машиностроение» наш морской привет и заверить уралмашевцев, что мы с честью пронесем гордое имя вашего предприятия, сделаем все, чтобы это имя произносилось с уважением во всех портах Европы».

Л. КЕККЕЛЕВ

Следопытские дела

Челябинцы — гости Кавказа

Все началось с телеграммы. «Челябинск. Школа № 10. Юным краоведам. Приглашаем участвовать своим выставочным материалом V республиканском слете краеведов Грузии».

Приглашение было заманчивым и, как оказалось, почетным. Уральцы представляли всю Российскую Федерацию.

Слет краеведов Грузии проходил в бывшем дворце наместника Кавказа князя Воронцова. Сюда съехались следопыты почти всех школ республики, делегации из Армении и Азербайджана, гости из Латвии и Литвы.

Начался слет необычно. Делегаты и гости два дня осматривали исторические памятники Тбилиси и его окрестностей. Побывали на археологических раскопках в Рустави, осмотрели старинный храм в Мцхети. Было непривычно солнечно и тепло. Ведь когда уральцы уезжали из дома, их провожал 15-градусный мороз, а здесь — 20 градусов тепла.

Весело звенели из автобусов туристские песни. Скоро среди грузинских и азербайджанских зазвучали и наши, уральские.

— Когда говорят о России,
Я вижу свой синий Урал...

Наконец, открытие слета. Юных краеведов приветствовала делегация американских ученых, посетившая в то время Грузию. За ней слово представили уральцам. Оля Заволокина — староста исторического научного общества, начала его приветственными стихами:

Вам, братской Грузии хребты,
Шлем свой привет из недр Урала,
Из края строек и металла,
Из края сосен и мечты...

Оля рассказала об уральских следопытах и преподнесла грузинским друзьям скульптуру Данылы Мастера работы каслинских умельцев.

В перерывах осматривали выставки. Краеведы десятой школы показывали четыре альбома по

истории подводной лодки «Челябинский комсомолец». Собрано около 100 фотографий и более 150 страниц воспоминаний и документов. Два больших альбома рассказывали об истории создания газопровода Бухара — Урал, где следопыты побывали трижды на различных участках трассы от берегов Аральского моря до горных краев между Челябинском и Свердловском.

О ратных подвигах уральцев повествуют материалы, собранные об Уральском добровольческом танковом корпусе, а также дневник летнего похода 1965 года, который проходил под девизом: «Никто не забыт, ничто не забыто». В нем интересный материал о двадцати Героях Советского Союза.

Надо сказать, что если по археологии и этнографии грузинские и армянские школьники были впереди, то в исследованиях по историко-революционной тематике, Великой Отечественной войне и современному коммунистическому строительству они во многом учились у уральцев. Особый интерес вызвала работа Челябинского городского научного общества учащихся, организованного Дворцом пионеров и школьников и Челябинским педагогическим институтом.

После окончания слета уральцев пригласили к себе следопыты Армении.

Красота кавказской природы, архитектурные памятники Тбилиси и Еревана очаровали ребят. Но, пожалуй, самое неизгладимое впечатление оставил прием. Поезд из Еревана уходил в два часа ночи, но проводить нашу делегацию пришли на вокзал не только краеведы ереванского дворца, но почти все старшекласники и учителя тех школ, в которых мы побывали.

У челябинцев появились новые хорошие друзья. Кавказ стал ближе к Уралу, потому что между ними протянулись руки дружбы следопытов.

А. АЛЕКСАНДРОВ,
заслуженный учитель школы РСФСР

И. АЛЕКСАНДРОВ КАК ДЕЛАЕТСЯ УТРО

Рассказ

1

Объявили час свободной тренировки. Это значит, ты на каждом шагу, в каждый миг ждешь подвоха, одновременно и сам нацелен согнуть в бараний рог первого попавшего рогатозея, подставить ему ножку.

Но мне хочется малость отдохнуть. Пусть, ожидая нападения, косятся на меня товарищи, пусть они гуляют себе в стороне, не сходя на спираль боевого сближения, — я не трону их. Мне бы только побыстрее до той вон толстенной сосны.

Увязая по щиколотки в песок, лишь изредка скрепленном кочковатой колючей травой, я благополучно добираюсь до цели, но сесть и прижаться спиной к сосне не успеваю. Тот, кто сумел так хорошо спрятаться за ее необхватным стволом, уловив момент, дает мне хорошего пинка. Я лечу вперед, зарываюсь носом в песок... А там корни. Из глаз у меня вырывается сноп искр, и... наступает полная темнота и безмолвие.

Потом меня тащат к морю, окунают мою голову прямо в его волны. На дно оседает песок, смытый с моего лица. Легкие ленивые волны окрашиваются алым, словно их просвечивает закатное солнце.

Меня кладут на берегу лицом вверх. Я прикрываю глаза: белый свет не мил! А тут еще мой «обидчик» сидит совсем рядом и каючит:

— Ты прости меня, а? Ну, я же не нарочно, а?..

Я делаю ладошкой вялое движение — отстань, мол, потом разберемся. А сам чувствую: настоящие слезы закипают в моих глазах. Слов нет, как обидно: не сегодня-завтра мы должны выехать на НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО, и на тебе — изволь лежать сраженным заурядной мальчишеской бедой!

Мы готовились захватить главаря банды «лесных братьев», когда он зайдет на хутор к матери. Самой банды, можно сказать, уже не существовало: недавно мы разгромили ее базу. Но нам не удалось замкнуть кольцо окружения, и кое-кто из бандитов ушел. Нам стало известно, что эти недобитые фашистские прихвостни решили податься дальше на запад. Верный нам человек должен был сообщить, когда, в какой день и час выйдет главарь из лесу. Устроить засаду на хуторе мы не могли ни за три дня, ни за три часа до его прихода: мы не были уверены, что это тотчас же не станет ему известно. Хутор стоял на голой возвышенности, ближайшая опушка леса была не ближе чем в полукилометре. Нечего и думать о сплошном кольце оцепления. Мы должны были только засечь, что главарь действительно пришел на хутор, подтянуть немедленно силы и взять его, как берут медведя из берлоги. Взять живым.

Поэтому-то мы тщательно готовились. А я вот выбыл из строя...

И что теперь скажет капитан?!

Знаю, первым делом отведет взгляд в сторону: он страшно не любит смотреть в глаза провинившимся. Потом скажет: «Отдохни». Это значит — продолжай службу где-нибудь в хозчасти. Расстаться с капитаном — значит строить свою жизнь уже совсем на других началах. А на черта мне эти самые другие начала!

Пришел, наконец, наш санинструктор, полненький, кругленький, розовощекий паренек.

Он плюхнулся около меня на колени, долгим оценивающим взглядом всмотрелся в мое лицо и предупредил:

— Ну, терпи!

Я шевельнул указательным пальцем: давай, делай свое дело!

— Зубы целы?

Я шевельнул большим пальцем. Тогда санинструктор ловко принялся колдовать над моими несчастными губами и носом.

Намотал он что-то ужасное. Я осторожно ощупал толщу бинтов и обреченно махнул руками на все, что было, есть и будет. Все! Двухнедельный «отпуск» обеспечен. При этом даже нельзя будет сходить в увольнение, побывать в Риге, встретиться с Ниной. Да если и встречу, что же, на пальцах нам объясняться, как глухонемым?

Я опять ложусь на песок, закрываю глаза.

Интересным было знакомство с капитаном. Меня вызвали в Особый отдел нашей части. Недоумевающий, напряженный, я вошел туда, но навстречу мне поднялся из-за стола не начальник Особого отдела, а совсем незнакомый человек в штатском. Пока он приближался ко мне, я хорошо разглядел его. Худощий, длиннющий и, как многие люди такого телосложения, слегка сутулый. Будто им неудобно перед нами, карликами, за свою заоблачность и они хоть на сантиметр да ближе хотят быть с остальными смертными, сутулятся с извиняющейся улыбкой.

— Капитан Выворотный! — сказал он, пожимая руку. Меня поразила его фамилия.

Но разговор начался очень серьезный и это, мое первое удивление, растаяло как дым.

Примерно через час капитан встал из-за стола, поднялся и я, думал, что беседа закончилась. Но он неожиданно спросил:

— Сколько будет дважды два?

— Четыре!

— Молодец. Терпеть не могу, кто теяется от простого вопроса. Садись, поговорим еще.

Я сел, в душе премного благодарный капитану за честное предупреждение: «Со мной держи ухо востро!» И вправду, он безжалостно гонял мою память. Судите сами.

— Что тебе говорит такое словосочетание: Чайльд-Гарольд?

— Почти ничего.

— Почему?

— Не читал Байрона.

— Хорошо...

Под прицелом улыбчивых глаз капитана Выворотного мне пришлось отвечать — знаю ли, когда и как выпадает роса, помню ли хоть одно изречение Суворова, умею ли ходить по лесу без компаса, сколько километров до луны, какая бумага рвется бесшумно, пробовал ли тонуть когда-нибудь и т. д. Вопросы попадались трудные и легкие. Нужно было или ответить или немедленно признаться в своем незнании. Изворачиваться не полагалось. Эта игра понравилась мне, да что я говорю! — она сразу же захватила меня, настроила на какой-то ликующий, вдохновенный лад: я давно догадался, кто этот капитан в штатском и почему он интересуется мною.

В конце концов, я убеждаюсь, что имею дело с человеком, который хоть и изводит своего будущего подчиненного вроде бы пустяками, но в работе которого не может быть места какому бы то ни было легкомыслию и озорству, в работе которого нет и не может быть «мелочей» — все главное.

Так я попал под начало капитана Выворотного.

Не скажу, была ли это его настоящая фамилия или только кличка. Шли первые послевоенные годы, надо было вылавливать в прибалтийских лесах огрызающуюся нечисть; время было трудное, беспощадное, и в нашем кругу не все полагалось называть своим именем.

Мы тренировались день и ночь, в жару и дождь, за сутки узнавали и закрепляли в памяти и мускулах столько нового, что в обычных условиях человек едва ли усвоит за год, за десять, а то и за всю свою жизнь.

Провались она, эта сосна, которая доверчивость бойца встречает такими коварными пинками! Словно в насмешку над горем, вспоминается своя же поговорка: «Кровь из носу, а то-то и то-то сделаю!» Сделал!

Вспомнилась любимая поговорка, — воскрешается в памяти и тот переплет, в который мы попали недавно вдвоем с капитаном.

Мы с ним сидели в укрытии. Клочок неба над нашими головами прошивался свистом пуль, и мы затаились, как мыши под стеклянным колпаком. Нам было удобно, даже уютно. Захотели бы, могли и пересидеть свинцовую непогодь. Но мы знали: кому-то из нас необходимо броситься вперед, навстречу огню.

— Разрешите! — обратился я к капитану. Голос мой дрожал от возбуждения. «Вот оно, наконец-то, НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО» — думалось мне.

Капитан молча посмотрел мне в глаза.

— Разрешить легко. Сделать надо...

— Кровь из носу, а сделаю!

— Кровь из носу — сойдет при игре в Чапаева и его верного Петьку. Здесь не игра... — сказал капитан, и мигом остыл весь мой пыл. — Я прикажу, а ты свернешься. Ты свернешься, а я после этого живи...

Чувство вины перед капитаном охватило меня. Дело было не в том, что я мог именно так подвести его. Меня тянул вперед простой мальчишеский азарт, когда дело требовало ясной осознанности выполняемого долга. Вот потому-то я и не имел права на этот бросок.

Конечно, все это осмысливается мною с такой полнотой лишь теперь, когда я лежу на берегу моря и глотаю накапливающуюся во рту кровь. Тогда было все проще. Проще и страшнее.

— Следи за мной, Кровь-Из-Носу, — сказал тогда капитан и отер со лба пот, крупный и редкий. Пот, который поспешил выступить до того, как человек приступил к своей работе. — Поддерживай огнем. В случае чего — пойдешь по моему следу, но минуешь то место, где я упаду. И довершишь. Вот тебе мой приказ! — Капитан улыбнулся и добавил: — А потом выберешь время — прочитай все-таки Байрона!

И наше уютное укрытие будто выстрелило моим командиром.

Мне не пришлось идти по его следу...

Вот и получается: тренируешься, готовишься, собираешься, а НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА мне, кажется, так и не видать.

3

— Товарищ сержант! К капитану!
Я избегаю смотреть на товарищей. Они остаются на берегу, провожают меня молча, как в последний путь. Каждому все предельно ясно...

Позавчера, гуляя, мы с Ниной набрели посреди скошенного луга на подбитый танк. Под ногами шумела еще не оправившаяся кошенница, а вокруг танка, под ним и на нем самом колыхались предлинные былинки и казалось, что он пророс травой насквозь.

Танк был наш, русский. Мы простояли около него в долгом молчании.

— Ой, как я боюсь смерти! — зябко передернула плечами Нина. Я ничего не сказал, увел ее от танка. Тут никакие слова и не помогли бы: всего лишь пять лет назад фашисты расстреляли ее отца. Пришли, вывели из дома и расстреляли...

У Нины — мягкие-мягкие руки, добрый-добрый, смущенно нисходящий при встрече взгляд. И голос у нее тихий-тихий, чуточку в нос, и смех ее беззвучен — просто улыбка. Может быть, о таких, как она, и говорят: мухи не обидит.

Нина — ткачиха, родом из деревни, откуда-то из-под Цесиса. Она родилась и выросла в Латвии, но русская. Мне иногда кажется, что латышским Нина владеет лучше, чем родным языком. Хотя она и ровесница мне, живет при Советской власти считанные годы. Ей многое внове. Я так и не признался Нине, какова моя новая служба. Скажи ей это — даже невозможно представить, что с нею случится!..

Впрочем, кто ее знает. Спросила же она позавчера:

— Тебе нравится твоя служба?

Я рассмеялся и стал сетовать: нашему поколению не везет, знамя Победы уже доставлено из Берлина в Москву на вечное хранение, ну и так далее.

— А это и лучше! — оборвала мои жалобы Нина. — Но я не о том спрашиваю... Сколько я знаю, служба в армии всегда считалась... ну, что ли... наказанием, несчастьем... Трудно даже подобрать слова... Ну, ты же понимаешь!

— Хорошо, отвечу прямо. Нравится ли мне моя служба? Я влюблен в нее.

Нина как-то странно посмотрела на меня, и мне захотелось спорить, доказывать:

— Нравиться может что-то случайное, временное. Но любить можно только настоящее дело!

— Настоящее дело... Я что-то часто слышу от тебя эти слова.

— Потому что над этим я сейчас день и ночь думаю!

Нина опять взглянула на меня пристально, словно стараясь прочесть в моих глазах то, чем живу я дено и ночью. И я поспешил закончить разговор:

— Словом, наша армия — это хорошая школа, ни с какой другой несравнимая. Школа мужества.

Но последнее слово все же осталось за Ниной. Уже вечером, уже расставаясь, она провела пальцем по пуговицам моей гимнастерки, и как-то несмело, чуть ли не виновато сказала:

— Конечно, это невозможно... Но мне бы эту школу пройти...

— Значит, кровь из носу? — встретил меня вопросом капитан Выворотный. Глаза его смеялись. Сощурил и я свои — что мне оставалось еще делать: наш санинструктор оставил в толще бинтов ровно такую щелочку, чтобы я мог только дышать.

— Больно?

Я пожал плечами.

— Терпеть можно? Но все равно тебе...

И тут меня осенило. Пронзило, будто молнией. И я не дал договорить капитану его неумолимое «придется отдыхать». Я присел к столу, взял ручку и быстро написал на чистом листе:

«У меня есть знакомая девушка она отлично знает латышский мы с нею попадем на хутор Вилли до его прихода!»

Капитан прочитал, расставил по местам знаки препинания, и мы долго, невероятно долго смотрели друг другу в глаза, перестали видеть все остальное на свете, кроме того, что мы непременно должны были увидеть в нашем озарении. Мы как бы уединились в свой особый, никому неведомый мир. И вот что там представилось мне и капитану.

Я слабо знал латышский язык. Но с забинтованным ртом и эти знания мне без всякой надобности. Даже не забинтованный, а одетый соответственно, я мог сойти за латыша, за литовца, за эстонца — за кого угодно: настолько изуродовали физиономию вспухшие губы и нос. И чтобы не заподозрили меня в обмане, чтобы не разоблачили немедленно, я должен был бы иметь напарника, владеющего местным языком и еще, вдобавок, языком тайных знаков, чтобы всегда вовремя подсказывать: то утвердительно кивнуть, то качнуть головой отрицательно, а когда, может, и пожать плечами, и сощуриться, словно улыбаясь. Это — только в общем разговоре. А если бы пришлось действовать нам, мне и напарнику? Мог ли я когда-либо раньше предполагать, насколько безграничны возможности тайных знаков! Особенно, если у тебя будет не напарник, а напарница. Ведь женщине даже при смертельной опасности позволительно следовать за своей внешностью. И при этом сколько у нее, казалось бы, лишних, суетных движений: как там с прической, платьем, чулками, обувью —

да не перечислить всего! Так вот, приведи все это в строгую систему условных знаков — и женщина под самым пристальным, трижды перекрестным вражеским наблюдением сможет передать тебе самую тайную тайну.

Вот что увидели мы с капитаном, удивившись в свой особый мир. И там, видимо, нельзя было разговаривать — капитан написал:

«Ты с ума сошел!»

«В этом подозревали на первых порах всех великих первооткрывателей!»

«Не фантазируй. Мы не вправе втягивать в это дело посторонних».

«Она комсомолка!»

На этом наша переписка прекратилась. Капитан задумался. Из всех предварительно продуманных вариантов захвата бандитов этот неожиданный вариант был, видимо, не менее перспективным...

Закатывалось солнце, когда на хутор Вилли забежали парень и девушка. Парень держал у лица носовой платок, густо измазанный кровью.

— Мы были в Брочени, — пугливо оглядываясь, объяснила девушка, — хотели потанцевать. Пристали солдаты, и вот что получилось.

На хуторе, кроме собаки, беснующейся на цепи и грызущей стойку перил, сегодня оста-

валась одна хозяйка, женщина с удивительно крупным, широким и плоским телом, с еще более удивительно маленькой головой. Женщина не выказала ни удивления, ни сочувствия, ни осуждения. Она просто стояла в дверях и не пускала их в дом.

— Мы сами из Риги, вчера приехали в Салдус, в гости к моей сестре. О, что же делать! У вас не найдется какой-нибудь чистой ветоши? Ведь Ян истечет кровью! Будь они прокляты, эти красивые солдаты! Пусть их покарает господь!

Женщина сходила в дом, зорко оглядела пространство перед домом и сунула девушке два индивидуальных пакета. Они были немецкого происхождения...

Перевязка заняла очень много времени. Стемнело.

Молодые люди не уходили. Парень полулежал на ступеньках крыльца, временами шумно проглатывая что-то. Девушка держала руки у него на лбу и не сводила с парня застывших в ужасе глаз.

— Тетушка, нельзя ли нам переночевать у вас? — робко спросила она, когда померкли последние краски зари.

Женщина — или решала очень трудную для нее задачу, или вообще все так тяжело и долго переваривалось в ее маленькой голове — не отвечала, не говорила ни да, ни нет. И когда время раздавило, казалось, последнюю надежду для парня и девушки, женщина зашевелилась.

— Пойдемте.

В темноте они прошли через несколько дверей и очутились в комнатке с одним окошком.

— Здесь, — сказала женщина. — Койка одна.

И ушла. И сразу же в доме воцарилась тишина. Даже удивительно было, что такая крупная туша умеет ходить совершенно бесшумно.

Девушка нащупала рукой койку, села, потянула к себе своего «Яна». Но тот мягко отстранился, пошел к окну. Все его попытки оказались напрасными: рама была глухая — не имела ни створок, ни форточки. Окно выходило во двор. Половину закатного неба загораживало высокое, громоздкое строение — с конюшнями понизу и санным сараем сверху. Слышно было, как совсем близко гремит цепью собака. Вот она, резвясь, радуясь предоставленной на ночь свободе, пошла бегать по двору кругами. Затем скрылась из глаз, приюхиваясь, проверяя подступы к дому. Глухо стучали задвигаемые железные запоры.

Парень подсел к девушке, они порывисто обнялись, прижались друг к другу и сидели так долго-долго, потеряв всякое представление о времени...

Сидели они так до тех пор, пока во дворе коротко не взлаяла собака. Тогда они скинули обувь и моментально легли в постель в чем есть.

Крадущиеся шаги, осторожное пощелкивание запоров, женское «шу-шу-шу», мужское «бу-бу-бу» — и по половицам зацокали кованые сапоги, под дверью комнатки заблестело узкое лезвие света, а потом вдруг стало нестерпимо тихо.

— Кто такие? — спросил грубый хриплый голос откуда-то сверху, из-за лампы с плоским, в виде крышки от консервной банки, отражателем. Как ни слаб был свет трехлинейной керосиновой лампы с закопченным стеклом, после долгой темноты слепил и он. Особенно неудобно было оттого, что никого не виделось за отражателем.

Девушка повторила их историю, называя себя Зидрой, парня — Яном. Она сидела на койке у стены, позади парня, и держалась за его плечи. Он же, с видом человека, вынужденного молчать, сидел, хмуро свесив голову.

— А ну, развяжи! — приказал грубый голос.

— О, зачем! — взмолилась девушка.

— Это правда, — неожиданно подала голос хозяйка, и потому, как заколыхался при этом свет, можно было догадаться, что лампа в ее руках. — Я им дала бинтов.

— Значит, солдаты? — спросил грубый голос.

Парень хмуро глянул в его сторону, и кивнул.

— Встать!

Девушка слегка прихлонула по плечу парня, как бы прося дать ей дорогу.

И едва парень спустил ноги с койки и привстал, из темноты выступил угрюмый верзила, быстро и ловко обыскал его.

Их необязательно было бы ставить рядом, — достаточно сначала увидеть мать, а потом его, этого верзила, и догадаться, что это и есть ее сын: такое же плоское, широкое тело, такая же непомерно маленькая голова.

— Это еще зачем? — вспыхнула Зидра, когда верзила шагнул к девушке, растопырив для обыска обе свои руки.

— Тихо, детка! В гостях не шумят.

Но «гостья» резко, с силой ударила по протянутым рукам.

— Нет у меня ничего, смотрите! — Девушка похлопала по кармашкам жакета, по бедрам. — С коих пор это на латышских хуторах стали обыскивать гостей!

Есть женщины, которые не умеют ругаться, которым не к лицу ругань. Голос у девушки срывался. Верзила минутку смотрел на нее с явным сожалением, а потом вдруг рассмеялся странным, коротким, как хриплое дыхание, смехом:

— Х-хэх-х-х!

Бесцеремонно оттолкнул девушку, привычно быстро, но тщательно, встряхнул и обыскал постель.

Лампа колыхнулась в пространстве.

— А ну, вон отсюда, сопляки!

— Но, Вилли...

— Ты неправильно поняла меня, мама...

Просто я хотел, чтобы они посидели с нами.

«Все нормально!» — просигналил парень девушке пожатием руки, пока они шли темным коридорчиком.

Их привели в небольшую комнатку. Тут обнаружилось, что Вилли вошел в дом не один: Зидра и Ян прошли мимо человека, галантно пропускающего их вперед, улыбающегося так, что зубы его казались роем светлячков. Галантность галантностью, человек, однако, был с немецким автоматом.

Мать повесила лампу на стенку. Здесь же, чуть пониже, висел другой автомат.

Единственное окно было затянато чем-то темным, кажется, одеялом. На столе уже стояла холодная закуска — сало, нарезанное

тонкими ломтиками, и еще что-то в глубоких глиняных плошках. Посредине стояла четвертная бутылка с мутной желтоватой жидкостью, на углу лежал непечатый каравай хлеба. Пахло луком, сметаной, самогоном.

Молодых людей посадили в тесное застолье, причем Ян оказался зажатым в углу. С краю на их лавке уместился тот улыбочивый лесной человек. Напротив всех, под лампой и автоматом, лицом к двери, сел Вилли. Между ним и стенкой было еще достаточно свободного пространства для того, чтобы он мог отодвинуть стул, отбросить его туда или сюда в случае надобности. Мать ушла на кухню — хлопотать у плиты. И Ян, и Зидра хорошо видели ее в узенькую дверь кухни — значит, и она не упустила их из виду.

Вилли налил всем по полному стакану.

— Пьем! — сказал он и с особым выражением взглянул на Яна.

И тут все захохотали. Впрочем, это не совсем точно. Хохотала одна Зидра, пригибаясь к столу и заглядывая в лицо Яна снизу. Вилли только выдохнул свое обычное «х-хэх-х-х!», а его спутник засиял улыбкой — шире улыбнуться он уже не мог: мешали уши. Ян осторожно потрогал бинты на носу и губах, сощурил глаза в кислой усмешке.

— А потом вот закуси! — сказал улыбочивый, подвигая к нему тарелку с салом.

Вроде бы еще веселее стало за столом.

Ян порывисто взял свой стакан и, звякая им по другим, поторопил весельчаков приложиться к вонючему пойлу, а сам поиграл бровями, как бы выражая сожаление, что не может последовать примеру остальных, поставил чарку на место.

Дело пошло. Наладив дыхание после выпивки, улыбочивый вновь всполошился: Зидра тоже не пригубила, куда это годится!

— Разве можно пить такую дрянь! — возмутилась она. — Вот когда у нас в доме немецкий офицер стоял, он мне поднес однажды такое вино, такое вино — я потом пальчики облизывала!

— О-о-о!

— Х-хэх-х-х!

Однако Зидре все же пришлось отхлебнуть «этой дряни». Она, искусно или всерьез, жестоко закашлялась, кашляла долго, а когда нашла в себе силы вымолвить хоть что-нибудь, простонала по-русски:

— Ой, бо-же мой!

Бандиты замерли с вывернутыми в жвачке челюстями.

Девушка случайно подняла голову, заметила их оторопелость и звонко расхохоталась.

Оказалось, у нее был дядя — безнадежный пропойца, у дяди была поговорка, которая привилась ему в лучшие времена: чтобы не гневить бога упоминанием его имени всуе, он после каждого стаканчика приговаривал это русское «Ой, бо-же мой!»

Ян все это время сидел, низко склонившись над столом, зажав ладони между колен. Но так казалось только со стороны. На самом деле он держался за круглую фигурную ножку стола, готов был в любую минуту поставить его на дыбы и навалить на Вилли. О том, что за этим последует, думать было некогда. И только после того, как Зидра выбралась из щекотливого положения, в кото-

рое она попала с этим нечаянным «боже мой», и показала ему знак: «Все в порядке!», парень отпустил ножку стола, дал покой горячим, вспотевшим ладоням.

Лесным братьям, видно, пришлось по душе присказка мифического дяди: они, опрокинув в заросшие пасты по второму стаканчику, произнесли ее в один голос и, будто бы довольные этим, перемигнулись.

— Ты откуда родом? — внезапно спросил Вилли у Яна.

Зидра встрепенулась, чтобы ответить за друга, но Вилли резко остановил ее, прищелкнув пальцами. Улыбочивый достал из внутреннего кармана тужурки блокнотик, вырвал листок и подал его Яну вместе с ручкой. Немецкой шариковой ручкой.

«Я из Риги», — написал Ян по-латышски, крупно, размашисто.

— Полный адрес!

«Рига, Марупес, 27», — едва уместилось на другой стороне листка.

— Хорошо, заеду когда-нибудь в гости, — сказал Вилли, пряча листок в карман кителя, и, не меняя голоса, попросил: — Открой окно.

Ян уставился на него в недоумении, потом, не сводя глаз с Вилли, приподнялся, потянулся через стол к окну, взял за край одеяла.

— Пст! — остановил его Вилли. — Хватит. Садись... Я думаю, ты не только немой, но и глухой. Х-хэх-х-х!

Ян краем глаза видел, как светятся зубы улыбочивого.

5

Во дворе встревоженно залаяла собака. Казалось, за столом никто не обратил на это внимания.

Собака побежала куда-то за угол, она лаяла взахлеб.

Бандиты, не глядя друг на друга, полезли в карманы, достали сигареты и разом закурили, пользуясь всяк своей зажигалкой.

Собака вернулась из-за угла, пробежала под самым окном с недовольным ворчаньем. По-человечески ее можно было понять так: «Ни дня, ни ночи! Ни дня, ни ночи! Будь она проклята, собачья служба!»

— Этот идиот ни с одной собакой не может поладить! — проворчал Вилли, бросая зажигалку в грудной карман кителя.

Зидра быстро передала Яну: «Их трое!» Но при этом она, должно быть, не сумела скрыть своего беспокойства: Вилли покосился на нее, потом на Яна. Стало опять тихо.

— У вас что, еще один там есть? — спросила Зидра, испуганно округляя глаза. — Это у вас такая опасная жизнь?!

Бандиты переглянулись, заулыбались.

— Ну, что ты, детка, — заворковал улыбочивый. — Сплошная прогулка!

— Ой, не говорите! Я же вижу!

— Что ты видишь?

— Вы же из леса!

— Ну, и что?

— Это же жуть как опасно!

— Ты бери пример со своего женишка: смотри, он даже носом не повел! — сказал Вилли и первым выдохнул свой смех.

Ян поднял на него глаза и сощурил их как бы в улыбке.

— Да-а, ему легко: он мужчина! — продолжала Зидра. — Давеча он одному солдату так двинул, так двинул, что и тот, пожалуй, боится теперь носом шевельнуть!

Лесные братья разом закинули сигареты в проем кухонной двери и взялись за стаканы.

— Нет, правда, дядечки! — не отставала от них Зидра. — Вы бы сходили, посмотрели, что там. У меня...

Со двора, должно быть из конуры, донеслось жалобное поскуливание собаки, словно она просила у кого-то пощады.

Все опять уставились на занавешанное окно.

Но во дворе было тихо. Собака больше не подавала голоса. Возможно, ее побеспокоили блохи.

— Ой, у меня душа не на месте! — сложила ладони у подбородка Зидра.

— Ты-то не скули! — прикрикнул Вилли и кивнул своему спутнику.

Тот с длинным вздохом встал из-за стола, сунул в рот что-то вкусно хрустнувшее и на цыпочках вышел из комнаты в дверь на заднее крылечко.

— Накинь крючок! — дернул подбородком Вилли, и когда Зидра выполнила его приказание и вернулась на место, на столе перед Вилли уже лежал пистолет.

Нина растерялась: она никак не ожидала, что ее слова, наговоренные ею просто так, для отвода глаз, возьмут на бандитов такое прямое действие. Для отвода глаз? Тогда она ошиблась раньше?.. Да, она сделала лишнее движение: «Их трое». А ведь ее и сержанта предупреждали: Вилли придет не один, но сколько бы их ни было — это не ваша забота,

вы действуйте строго по плану, и если все же придется проявлять инициативу, то опять-таки не теряйте из виду конечную цель... Ну, подала знак, подала... Добро бы сделать это спокойно, а то ведь занервничала — и потянулась целая цепочка ошибок: наболтала, подозрение от самих себя отвела, а товарищей, может быть, поставила в весьма затруднительное положение. И еще неизвестно, чем это, в конце концов, обернется... И нет в ее распоряжении знака, которым она могла бы предупредить сержанта о случившемся, — такой знак не предусмотрен. А предупредить его надо...

Нина решила и подала наиболее подходящий для такого положения сигнал: «Будь готов!».

Сержант застонал, схватился руками за биты, затрясся весь, из закрытых глаз его выкатились слезинки.

— Х-хэх-х-х! — засмеялся Вилли и тут же сам задергался в судорогах позевоты, заразительной, как смех.

Сержант отмахнулся: мол, вам смешно, и согнулся, зажав руки между колен, застыл в позе скучающего трезвенника на званом вечере.

Из кухни вышла мать Вилли, села на место улыбочивого и посмотрела на сына как-то пристально, многозначительно. Тот, закуривая, — нет, не кивнул, а только прикрыл

глаза, и мать опять ушла на кухню, где что-то кипело, что-то шипело.

Дела начинали принимать оборот, никак не предусмотренный планом. По плану Нина должна была попроситься будто бы «до ветру» и выйти во двор. Заодно нужно было добиться, чтобы ее сопровождала мать Вилли. Впрочем, Нину и не опустили бы одну. Все это открывало двери в дом.

Но сделать все именно так сержант и Нина должны были только после сигнала общей готовности, после того, как будет оцеплен дом. Теперь же все путалось, и вряд ли товарищам удастся подобраться вплотную без шума. Как тут быть?

Нина стиснула ладонями щеки.

— Что, детка, спать захотелось? В постельку?

— Какой тут сон! — сказала Нина с сердцем. — Я так переволновалась сегодня!

— Ну что это за волнения! Детские!

Вилли продолжал говорить еще что-то о треволнениях, но Нина его не слышала. Ей вспоминалась беседа с подполковником и капитаном. «Мы не вправе тебе приказывать, мы даже не вправе просить тебя, Нина, но твоя помощь нам была бы очень кстати». «Когда?» — спросила она. «Может быть, даже сегодня», — ответили ей. «Это и лучше!» — сказала она. «Почему?» — спросили офицеры. «Чтобы не переволноваться раньше времени!» Но ее поправили с мягкой улыбкой: «Нет, Нина, в нашем деле так: лучше переволноваться заранее, чтобы, действуя, уже быть самим собой».

А она тут разыгрывала из себя взбалмошную, избалованную девчонку!

— Как звали того офицера, который стоял у вас?

Нина удивленно посмотрела на Вилли, прежде чем ответить ему:

— Этого я не скажу. Я забыла. Потому что долго болела после него. — Нина ткнула в висок указательным пальцем и покрутила им.

Вилли скосил глаза на «Яна». Тот покоился на «Зидру».

— Ты извини меня, Ян, что я рассказываю об этом постороннему, — сказала Нина, тронув сержанта за плечо.

К ней пришло спокойствие, деловое спокойствие, хотя в душе она все еще не могла поверить тому, что человек так просто и убедительно может произнести столь чудовищную ложь.

Может, Нина, может! Оставаясь самим собой. Для пользы дела.

С той особой обостренностью чувств, которая овладевает нами в подобных ситуациях, Нина поняла, что своими словами попала в самую точку, что Вилли потерял всякий интерес к ним — «Яну» и «Зидре».

— Так, — сказал Вилли и, не бросая курить, отправил в рот кусок сала, принялся сосать его, как конфетку.

И тут, наконец, сержант и Нина услышали долгожданный сигнал:

— Чим, чим, чи-и-им! Чим, чим, чи-и-им! Чи-и-им! — пропела где-то невдалеке «утренняя пташка».

«Уходи!» — скомандовал я, особым знаком добавил: «Направо». Это на кухню, зна-

чит, к матери Вилли. Проситься на улицу Нине было бы сейчас неудобно: там «оставался» улыбчивый.

«Поняла», — ответила Нина, но продолжала сидеть, уставившись в стол оцепенелым взглядом.

б

«Уходи!» — повторил я. Все дальнейшее мною было рассчитано с точностью и четкостью гимнастического упражнения. Оставалось только начать счет: «Раз»...

Но Нина все медлила. В чем дело?!

Нина подняла глаза.

Вилли повернул к ней голову.

Нина выкинула в его сторону руку с прямым указательным пальцем, нацеленным прямо в лицо ему, и весело расхохоталась.

Вилли взглянул на нее в хмуром недоумении и, как это всегда бывает в таких случаях с людьми, осторожно, недоверчиво ощупал свое лицо, заросшее светлым пухом.

— Смотрите! — заливалась Нина. Она достала из кармашка крохотное девичье зеркальце и протянула бандиту.

Не успел бандит всмотреться в свое отражение, как пистолета уже не стало на столе перед ним.

И не успел бандит сообразить это, как тяжелый, возможно, дубовый, с толстыми фигурными ножками стол со всей силой и поудой опрокинулся на него, повалил его вместе со стулом, и он со всего маху ударился головой о стенку.

Это была дощатая, оклеенная обоями переборка, и она, спружинив, сбросила с себя лампу.

Наступила темнота, колеблемая лишь кроваво-красными отблесками огня в кухонном очаге.

С кухни донесся звериный вой матери.

И вдруг — свет.

Это я сорвал с окна одеяло. На дворе уже рассвело. Нина стояла у двери. Одной рукой она снимала крючок, в другой тяжело ходил ненужный ей пистолет.

В дверях кухни появилась мать. У нее в руках была большущая кастрюля с кипятком, и она искала дикими глазами, кого облить.

Тут ворвались наши товарищи и навалились на почти выбравшегося из-под стола Вилли.

Я кинул через их головы одеяло, целясь в мать, в кастрюлю, но одеяло развернулось на лету, как парашют, и опустилось на пол, не долетев до цели.

Нина живо подхватила его, и в тот момент, когда мать уже замахнулась кастрюлей, чтобы вылить кипяток на головы наших товарищей, Нина накинула на нее одеяло.

Мать закричала, выронила кастрюлю и навзничь повалилась в кухню.

В доме пахло баней, керосином, самогоном, кавардаком, но все уже было кончено.

7

Мать сразу же отправили на машине в городок, в больницу. — она сильно обварила себе ноги. Дождаясь возвращения машины, мы все сидели на дворе. Военврач с пухлощеким санинструктором обрабатывали

рану на лбу Вилли — он ее получил, кажется, от падения лампы.

Вилли сидел, прислоненный к ступенькам крылечка, желтый-желтый и не подавал никаких признаков жизни. Когда же медицина сделала свое, бандит облизал губы, пошевелил руками, круто заломленными насад, связанными там, и что-то сказал. Все посмотрели на Нину.

— Курить просит, — еле слышно перевела она, бледная и вконец обессиленная.

Кто-то достал портсигар. Нина взяла его и подошла к Вилли. Тот прошипел что-то короткое, понятное без всякого перевода. Нина отошла к улыбочивому, который лежал у завалянки связанный и с кляпом во рту.

— Солдат. Дай. Курить, — раздельно попросил Вилли у нашего санинструктора.

— Ах ты, гад ползучий! — затрясся тот, и мы впервые увидели его таким. — В рыцарское благородство играешь?! А вот этого не хочешь, гнида первобытная!

Вилли, уклоняясь от кулака с побелевшими суставами, так вжался в себя, что исчез его острый подбородок. Взгляд его белесых, почти бесцветных глаз застыл на чьих-то ногах в стоптанных немецких сапогах, торчащих из-за угла дома.

Я увел Нину в сторону. По пути мы заглянули за угол и увидели чье-то длинное недви-

жимое тело, накрытое с головой солдатской плащ-палаткой. «Третий!» — догадались мы.

Присели на лужайке, на росистую траву, подальше от всего, — чтобы больше ничего не видеть и не слышать.

— Ты сердиться на меня? — спросила Нина, страдальчески улыбаясь.

Если бы я мог ответить словами, я бы ответил коротко и ясно. Но мне надоело, просто-таки осточертело объясняться знаками, и я сделал жест, известный всем на свете — приложил указательный палец к губам, то бишь к бинтам своим: помолчим-ка давай, подруженька!

— Конечно, сердиться! — со слезами в голосе сказала Нина. — Но ведь я так переживала, так боялась за тебя...

Я погладил по ее мягким, пахнущим давними духами волосам.

Подошел капитан Выворотный, переломился пополам, как нож-складень, присел у наших ног. Он был в странном стеганом костюме, похожем одновременно на маскхалат. Рукав его был в крови.

— Собаку брал, — пояснил он, поймав мой взгляд. — У меня ни одна не пикнет. Что, переживаете заново?

— Да вот, — Нина качнула головой в мою сторону, — ругает...

— Ничего, разберемся, — сказал капитан

скучным голосом. — Еще неизвестно, кого и за что больше будут ругать.

— Ой, я больше никогда не буду так делать! — слабо улыбнулась Нина.

— Ты поставь свечу своей планиде, что у тебя хватило духу на один этот раз. — Капитан повернул голову ко мне, притянутый моим взглядом. — Ну, чего ты, чего?! Притишь себе зрение. Я же не в охулку ей говорю, а в похвалу...

Капитан неожиданно рассмеялся:

— Артисты! Надо же такую самодеятельность!

— Хотелось, чтоб без жертв, — тихо, не то оправдываясь, не то обижаясь, сказала Нина.

— Без жертв... Мне, что ли, охота их иметь!

— Однако не обошлось же...

— То есть?

— А третий-то...

Капитан хмыкнул. Без всяких видимых усилий, словно подброшенный трамплином, встал на ноги. С высоты своего роста бросил:

— А ну-ка, за мной... Только без вопросов, без ахов и охов чтобы у меня.

Он привел нас к углу дома, осторожно приподнял край плащ-палатки там, где должна была быть голова трупа.

Нина судорожно сжала мою руку.

Под плащ-палаткой никого не было. Там, в точности воспроизводя контуры человеческого тела, были сложены солдатские баш-

латы — ни больше, ни меньше, и только сапоги, несомненно, принадлежавшие тому, «третьему», высовывались наружу — за угол, чтобы мозолить глаза остальным двум бандам.

— Вот так, — сказал капитан, с той же осторожностью накрывая плащ-палаткой это сооружение. — Идите отдыхайте...

Мы вернулись на лужайку.

Всходило солнце, румяное, распухшее после сна. Из далекого леса доносилось неумолчное щебетанье птиц. За сараем раз за разом орал петух. По тракту, отрезок которого виднелся в конце поля, с треском катили телеги, шли женщины с граблями на плечах. И где-то, не понять, где именно, уже звенела натачиваемая перед первым заходом коса. Ее звон разносился по округе призывным торжествующим сигналом.

— Верись, первый раз вижу, как делается утро! — сказала Нина, с тихой улыбкой оглядываясь по сторонам.

Я недоуменно вскинул брови.

— Отец, бывало, придет с ночной смены, будит: «Вставай, Нинок, утро уже готово!» Вскочишь, и правда утро: вот оно, радуешься только. Правда-правда, я так и думала: отец у меня работает там, где делают утро!

Нина прилегла, положив мне на колени голову.

— Как редко мы встречаем восход на ногах, — прошептала она устало.

Рисунки Ю. Ефимова

Реликвии с базара

Недавно мне довелось быть по служебным делам в Нижнем Тагиле. До отправления поезда оставалось более двух часов. Оставив чемоданчик в камере хранения, я вышел на привокзальную площадь и оказался на городском рынке. Здесь, среди немногочисленных колхозниц, торгующих овощами, молоком и прочей снедью, мое внимание привлекла стоящая в стороне пожилая женщина с сигаретой в руке, в старом салопе какого-то невероятного фасона. Сбоку от нее, прямо на снегу, лежала стопка сильно потрепанных и засаленных книг. Спросив разрешения, я взял в руки верхнюю книжку и сразу понял, что попал на золотую жилу. На обложке стояло Ф. Лассаль. «Принципы труда в современном обществе», издательство «Молот», 1905 год.

С интересом перебираю стопку дальше... Поль Лафарг — «Профессиональное рабочее движение в Германии», «Американские тресты» и другие его работы... Вот

псевдоним: Н. Бельтов. Это — Плеханов, так он подписывал свои публикации в конце прошлого века, в том числе и эту — «Критика наших критиков», известный его труд, выпущенный 25 декабря 1905 года в Петербурге.

Наконец вижу отдельные, изрядно потрепанные брошюры с работами К. Маркса. Особенно примечательна одна из них, это «Гражданская война во Франции (1870—1871)». К этому труду дано предисловие его друга и соратника Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Книга вышла в издательстве «Буревестник» в 1905 году в Одессе.

Дальше в стопке был какой-то религиозный хлам в виде старых молитвенников, без начала и конца, закапанных воском от свечей.

А между тем время близилось к отходу моего поезда. Второпях взяв несколько брошюр, я уже готов был бежать на вокзал, как заметил толстую книгу в хорошем переплете, с кожаным корешком. На титульном листе я прочел: «Владимир Ильин. Развитие капитализма в России. С.-Петербург, 1899 год. Издание М. И. Во-

дозовой». Конечно, я с жадностью схватил эту ценную реликвию — первое издание знаменитого ленинского труда.

Хозяйка книг, видя мое волнение, которое я, вероятно, не сумел скрыть, запросила приличную сумму, а я не посмел торговаться — некогда. Перед моим уходом продавщица сказала:

— Зайдите ко мне домой, этого добра у меня много.

В спешке я не спросил ее адреса, хотя она сказала, что живет невдалеке от рынка.

Уже в вагоне, рассматривая книги, я обратил внимание, что все они читаны с карандашом в руках — почти на каждой странице есть пометки где простым, а где красным карандашом. Значит, книги были в работе. На обложках и некоторых титульных листах видны надписи: «В. Чебураки», «Замборт», «Е. Захаровой». Кто эти люди? Где они сейчас? Какой путь прошли книги, прежде чем попали на тагильский базар? Может быть, следопыты попытаются ответить на эти вопросы.

М. ПУЗЫРЕВСКИЙ

ТАК УМИРАЛИ ГЕРОИ

Летом 1917 года в рабочем поселке Карабашского завода был создан кружок рабочей молодежи, положивший начало городской комсомольской организации. Вожаком его стал счетовод материального склада завода семнадцатилетний Афанасий Логутенко. В кружок вошли: Степан Ерошкин, Алексей Брялин, Федор Мишин, Степан Малоземов, Иван Тараканов, Николай Волков.

Кружковцы оказались хорошими помощниками старшим товарищам. Они выступали с концертами в клубе, разоблачали врагов рабочего класса, распространяли большевистскую литературу.

С первых дней Октября в Карабаше началась запись добровольцев в отряд Красной гвардии. В него вступили все члены кружка.

С утра до вечера красногвардейцы обучались стрельбе, штыковому бою. А когда атаман Дутов и белочехи подняли контрреволюционный мятеж, отправились защищать молодую республику Советов.

...В один из июльских дней 1918 года в Карабаш нагрянули колчаковские каратели. Начались повальные обыски и аресты. Одними из первых были арестованы Иван и Афанасий Логутенко. Белые нашли у них оружие и приговорили к расстрелу¹. Вскоре были схвачены мать Логутенко, многие большевики и члены Союза молодежи — Федор Мишин, Николай Волков, Иван Тараканов, Степан Ерошкин, Алексей Брялин. Арестованных разбили на две партии и погнали по пыльной дороге в направлении Миасса. Голодным, обессиленным людям белогвардейцы не разрешали даже глотнуть воды, а тех, кто падал, привязывали веревкой к седлам и тащили волоком.

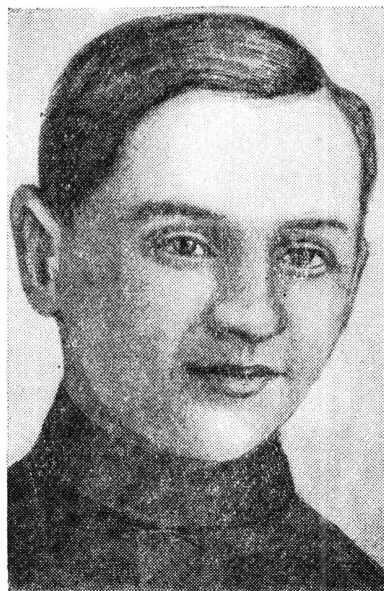
На старой заброшенной шахте у села Тургояк арестованных загнали в барак. Началась расправа. Каратели вывели безоружных людей к шахте, рубили шашками и сбрасывали в шурфы. Но никто не просил пощады. Вот белогвардейцы подвели к стволу шахты братьев Николая и Александра Щербатовых. Они обнялись и, крикнув «Да здравствует Советская власть!» — бросились вниз...

Летом 1919 года, когда полки Красной Армии освободили Урал, из шахты извлекли трупы погибших — их было девяносто шесть — и с почестями похоронили в братской могиле на городской площади.

...В южной части Карабаша, на площади Павших борцов, на высоком пьедестале неподвижно стоит рабочий-красногвардеец. Одной рукой он опирается на молот, другой — сжимает винтовку. Взгляд красногвардейца устремлен на восток, туда, где из-за каменных гор поднимается солнце, возвещая наступление нового дня.

Л. АХМИН

¹ Как стало известно позже, братьям Логутенко удалось вырваться на свободу. Они вступили в Красную Армию и участвовали в разгроме Колчака.

Николай Волков

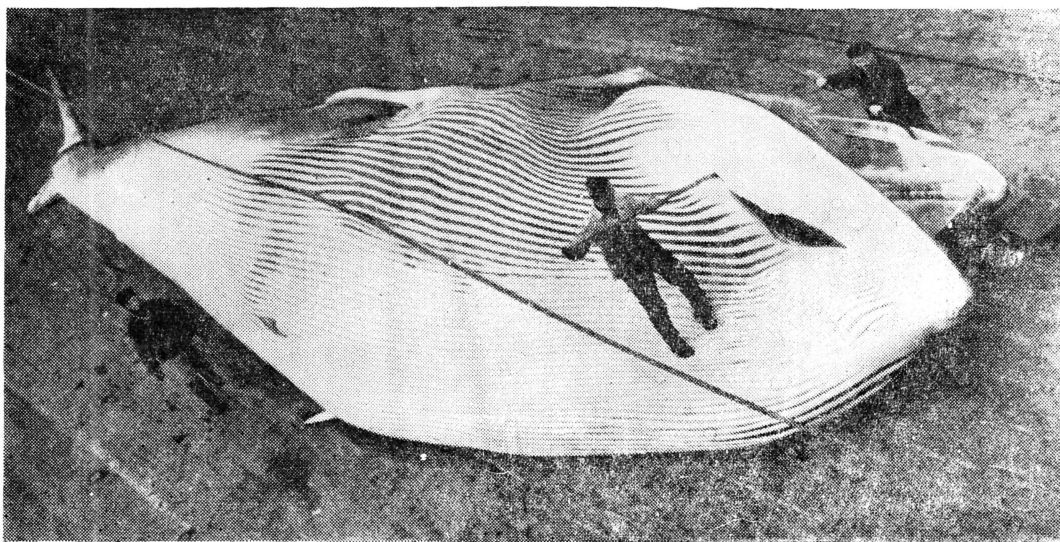
Федор Мишин

СЛАВНЕЕ СЛАВНЫХ

*Ударник коммунистического труда
да разделщик китов Василий Корнилов.*

Кит на разделочной палубе.

Есть одна профессия, которая нынче, как и много десятилетий назад, несмотря на все развитие техники, остается образцом мужества, силы, отваги и смелости. Все так же нужно побеждать в трудных схватках с океанской стихией, все так же должна быть крепкой рука и точным глаз. Эта профессия — китобой. И требует она особых качеств потому, что человек этой профессии вступает в единоборство с гигантами.

В самом деле, как не поразит воображение этакая живая гора, плавающая в океане. А если, к тому же, она не просто плавает, но еще и может развить скорость хорошего быстрого лайнера, если сила мышц этой «горы» может поспорить с двигателем в тысячу лошадиных сил, — право, встреча с нею не безопасна.

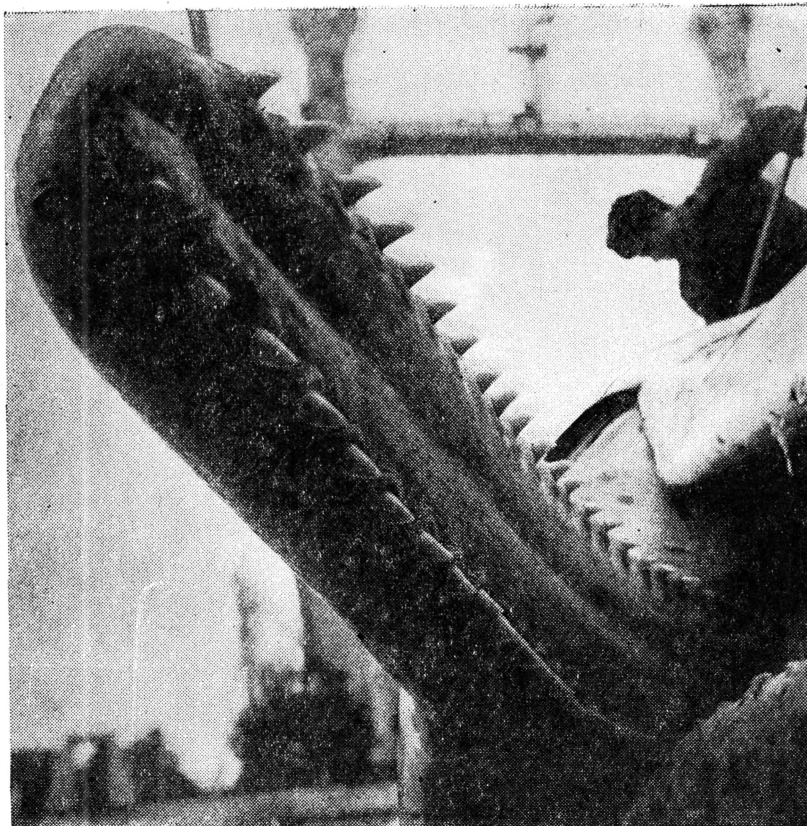
Пушка замерла над водой. Она похожа на бушприт. Она — сердце не знающего усталости китобойца. Сердце, которое приводит в движение людей, корабль. Выстрел — и устремился китобоец за раненым китом. Натянут капроновый ливень. Натянут, словно струна. Приложись ухом — и ты услышишь высокое пение. А кит уходит все дальше и вглубь, он стремится избавиться от неожиданных преследователей. Но... Что говорить, если кашалот способен нырнуть на глубину до одного километра и пробыть под водой не меньше часа.

Нетрудно представить всю трудность, сопряженную с охотой на такого гиганта. Но зато результаты сторицей окупают труды. Каждый такой кит — это около ста тонн мяса, ценного жира, богатой витаминными печени, спермацета, амбры.

Ну, а если посчастливится загарпунить кита!

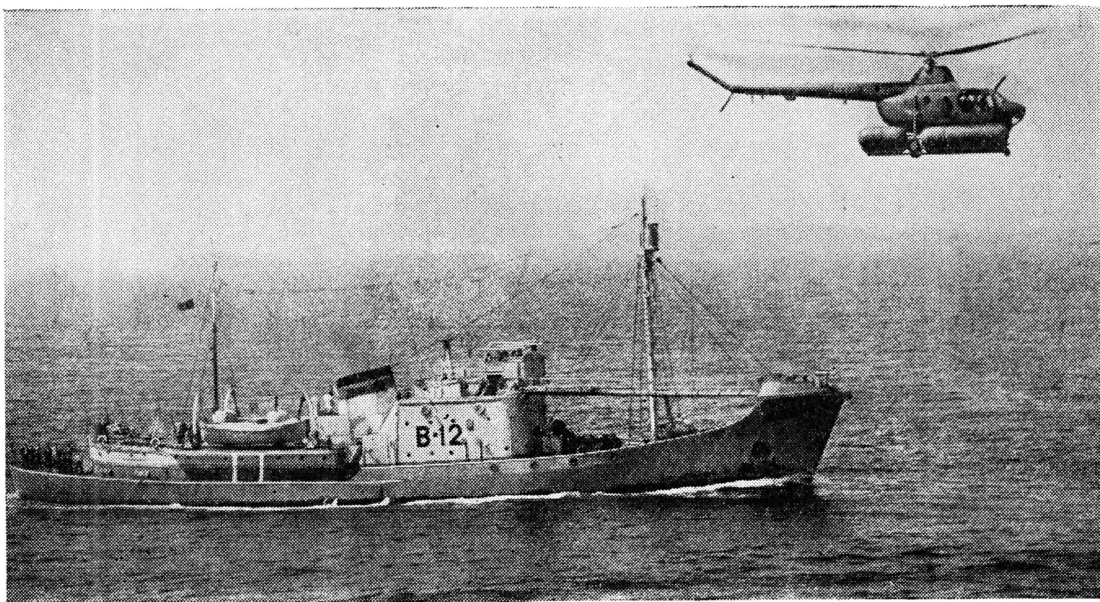

Усы кита. Нам удалось сфотографировать их в музее.

Пасть кашалота.

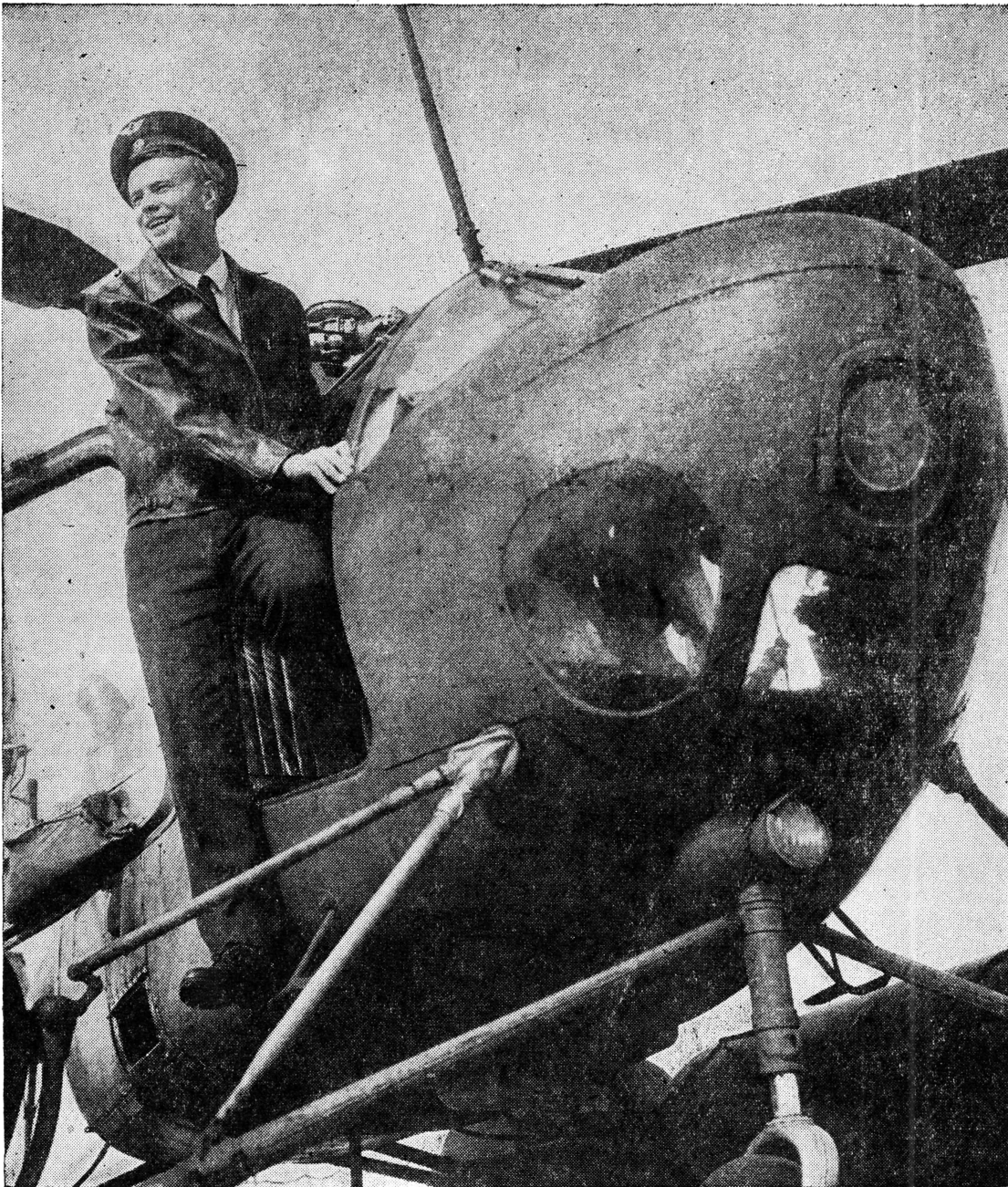
Вертолет ведет китобойца в район скопления морских исполинов.

Попадают экземпляры длиной до тридцати трех метров, самой «тяжелой» весовой категории». Чтобы перевезти исполина, понадобится девять железнодорожных вагонов. Да, тут есть простор воображению!

Застропленный за хвост, кит втягивается по слипу на разделочную палубу. И невольно вспоминается прошлое. Прежде, пока еще не было достаточного опыта, одного кита обрабатывали по два-три дня. Толстую кожу кромали ножами, недоуменно ходили вокруг огромных китовых голов и... выбрасывали начинающее портиться мясо за борт. Теперь же на помощь рукам пришли машины и станки. Буквально за несколько часов разделщики «раздевают» исполина. Его кожа со слоем жира идет в котлы, сцеживается из голов кашалотов спермацет.

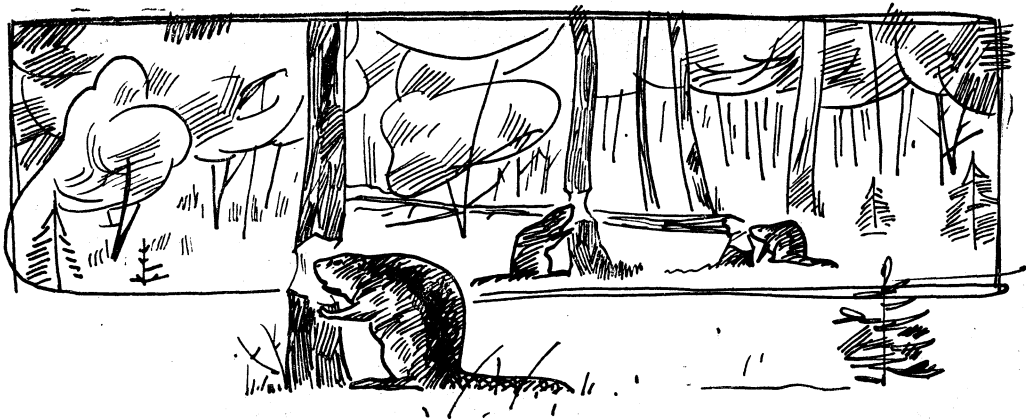
Китобойные базы похожи на плавучие города. Пожалуй, это наиболее точное сравнение. Правда, улицы здесь заменены палубами. Дома — каютами. И, как в каждом городе, — кино, больница.

...Останутся позади штормовые ночи. Переместятся на небе звезды. Корабли вернутся домой. И вновь в городе моряков очень трудно будет купить цветы. Потому что в этот день они будут отданы людям, о которых можно сказать одно: сильнее сильных!

Вертолет, пилотируемый комсомольцем Виталием Грегулем, совершил во время последнего рейса 170 вылетов. Он стал хорошим помощником китобоев.

Фото и текст Юрия МУРАВИНА

В ГОСТЯХ У БОБРОВ

Две юркие лодки-долбленки оседают по самые борта: на носу каждой из них горой поднимается поклажа из рюкзаков, телогреек, дождевиков. Тут же, внушительно поблескивая на солнце воронеными стволами, лежит пара двустволок, к ним скромно прижалась маленькая одностволка нашего проводника.

Отряд вооружен, как говорится, чуть не до зубов, но никто из нас не рассчитывает на особые трофеи, хотя места здесь богаты и боровой, и водоплавающей дичью. Да и цель нашего путешествия — не охота, а знакомство с гостями здешних мест — бобрами.

В 1961 году неподалеку от села Ульвы, на крутом берегу речки, опустилась винтокрылая птица. Пассажирами вертолета были бобры. Двенадцать пар пушистых переселенцев выпустили в прозрачную воду: восемь пар — на реке Уролка и четыре — на ее притоке Ульве. И вот позади четыре года, настала пора узнать, как живут, как чувствуют себя ульвинские новоселы.

Займутся этим наши спутники — Николай Владимирович Синцов, пермский охотовед, и Дмитрий Никанорович Ермилов, инспектор охотнадзора Соликамского района Пермской области. Для Алексея Васильевича Ябурова по всем статьям подходит роль проводника: охотник, рыбак, лесник, все здешние места не раз ногами обмерил. Ну, а я... а я высту-

паю как студент-журналист, не желающий упустить случая познакомиться с новыми людьми и, конечно, с бобрами, снова встретиться с врезавшимися в память с детских лет темными омутами, березовыми перелесками, маленькими пожженками и еще... просто в качестве гребца. Впрочем, Дмитрий Никанорович великодушно уступает мне место кормчего.

Одиннадцать утра. Солнечно. Мы отчаливаем от берега. Лодка Алексея Васильевича через несколько минут уходит далеко вперед и скрывается за поворотом. Я сижу на корме своей вертлявой долбленки и усиленно молочу воду веслом. Лодка мечется от берега к берегу, а Дмитрий Никанорович невозмутимо отталкивает ее нос от мелей.

— Не ездил раньше-то?

— Ну да... Ездил. Забыл вот только.

— Ничего, вспомнишь.

Конечно, если даже и вспоминать нечего, за время пути, который предстоит нам, я вполне могу освоить гребное дело. А все же лучше б мотор! Но увы, не только с мотором, даже с обыкновенным, отшлифованным до блеска рыбацким веслом здесь придется непросто. Впереди мелкие перекиды, где придется выходить из лодки и вброд тянуть ее по мелководью на глубину, ограды из кольев, перегораживающие реку: тут когда-то были пуши — ловушки для ры-

бы. Будут и завалы, через которые придется прорубать дорогу.

Мой спутник гребет молча. Он работает. Методично, без особых резких движений, в очень спокойной, надежной манере.

Очевидно, так он привык выполнять любое дело.

Мне хочется расспросить его о бобрах поподробнее: о их жизни, питании, привычках. Я знаю, например, что к 1930 году в Советском Союзе оставалось всего лишь 800—900 зверьков, знаю, что живут они в норах или хатках и что хатки могут быть до двух с половиной метров в поперечнике у основания; у них рождаются 3—4 детеныша; живут они до 35 лет; строят каналы до 200 метров длиной, а плотины—до 600 метров; отдельные бобры достигают длины в 128 сантиметров.

Все это я вычитал в энциклопедии, взятой в Ульвинской сельской библиотеке как раз перед походом. Но нам хотелось знать, каково им здесь, на новом месте? По словам жителей Ульвы, бобры за четыре года успели подняться далеко вверх от места выпуска. Чтобы заметить это, не надо специальных знаний: свежие вырубки осины каждый год подвигались все выше и выше по реке. Да и видели бобров нередко.

— Хвост у него плоскатый. Рубит по воде, как язенок. Только булькоток идет,—с восторгом пересказывает какая-нибудь старушка, лично узревшая бобра, который прямо перед ней сиганул в прохладную глубину.—А на берегу-то... Будто хороший дровосек поработал. Культурненькие такие пни оставлены. Красота...

Я слышал подобные разговоры не раз. От них всегда оставалось какое-то светлое чувство. Было за этими бесхитростными словами ощущение нежданно пришедшего счастья: не ждал человек радость, а она тут, не было бобров на реке, а сейчас гуляют себе, плавают, осинник рубят, размножаются. Значит прижились новоселы, понравились им здешние места. Истинно русское гостеприимство, хорошая гордость за свой край, край душистых рябин и черемух, сумрачных таинственных пихтачей и ельников, богатых грибами, ягодами, дичью и все еще—с легкой руки морщинистых бабушек—заселенных русалками, водяными, лешими, дедушками-лесовиками и

прочей сказочной нечистью,—вот что слышится мне в их словах.

А пока я хочу от Дмитрия Никаноровича узнать хоть кое-что из его биографии. Но увы, узнаю только то, что ему приходится «мотаться» по трем районам Пермской области. А остальное...

— О бобрах тебе Николай Владимирович расскажет. Он охотовед, имеет специальное образование...—И замолкает, добавив:—Дождем припахивает...

Но дождя пока нет. Ведущей лодки тоже не видно. Опытный кормчий, Алексей Васильевич без труда провел ее по бурному перекату. Наша ветхая долбленка налетела на один из них и потекла.

— Не потонуть бы... Жена, дети,—осторожно шутит мой попутчик.

Вода и до этого просачивалась сквозь щели, забитые паклей. Но сейчас, после столкновения, в борту образовалась дыра, которую Дмитрий Никанорович заткнул пучком пакли и прочно прижал ногой. Прокопченному до черноты котелку нашлась работа. Скоро в лодке становится относительно сухо, и мы без остановки идем вверх.

Мое судно больше не виляет ни влево, ни вправо. Я «насобачился»: выбрал наилучшее положение—сидя, рассчитал силу гребка, и усмиренная лодка спокойно плывет по листьям кувшинок, по плетям водяного перца, пробирается в высоких зарослях рогоза, держа курс от прилуки к прилуке. Сентябрьское солнце шныряет в волнах, расходящихся от носа и замирающих далеко сзади. Вода просвечена до самого дна. Берега убраны в разноцветье. Летом были зеленые и не приметны шумливые осинки, гибкие черемушки и рябинки, пирамидальные елушки. А сейчас каждое деревцо в своем наряде. Глаз радуется.

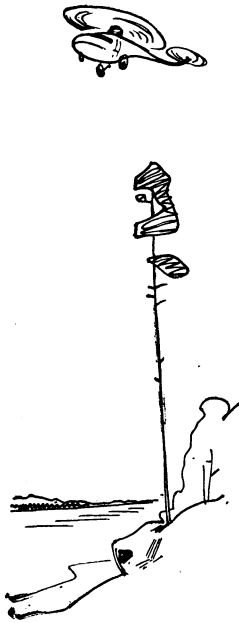
Эти пурпурные осинки, золотые березки, палевые рябинки словно все лето шли к воде и только сейчас добрались до нее, остановились в зеркало посмотреться да так и застыли, пораженные своей привлекательностью. Мне открывается тайная магия лесной речушки. Светлая вода ее притягивает к себе все—доброе и недоброе, красивое и безобразное и делает намного лучше, и сама речка от этого хорошеет. Как у людей.

Мы плывем и плывем. Работаем веслами. А мои руки и глаза словно перебирают нитку жемчуга, причудливо украшенную рубинами, янтарем, изумрудом.

— Дима, давай сюда! — Это Николай Владимирович.

Ну конечно, они остановились у первых осиновых срезов. Тут старые, пожелтевшие, и свежие, горьковато пахнущие пеньки. Алексей Васильевич находит нору, круто уходящую под корневище березы. Трава вокруг примята. Можно различить борозды, ведущие в лес. Это бобриньи тропы. Николай Владимирович делает несколько снимков своим «Зенитом», что-то накоротко записывает. И мы опять на воде.

Старик снова на веслах. Хотя какой он старик? Кажется странным, что человека, которого я знаю с детства как неутомимого и смелого охотника, хорошего лесника, не раз спасавшего лес от пожара, до мелочей изучившего округу на пятьдесят верст, можно очень просто называть стариком. Наверное, всему виной борода. Смолянисто-черной курчавой массой стекает она от ушей по подбородку на грудь. Кое-где в ее могучий поток вплетаются белые извилистые струйки. Носить бы такую какому-нибудь патриарху: ее благолепный вид как-то даже не подходит к маленькой фигурке проводника, поджарой, порывистой, полной скрытого пружинистого движения, которое выдает себя очень молодыми, легкими и ловкими взмахами рук с веслом,

быстрыми настороженными поворотами головы. Но особенно поражает молодость глаз. Небольшие, жгуче-черные, как необычного вида локаторы, мечут мгновенные импульсы в воду, в кусты, в небо и тут же, словно чувствительнейшие радиоприемники, вбирают в себя отраженные волны.

— Алексей Васильевич, до Логиновской мельницы далеко?

Увы, мы отплыли всего еще километров около пяти, а до нее не менее двадцати. Позади оста-

лась Нечисть, Лось, Ёзвин, — так называются места по реке. Скоро будет Крюканский бор. Верхушки его свечных сосен уже видны слева по борту.

Это место — одна из кладовых леса. Ярко-бурые, чуть дымчатые гроздья брусники высокомерно свешиваются на тоненьких стебельках с высокой кочки-трона к сплошному зеленому ковру брусничника, украшенному красными скоплениями ягод. Запускай ладони в самое сплетение глянцевиных овальных листьев — и темно-огненная горсть налитых солнцем шариков холодит руку. А рядом с бором, только сверни с покрытого ягелем края гривы, мягкие лишайники встречают чернично-голубичными зарослями. Опьяняюще пахнет дурман-трава. Еще дальше, над зыбким зеленым покрывалом, как желтые огоньки, высоко вскинута янтарные сочные бомбочки ягоды морошки. Они образуют еще один ярус, живописный, светлый и очень аппетитный.

Ульвинцы бидонами, ведрами, корзинками черпают из этой кладовой. Отчаянные ватаги детей и старушек — откуда прыть берется — забираются в самые укромные уголки. Возвращаются с лесными дарами.

— Что же в городе делать? — судачат промеж собой престарелые Домны, Прасковьи, Феклы. — Здесь же рай, рай. Рай уж!

Мне понятна их ярая приверженность к здешним болотам, ельникам, полям: тут они родились, росли, любили, рожали детей, тут и состарились, прикипев к этому далекому от железных магистралей таежному уголку так, что и оторвать не можно. Да и красиво здесь. Попросту красиво, как просто и безыскусно красиво были они сами...

— Ах ты грех! Рубить придется дерево-то...

Через двадцатиметровую зеркальную дорогу протянулась во весь рост берега. Речной шлагбаум. Кажется, покличь негромко, аукни — и явится из соседнего темного ельничка, тихонько покряхтывая, заснувший на минутку дедушка лесной. Прищурит подслеповатые глаза, признает, что свои едут, и легонько сухую ладошку вверх подымет — шлагбаум открывает.

Но нет, пусто. Жаль дерево, а придется рубить. Алексей Васильевич пригля-

Дыбаётся и с роздыхом начинает махать звонким топориком.

Позади четыре часа речного пути. Обнаружены два крупных поселения бобров. Пройдено около половины маршрута. Был короткий отдых. Была уха, сваренная в спасительном котелке из сорожек, пойманных нашим проводником.

И снова плеск весел. Снова бобровые затесы на осинах, снова лаконичные записи в книжку. Шар солнца катится вправо, наезжает на вершинки елей и, посверкав в них, медленно скрывается за стенкой леса.

Увидеть бобров — мое тайное желание, о котором я помалкиваю, чтобы не докучать. Проехали много, а они не показываются. Осторожные зверьки, слышав плеск весел, скрываются раньше, чем мы успеваем заметить их.

И все-таки мне повезло.

— Вот он, — указывает Алексей Васильевич на расходящиеся круги. Я вполне доверяю ему, и волны, поднятые зверьком, дают толчок моей фантазии. Это очень резвый и озорной бобр и, наверное, молодой и неопытный, потому что всплески раздаются то впереди, то сзади. А вот и он сам: под водой стремительно проносится длинная тень у самого борта и исчезает в глубине. Больше он ничем не дает о себе знать.

А сумрак все гуще и гуще.

— Скоро?

— Пара поворотов — и на месте.

И вправду, скоро мы на месте — у старой мельницы. Ничего не видно, но я отчетливо представляю себе сероватое здание мельницы с длинным пологим взвозом для саней с зерном, деревянную ферму моста, стянувшую оба берега, огромную чашу мрачноватого омута и галечный остров на острие обессиленного бурливого потока.

Минутное дело — поставить на причал лодки, снять груз и выбраться на берег.

В избе мельника кромешная темь. Вспышка спички выхватила из мрака серую стенку русской печи, отгоняет сутемь от железной печурки, похожей на черную собачку, припавшую к щербатому полу. Николай Владимирович разжигает огонь, и яростные блики начинают гоняться за темнотой. Высокий столярный верстак... Пучок удилиц, уложенных на гвозди в стене... Чайник, висящий под самым потолком... Лежанка в левом углу... Лопата,

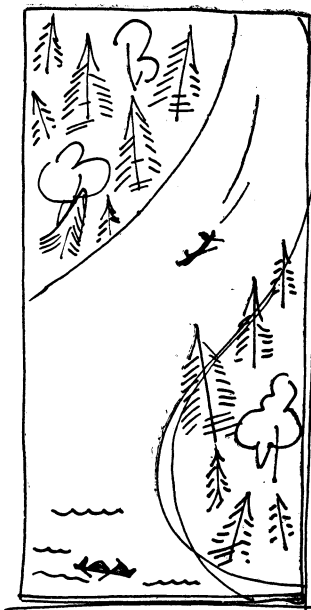
которой сажали хлебы в печь... Постепенно комната наполняется предметами. Они хранят прикосновение рук своего хозяина, который вернется сюда только зимой, когда из окрестных сел повезут молоты рожь, пшеницу. Он оставил дверь открытой, спасибо ему: заготовил дров — мы греемся его теплом, положил на окно соль и с десяток картофелин, — честь ему, неведомому человеку. Древний охотничий обычай действует!

Вот-вот закипит вода. Я ошупью спешу к выходу: надо почистить картошку. Распахиваю дверь — какая светлынь! Лунный серебряный свет. Маленькое облачко в светлой оторочке, чуть касающееся спящего диска. Малахитовое свечение травы. Очень близкий зубчатый горизонт, переходящий вверху в бледное небо, а внизу — в таинственные, пронизанные серебряными пятнами тени деревьев. Этот свет, эта осязаемая даже на расстоянии шершавая нагота ствола, этот ласкающий ноздри пьяный запах осеннего леса! Кажется, я попал в какой-то гипнотически уснувший лесной мир. Уснувший, но все-таки живой. Я чувствую, как повеяло речной свежестью. Вода — не вода, а пахучий рыбно-илисто-березовый настой. С берега тянет тонким ароматом сухого вкусного сена. Над трубой вспархивают искры.

Через час котелок с супом водружен на верстак. Вместо стульев — широченные приземистые чурбаки.

Дмитрий Никанорович, садясь за еду, надевает очки.

— Почему? А вот. Было дело. Собрались однажды рыбаки на привале. Уху сварили. Чего-то не хватает. «Перец есть у кого-нибудь?» — спрашивает один. — «Есть». — «Где?» — «Возьми в левом кармане». Ну вот и взял я баночку из кармана. Открыл крышку. Не глядя — разговор интересный был — тряхнул над котелком. Сразу вкуснее стало. Утром мыли

посуду. Глядь туда, а там, на дне, по углам, малинка осталась. Ну, сами знаете — приманка, червячки красные. Сейчас только с очками...

Печка протопилась. Темноту изредка простреливает луч электрофонаря в руках у Николая Владимировича.

— Все. Дежурный электрик пошел на покой.

Сейчас самое время выпытать у «электрика» о бобрах.

— Вот обработаю данные, составлю отчет — тогда с полным удовольствием. Что? Сегодняшние впечатления? Веселое дело... Ну ладно, коль интересно. По моим наблюдениям, бобры поднялись вверх по Ульве на пятнадцать километров от места выпуска. Я обнаружил две сильные семьи по четыре-пять особей и около десяти семей — по две-три особи. Корму для них изобилие. Речка глубокая. Условия для размножения очень приличные. Гнездятся они здесь в берегах. От норки выходят и в воду и на берег. Сейчас стоит хорошая погода, поэтому бобры не спешат валить осинник. Будет подмораживать — тогда начнется лесовал. Дерево сверху ледком прикроет, а они снизу, из-под воды будут подплывать к нему. Если корму у берегов не будет хватать, будут рыть каналы и сплавлять по ним чурки. Русло обмелеет — запруды построят.

— А что, после, наверное, и отлавливать разрешат их? — подает голос наш проводник.

— По лицензиям, выданным охотничьим обществом, через несколько лет можно вести отлов.

— Есть у нас один. Он и без лицензий обойдется. Поймать вот никак не могу. Костырев по фамилии. Рассказывал мне как-то о его, бобра, натуральном виде. Какой хвост, лапы, глаза, шерсть — все рассказал. А откуда узнал? Не знаю. Из книг? Не читает, вроде. Застрелил, как есть застрелил...

К сожалению, есть еще люди, у которых поднимается рука на то, что другие любовно пестуют и берегут.

...Утром собираемся снова в дорогу. Охотоведы пешком направляются к реке Уролке. К ней они выйдут где-то возле села Бурена и спустятся оттуда вниз до Усть-Ульвы. В последний раз уточняется маршрут, вскинута на плечи рюкзаки, и они исчезают в лесу.

Наши полегчавшие лодки стремительно режут гладь воды. Мы возвращаемся домой.

Через несколько дней я узнал окончательное заключение пермских охотников: численность бобров по реке Уролке и ее притоку Ульве за четыре года выросла, примерно, с двадцати четырех до ста зверьков.

В. ЯБУРОВ

Рисунки М. Гадиева

ОГОНЬ ПОМОГ

Турьинская медь

Три сотни лет тому назад еще никто не знал, что на уральской реке Турье имеются богатейшие залежи медной руды... Не было в тех диких местах и больших населенных пунктов, только по путям оленьих кочевий стояли чумы оленеводов.

Однажды двое охотников-кочевников забрались высоко в горы, далеко от своих чумов. Устраиваясь на ночлег, развели большой костер, чтобы зажарить на ужин гуся, обмазанного глиной. Для удобства выложили из камней что-то вроде плиты. Заметили, что камни, валяющиеся на склоне, были необыкновенно тяжелые и поблескивали тусклой желтизной.

Утром один из охотников стал затаптыгать еще тлеющие угли костра и замер в изумлении: из пепла блеснул красный металл! А камней в костре не осталось — они превратились в слиток меди. Первооткрыватели не знали, конечно, что камень, который они положили в огонь, был сернистой медной рудой.

Ртуть Альмандена

Как-то пастух из селения Альмандена в Испании остался на ночлег в горах. Чтобы дольше сохранить тепло костра, он решил наложить туда побольше камней. А камни были совсем необыкновенные: в ярко-красных натеках, будто обрызганные каплями крови.

Разжег пастух сильнее огонь с вечера и лег спать.

Когда утром он захотел раздуть остывшие угли, то в изумлении увидел, что камни словно подтаяли, и пахло от них нехорошим серным духом. А под ними — много серебряных капель. Пастух собрал их, и они катились по заскорузлой ладони человека.

Так было открыто много веков тому назад мировое месторождение ртути.

Серебро Мексики

Пожалуй, ни одна страна так не богата серебряными рудами, как Мексика. И почти все запасы находятся в недрах горы Потоси! Есть такой минерал — аргентит — тяжелый серый сульфид серебра. Люди всегда знали про самородное серебро. Его испокон веков добывали, как и золото. А про то, что встречается оно в другом виде, в те времена и не помышляли.

Однажды, лет пятьсот тому назад, какой-то пастух весь день искал овцу. Нашел под вечер, стало уже прохладно, пришлось разжечь костер среди осыпи серых, тускло поблескивающих камней на склоне горы Потоси.

От огня сера выгорает, улетучивается в виде сернистого ангидрида, а металл восстанавливается из оксидов угарным газом. Серебро — легкоплавкий металл, для выплавки его достаточно пламени костра.

Вот почему наутро в золе мексиканский пастух обнаружил чистое серебро. Геологи пришли туда много позже.

К. ФЛУГ

ГЛОБУСЯТА РАССКАЗЫВАЮТ И ПРЕДЛАГАЮТ

Есть у Сережи Питаева неумная страсть — птицы. Она и привела его к орнитологам Свердловского Дворца пионеров.

Живет Сережа на Широкой Речке. И уже много лет наблюдает, как расселяются птицы в молодом и старом лесу, как ведут себя. В результате — первая научная работа «Заселение молодых лиственных лесонасаждений полезными птицами в районе Широкой Речки». Об этом исследовании девятиклассника доцент Уральского университета Н. Данилов написал:

«Сергей Питаев знаком с научными методами исследований и владеет материалом настолько, что может самостоятельно решать научные задачи.

Работа выполнена безукоризненно, по полному автором данным она может быть направлена в научный журнал».

Исследование Сережи Питаева — одна из двадцати работ, представленных на конкурс, который проводит общество «Глобус» Свердловского Дворца пионеров.

Особенно отличились на конкурсе геологи. Марк Шатхин рассказал о Березовском месторождении золота. Он представил три минералогических коллекции с подробным описанием.

«Кристаллические формы минералов», — так называется работа Лени Николаева, Льва Ложкина и Сергея Неугодинова. В их коллекции такие уникальные формы кристаллов, что ими заинтересовались ученые и попросили ребят передать коллекции в геологический музей.

«Геолого-минералогический обзор Кочкарского месторождения» сделали Толя Дианов, Толя Протасов, Женя Калинин и Борис Токманцев. «Работа выполнена на отлично!» — таков отзыв руководителя геологической партии Н. Власко-Власенко.

Все исследования следопытов получили высокую оценку специалистов. Они считают, что работы ребят, и особенно коллекции, — хорошие учебные пособия для институтов и техникумов.

Между прочим, победителей конкурса, — а участвуют в нем 50 кружковцев, — ждут путевки в Международный лагерь «Орленок», в Артек, интересные путешествия по Уралу.

Глобусята поделились с нами своими планами на лето, большими и увлекательными.

Первое — комплексная экспедиция на Качканар. Выедет весь «Глобус». Решено: провести детальное изучение малых рек и источников, сделать геологическое описание района, искать новые месторождения полезных иско-

паемых, изучать растительный и животный мир и не забывать об истории этого края.

Кстати, историки выедут в интереснейшее путешествие — от Свердловска до Львова. Цель — побывать на местах боев Уральского добровольческого танкового корпуса и познакомиться с новостройками страны.

Заглядывают глобусята и вперед. Уже сейчас они готовятся к 250-летию нашего города, которое будет отмечаться в 1973 году. Собирают материалы, оформляют стенды.

А для начинающих следопытов и туристов ребята составили путеводитель по окрестностям Свердловска. Они описали самые интересные маршруты, однодневные и многодневные.

Мы попросили следопытов «Глобуса» выступить в нашем заочном форуме. Вот что они предлагают.

«В первом номере журнала «Уральский следопыт» мы познакомимся с предложениями клуба «Кристалл». С чем-то мы согласны, а кое с чем — нет.

О создании штаба следопытов при областных советах по туризму. Дельное предложение. Одобряем. Ведь не секрет, что краеведением взрослые туристы почти не занимаются. Можно привести много примеров того, как школьники выполняют интереснейшие задания научных учреждений, из собранных материалов в школах создаются музеи. А на предприятиях, в вузах — много ли таких работ можно назвать. Да, такой штаб необходим. В него надо включить ученых из УФАНа, музеев, геологоуправления, из учреждений, которые могли бы разрабатывать задания отрядам. Надо, чтобы штаб ежегодно подводил итоги походов и следопытской работы, организовывал выставки и лучшие из лучших представлял к награждению через Совет краеведения и журнал «Уральский следопыт».

А вот значки, которые предлагает клуб «Кристалл», вводить нет необходимости. У нас, в Свердловской области два поощрительных значка краеведам, следопытам. Это значок журнала «Уральский следопыт» и областного Совета краеведения «Краевед Урала». Пусть каждый поставится их заслужить.

Есть у нас претензии к городскому и районным комитетам ВЛКСМ. Туристско-краеведческой работой они интересуются мало. А ведь это лучшая форма — увлечь подростков, которые часто ищут романтику не там, где надо.

Скоро 5-й слет следопытов. Мало о нем знают в других городах и областях. Надо шире пропагандировать его. И положение печатать не только в «Уральском следопыте».

Между прочим, наша мечта — снова быть победителями на этом слете.

Современность

В центре атомных — умные головы!
В осциллографы парни глядят,
И, полны фантастической гордости,
Корабли на Венеру летят,
И пронзительно взмыли конструкции
Современных домов в облака,
Телевышки горят,
 как настурции,
На ладони материка.
Я пылинкою встал у плотины.
Дух заходит: вот это масштаб!
Это люди себя воплотили,

Чтобы мог я смелее мечтать.
Век ракет и космической скорости,
Век,
 в который легко опоздать.
Стали радости, беды и горести
Величавости века подстать.
И пугает меня соразмерность,
И живу я, себя торопя,
Чтоб в работе,
 моя современность,
Не отстал я ни в чем от тебя.

Очкастые мальчики

Тома Дюма.
 Тома Жюль Верна.
Занявшись чтением, а не чтивом,
Ходили мы благоговейно
К библиотекаршам учтивым.
Полны недетского прозренья,
Под вздыхания родительские
Платили мы потерей зренья
За кладезь книжной эрудиции.
И понимали, мы,
 «очкарики»:
Как мина медленного действия,
Теперь срабатывало детство —
Война и щедрость хлебной карточки.
Очки,
 где вы — там дух познания,
Радарный дух аудиторий.
Он прямо пропорционален
Числу диоптрий!
Мы сумасброднее Эйнштейна,
Проблемы важные затронув,
Кричим до умопомраченья
У мощных синхрофазотронов!
Да,

 в веке атомно-ракетном
Мы видим зрением особым:
То электронным микроскопом,
То телескопом,
 то рентгеном.
Мы смотрим прямо,
 а не сбоку,
Подстать октябрьским револьверам,
Проносимся мы
 сквозь эпоху,
Как спутники
 сквозь атмосферу!
Я знаю:
 в наступившем завтра
Совсем другое поколение,
Здоровое,
 как космонавты,
Окинув стопроцентным зреньем
Успехи нынешней науки,
Замрет в почтительном восторге
И не соврет
 о близоруких,
Сказав, что были
 дальнозорки!

Мужчина

Мужчина — это не прозвание,
Не титул это и не чин.
Мужчина — это как призванье
Для всех родившихся мужчин.
Мужской природы подоплека —
Взаимосвязь первопричин:
Мужчины делают эпоху,

Эпоха делает мужчин.
И им вверяя кабинеты,
Заводы, пастбища, суда
И наведенные ракеты,—
Она вверяет им себя.
И тот мужчина среди нас,
В ком выражение таланта —

Предназначение атланта:
Стоять, под веком не склонясь.
И дух, как мышцы, напряжия
Под алым парусом зари,
Весь мир перевернет мужчина
Во имя женщины —
Земли!

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ • СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Следопыты нашей школы собирают материалы о 214-й стрелковой дивизии, в которой служила героиня повести Н. Ильиной «Четвертая высота» Гуля Королева.

Летом ветеран этой дивизии Василий Григорьевич Раздымахо прислал нам интересное фото. На нем — политработники на фронте в 1944 году, перед Яссо-Кишиневской операцией.

Мы просим ребят разных областей, городов, сел внимательно посмотреть на эти фотографии. Может быть, они знают о судьбе снятых здесь офицеров!

А может быть, среди читателей журнала есть однополчане этих боевых товарищей.

Ждем писем по адресу: Башкирия, Бакалинский район, село Старые Маты, школа, совет краеведения.

ЖДЕМ ПИСЕМ!

В городе Кушве, Свердловской области, живет Филипп Иванович Бородулин. Внешне он ничем не примечателен. Да и работа у него не из самых громких — помощник машиниста экскаватора.

Трудится хорошо, растит ребятшек — одним словом, живет, как многие другие. Но в биографии этого человека есть необычные страницы.

Филипп Иванович — кавалер всех трех степеней ордена Славы. (на фото он в нижнем ряду первый справа). А таких людей — наперечет.

Командир отделения разведки старший сержант Бородулин вместе со своими бойцами за годы смертельных схваток с фашистами взял более пятидесяти «языков». Бывшие фронтовики отлично знают цену такому труду.

Сегодня мы расскажем только об одном — самом первом — подвиге нашего земляка.

ЭТО БЫЛО ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

За дальними холмами выпела вечерняя заря, багровая и плотная, как осеннее яблоко. Высокие молодые снега, как бы изнутри, высветились теплым алым светом и лежали так спокойно и незыблемо, как будто вокруг не было войны, не было артподготовок и штыковых атак, черной гари и красной крови.

А война была тут, и даже не рядом, а именно тут, прямо в этих недавно выпавших снегах. И только на несколько минут она примолкла, словно решила передохнуть и набраться сил, чтобы продолжать свою страшную работу.

Наш передний край молчал. Молчали и немецкие траншеи. Впереди, метрах в семидесяти друг от друга, двумя буграми среди ровного белого поля стояли вражеские дзоты, зловеще щурясь черными амбразурными щелями.

Еще не успела потухнуть заря, как две пары пулеметов — по паре на каждый дзот — открыли перекрестный огонь по нашим траншеям. Один дзот сеял свинцовый ливень над самой поверхностью снега, а другой — чуть повыше.

— Ну, опять загавкали, — зло бросил кто-то из бойцов.

— Теперь на всю ночь без передышки, — поддержал его Бородулин.

— Боятся, гады!

Из бокового прохода траншеи стремительно вынырнула фигура.

— Бородулин, Ананьев здесь?

— Здесь, — ответил Филипп.

— Быстро. Командир дивизии вызывает.

— Ого! — удивился боец, с которым разговаривал Бородулин. — Высоко летаете, хлопчики, — к самому командиру дивизии!

Но Филипп Бородулин и Вася Ананьев уже не слышали бойца. Ловко и быстро они пробились по траншее за вестовым.

Минут через пятнадцать солдаты вошли в землянку командира дивизии. Плотный, седой человек с усталыми глазами встал из-за стола и, как-то совсем не по-военному ссутулясь, заговорил медленно, раздумчиво:

— Вот что ребята. Дело одно есть... Очень важное дело. Дзоты конечно, видели?

— Видели, — враз ответили Бородулин и Ананьев.

— Ну так вот. Они нам как кость в горле. А заставить их замолчать нечем. Построены так крепко, что артиллерия не берет. Остается одно — подавить огневые точки гранатами. Ясно?

— Ясно, — опять враз ответили бойцы.

— Это задание поручается вам. Дело очень опасное, сами понимаете. Но — надо. И сегодня же ночью.

Потом Бородулина и Ананьева инструктировал командир разведки дивизии. Начало вылазки назначили на двенадцать часов ночи.

Без десяти двенадцать солдаты были в передней траншее. В белых маскировочных халатах, на лицах густые сетки, на руках — варежки, схватывающие рукава халата резинками. У каждого по две связки гранат и по пистолету.

Сверили часы. Секунда в секунду. С дзотами должно быть покончено в два часа ночи. И обязательно одновременно. Иначе сорвется все дело.

Когда немцы на несколько минут прекратили стрельбу, Филипп и Василий высунулись из-за бруствера и оглядели поле. На белом снегу вы-

делялись темные пятна дзотов — метрах в двухстах от нашего переднего края.

Снег лежал глубокий — почти до пояса. И вот под этой толщей разведчикам предстояло подобраться к противнику за два часа. Много это или мало бойцы не знали: ползти под снегом им еще не доводилось.

— Какой дзот берешь? — спросил Филипп.

— Давай левый. — Василий оттянул резинку рукавицы, посмотрел на часы. — Через минуту начнем.

И вот два человека в маскировочных халатах зарылись, словно две белые куропатки, в рыхлый снег и потеряли друг друга. Только время, отмеряемое стрелками часов, связывало их.

Бородулин разгребал шуршащий сухой снег. Движения его напоминали движения спортсмена, плывущего брассом. Только скорость была в сотни раз меньше. Откуда-то сверху глухо доносились звуки выстрелов.

«Опять начали, дьяволы!» — эта мысль возникла где-то в самом дальнем уголке мозга. Возникла и исчезла. К пулям Филипп привык еще в финскую войну, и сейчас не это занимало его. Уже в первые минуты он понял, какая это тяжелая задача — проползти двести метров под метровой толщей снега. Там, наверху все перед глазами, а тут полная темнота и никаких ориентиров, привычных и надежных помощников любого разведчика.

Прошло двадцать минут. Бородулин не мог с уверенностью сказать, что ползет правильно. Оставался один выход — выбраться наверх. Разведчик осторожно — только до половины носа — поднял над снегом лицо. «Малость влево ушел», — отметил он про себя и снова нырнул в сухую шуршащую темноту.

Так повторялось несколько раз.

В последний раз Бородулин выглянул из-под снега метрах в десяти от дзота. Немцы на время прекратили стрельбу. Но щель амбразуры подозрительно следила за белым полем.

Он снова зарылся в снег, взял резко влево и высунулся уже у боковой стены дзота. Посмотрел на светящийся циферблат часов. Оставалось десять минут. Рядом, совсем рядом, слышалась приглушенная немецкая речь. Потом опять затучали пулеметы.

Филипп лежал не шевелясь. Казалось, он не устал, и в сердце не было страха. Но тело и воля его напряглись до предела. «Успеет ли Вася?» — вот что сейчас волновало разведчика. Веселый и ловкий москвич Вася Ананьев был опытным бойцом. Уже пять минут он лежал у левого дзота и то же самое думал о Филиппе: успеет ли?

Ровно в два часа ночи два взрыва подняли в ночное зимнее небо два черных столба гари и дыма. И тут же все стихло. Но только на несколько секунд. Наши траншеи выплеснули цепи бойцов. Бойцы бежали по глубокому снегу туда, где их дожидались разведчики. В дзоте валялись трупы немцев, у искореженных пулеметов по самые колени высились горки стреляных гильз. Разведчики выполнили боевое задание и дали возможность частям дивизии занять новый рубеж. Было это под Ленинградом, у села Большой Вишер, зимой 1942 года.

За подвиг уралец Филипп Бородулин и москвич Василий Ананьев были удостоены орденов боевого Красного Знамени.

Б. ШИГАЙКИН

ЗАВТРА

Все хорошо сегодня —
в синем небе весна!
Лишь не прочесть
сегодня
завтрашнего письма;
и завтрашнего космонавта
не посмотреть в кино.
А нам интересно ЗАВТРА!
Но где сегодня оно!
Может быть,
до срока,
зная свои часы,
спит оно,
лежебока,
посапывает в усы!
Нет!
У него забота!
Нет, ему не прилечь!
Дело хлебозавода —
завтрашний хлеб испечь!
Где-то своей дорогой —
может быть, сотни лет —
к нам от звезды далекой
завтрашний мчится свет.
Требовательны
и упрямы
к селам и городам
завтрашние телеграммы
бегут по проводам.
Новости всей планеты —
тысячи тысяч строк —
завтрашние газеты
выйти обязаны
в срок!
Варят гудящие печи
завтрашнюю сталь.
Смотрят глаза человечьи
в завтрашнюю даль...
Будущему охота
к нам поскорей
прийти.
ЗАВТРА —
это работа!
ЗАВТРА —
оно в пути!

Лев МОЧАЛОВ

МНЕ ПРОСТО ПОВЕЗЛО

Отрывок из повести

Павел МАКШАНИХИН

Рисунки Н. Мооса

Неколебимо верю: каждый человек талантлив!

Бездарен лишь тот, кто не за свое дело взялся.

Да вот беда: не каждый знает, какие в нем таланты дремлют. Иной с тем и умрет, не узнав, на что был способен.

Не всякий, к тому же, свой талант развить может, хоть и знает о нем: у кого веры в себя нет, кто на полдороге заробел от первой помехи, кого просто лень одолела, а кому ни учиться, ни талант свой к делу приложить возможности не было...

И тоскует о них в разлуке любимая профессия, как невеста о женихе. Ждет-пождет, а жених с другой уже, с нелюбимой, обручился. И живет не в обнимку с ней, а в постылом браке сожительствует — без любви, без горения, без радости.

Бывает, что стерпится, слюбится. А если нет?

Так и пропадет зря в человеке тот заряд энергии, что для любимого дела бережется и только в любимом деле проявляется.

Придет время, и наше общество сможет предоставить каждому счастье трудиться по призванию, освоит полностью творческую силу человека, поднятого революцией с колен.

За глубокую разведку духовных недр его возьмется всерьез наука. Она раскроет в каждом новые, еще не троганные залежи творческих способностей. И когда каждый человек начнет отдавать обществу своим творчеством сполна, духовная жизнь людей будет сказочно богатой и красивой. Человек достоин этого счастья, ибо талантлив до дерзости по природе своей. Таким вылепил его труд.

II

Сколько было, помню, в одной лишь нашей деревушке ярко одаренных людей!

Да начать хоть бы с Васьки Кузина. За что ни возьмется — все сделает. И лапти плел не хуже любого старика, и туфли модные жене сам шил; мог и дуги гнуть, и бритвы на диво править: бросишь на нее по воздуху волосок — на двое сам распадется; умел и телеги делать, и картины писать; мог и буер для ребят смастерить, и статую вылепить из глины...

Сквернослов был и безбожник, а мадонну с младенцем написал такой чистоты и святости, что старухи со слезами на нее крестились. За эту мадонну в голодный год Ваське один богомольный кулак два мешка ржи на базаре отвалил.

Считали Ваську в деревне чудаком и бесстыдником. Чудаком за то, что думал, говорил и делал все по-своему; бесстыдником за то, что

рисовал и лепил голые фигуры, да за то еще, что ни в чем никого и никогда не стеснялся.

Опоздает, бывало, на сход, станут мужики ему за это выговаривать, а он глядит на всех желтыми бесстыжими глазами и объясняет:

— Меня, граждане, баба от себя долго не отпускала. Который день, говорит, сидишь на сходке до третьих петухов, а я тебя жди тут, майся. Надо же, говорит, совесть иметь...

Мужики гогочут, как гуси, бабы стонут от смеха, закрываясь фартуками, — ни у кого и язык не повернется Ваську осудить.

Заспорят потом на сходке о покосах, чуть за бороды не хватают друг дружку мужики, а Васька сидит себе у окошка, помалкивает, на луну глядит. Когда устанут спорить, утихнут все, Васька удивляется вслух:

— Любопытно, братцы, чего сейчас лунатики делают: навоз ли возят, или косить начали?

Собрание все еще сердито молчит, а Васька, обмахивая платочком бритое актерское лицо, рассуждает невозмутимо:

— Кабы навоз возили, запах бы оттуда шел; кабы сено косили, слышать по утрам было бы, как лунатики косы точат...

И подумав, умозаключает:

— Тоже, небось, покосы делят. Давно косить поря, а они, дураки, все еще с дележкой путаются.

Кто смеется над Васькой, кто ругает его за пустозвонство, а кто и поддержит:

— Делите, мужики, скорее. Третий день спорим, как лунатики.

Покос Ваське выпал при дележке каменистый. Заплакал Васька навзрыд, «понарошку», да так натурально, что бабы кинулись отпаивать его водой.

Под смех и шутки дали ему другой покос, лучше.

До революции Васька по нужде «зимогорил» где-то лет восемь. И точильщиком был, и на сцене играл, а потом встретил как-то бродячего художника-пьянчужку и, потрясенный его искусством, несколько лет учился у него рисовать и... пить водку.

Художником настоящим, однако, не стал, да и не мог им стать из-за малой своей культуры. Уже при Советской власти, пожилым человеком, он с отличием окончил в Баку архитектурно-строительный техникум. Но было поздно: ушли годы, ушло здоровье. Он умер, так и не успев развернуть свой талант художника и архитектора-строителя.

А забудешь разве бабку Пелагею Барихину? Сухонькая, остроносенькая, невидная, бабка чудесно преображалась, как только начинала «представлять». Изображая любого человека голосом, игрой лица, жестом, она завораживала всех своими рассказами.

И откуда взялось у нее такое уменье?! В ту пору о кино в деревне только слышали, о театре бабка и понятия не имела, даже ни разу в городе не была за всю жизнь. Да что там говорить: эта природная актриса так и умерла неграмотной...

Из ревности не раз, помню, собирались мы посчитать ребра нашему пастуху. Был красив опасен для девчат Колька — складен, кудряв и синеок. Но спасал его от наших побоев лишь талант: плясал Колька лихо и голос имел бесподобный.

Такой силы голоса не слыхивал я во всю жизнь больше ни разу, хотя мне даже в Большом театре после привелось работать. Я не пел там. Таскал из подвалов на сцену пыльные декорации, оклеивал фольгой картонные мечи и секиры, крутил жестяной барабан с горохом, изображая шум дождя, а главное — слушал бесплатно из-за кулис все оперы. И должен сказать, с Колькиным басом не могли бы соперничать ни Пирогов, ни Рейзен...

А был ли Колька столь же музыкален, как они, — этого я не скажу. Не специалист. Но точно помню: коровы от Колькиной музыки сходили с ума. Стоило ему заиграть в свой берестяной рожок утром, как они тут же начинали ломать рогами ворота и, если хозяйки не успевали загодя подоить их, убежали на Колькин зов недоенными.

Родом Колька был из-за Мологи, но в деревне считали его своим. С детства пас он сперва

наших телят, потом ему доверили пасти коров. Мужики ценили Кольку, а бабы — те просто баловали. Выхваляясь друг перед дружкой своей стряпней, старались закормить его, чтобы еще лучше за их коровами доглядывал.

Да такого пастуха было за что и баловать. Ни пропажи скота, ни потрав у Кольки не случилось, коровы были всегда сыты и доились хорошо. Умел Колька так чередовать места пастыбы, что скотина все лето ела свежую, несмятую траву.

Пас он без кнута, используя свой счастливый талант. Раза два приходилось мне бывать у Кольки в подпасах, и я сам видел, как он управляет стадом.

Сидит, бывало, под елкой, плетет лапти, а сам ухом чует, по звону колокольчика, чья корова забрела в сторону.

Не вставая с места и даже головы не поворачивая, Колька лишь спросит громоподобно:

— Петруха! Ты куда, холера, пошла?

И корова, как стегнутая, несется в стадо заломив хвост.

По большим праздникам Кольку отпускали домой, за Мологу. Он привозил нам оттуда короб новых частушек, но просвещать нас было ему некогда: пастухи, известно, с курами ложатся, с петухами встают.

Все же иногда нам удавалось выманить Кольку вечерами на улицу. Соберемся, бывало, около избы, где ночует он в этот день, гармо-

нист наш разведет зазывно тальянку, кто-то лихо свистнет, даст дробь каблуками...

Сонный Колька выходит босиком на крыльцо. Почесываясь, глядит безучастно сверху на нас. А гармонист гнет в дугу перед ним осипшую гармонию, а мы поем, а мы крутим в танцах девчат, да так, что у них пузырярем вздуваются сарафаны...

Будто нехотя Колька переставляет ноги со ступеньки на ступеньку, спускаясь все ниже, ниже... И вот, окружив его, мы вываливаемся всей оравой на главную улицу. Но тальянка долго заливается одна. Колька молчит, фасон держит. И вдруг оглушает всю улицу:

Что ж ты, милка, спишь — не дышишь,
Я иду, а ты не слышишь?..

Во всех избах разом открываются окна. Встрепанные сонные бабы вылезают из них по пояс, озираясь в страхе: где горит. В сенях проснулись ребятишки и поднимают рев. На задворках кто-то уже бренчит ведрами. Мужики в одних портках выскакивают на улицу кто с багром, кто с пожарным ухватом, кто с топором. Но, послушав еще одну Колькину песню, восхищенно матерятся:

— Ну и глотка, едри его корень!
— Ну и голосина!

А Колька уже за околицей тоскует могучим басом на всю вселенную:

Побывать бы, братцы, дома,
Поглядеть бы на котят.
Уезжал — были слепые,
А теперь, поди, глядят.

Но сколько мужики ни восхищались Колькой, а сами же не дали, черти, развернуться его таланту. Собрали вскоре чрезвычайный сход и постановили: «запретить пастуху петь по ночам, чтобы не получилось в деревне от его страшного голоса припадошных».

Был у нас и другой выдающийся Колька. Звали его Механиком. На люди он показывался редко: с утра пропадал на охоте, а днем стучал, пилил и бренчал в сарайчике. Охотником был удачливым — стрелял без промаха из старого шомпольного ружьишка, обвязанного для надежности проволокой, а в его самодельные силки и капканы очень любили заходить куропатки, зайцы и даже лисы.

Лишь изредка выходил Колька-Механик во двор — взглянуть на кур, которые паслись у него на привязи. Петуха он, понятно, держал на самой длинной нитке, чтобы тот мог, при желании, догнать любую курицу. Первое время петуху вообще была дана свобода, но он по своему мужскому легкомыслию не оценил ее: стал бегать по чужим курам и водить их в свой же огород.

Если куриное стадо паслось мирно, Колька постоит у двери сарайчика, сдвинув рваный картуз на покатый заячий лоб и заложив короткопалые руки за спину, потом сплюнет сквозь редкие зубы в одну сторону, сплюнет в другую и опять уходит в сарайчик.

Никто не взялся бы чинить разбитую в щепки гармонию, кособокий расплавленный самовар, берданку без затвора, замок без ключа и пружины...

А Колька-Механик брался. И чинил. Потому и слава его перемахнула скоро околицу и, продравшись сквозь лесные пищуги, перешла топкими болотами даже волостную границу...

Заказчики находили в деревне Колькину избу без показа. На крыше ее день и ночь трещали, вода по ветру деревянными хвостами, две игрушечные толчеи. Во дворе стоял на деревянных рельсах деревянный паровоз. С тендером, трубой и сухопарником. С рычагами, цилиндрами и поршнями. Передвигался он как дрезина — с помощью шестеренной передачи, тоже деревянной. Ребятишки, помню, катались на нем до замозабвения, пока матери не загоняли их домой вицей.

Все двери у Кольки — в сени, в избу, в клеть — открывались со звоном и имели тайные запоры, столь хитроумные, что в дом без него нельзя было никому попасть. Даже отец, придя на обед и не застав сына, должен был либо выставлять раму, либо вышибать доски из ворот, либо делать подкоп в подворотню. Попав, наконец, в дом, он в сердцах перво-наперво отбивал топором от косяков Колькины запоры. Впрочем, Колька не обижался на него за это, понимал: захочешь есть, не только запоры, а и двери высадишь!

Для матери Колька-Механик придумал такую печку, в которой сразу можно было и жарить, и парить, и печь, и варить. Огонь крутился по дымоходу в этой глиняной диковине до тех пор, пока не отдавал ей весь свой жар, так что дым из трубы выходил на улицу уже совсем холодным и почти невидимым.

Но в деревне класть печи приглашали Кольку-Механика редко и с опаской. Все помнили, какую печь сложил он раз своему соседу. С виду печь была как печь. Затопили — тяга хорошая, жару много.

А той же ночью в трубе жутко завывало вдруг, загудело, заголосило, завизжало... Хоть святых выноси!

Утром и того хуже — весь дым из печи повалил в избу и уложил хозяев на пол.

Ошалев от испуга и злости, хозяин побежал за Колькой. Тот равнодушно выслушал его, сплюнул ему в ноги.

— Зови попа! Не иначе, набилось в трубу чертей. А я с нечистой силой ничего изделать не могу.

Поп освятил не только печку, но и всю избу, а хозяин, для верности, прочистил трубу с крышки помелом.

Ничего не помогало. Печь выла волком, скулила и мяукала, а иногда пьяно пела и даже принималась хохотать, как от щекотки.

Позвали другого печника. Смекнув, что Кольку обсчитали, а он в отместку нарочно оконфузил печь, новый мастер горячо посоветовал хозяину:

— Беги в лавку за вином, да зови Механика. Без него печку не изладить.

Чтобы не потратиться на вино зря, хозяин побежал сначала не в лавку, а к Кольке, надеясь сговорить его даром. Но Колька закуражился и не пошел.

С великим трудом, и то лишь к вечеру, удалось хозяину заманить его к себе водкой.

Выпив хозяйское вино, Колька перемигнулся с мастером и вышел из избы, будто бы «до ветру». А сам залез на чердак, выбил один кирпич в трубе и, запустив туда руку, заткнул глиной горлышки бутылок, неприметно замазанных в стенку трубы. Они-то и голосили по ночам, наводя страх на людей. А гусиные перья, торчавшие в трубе и не пропускавшие при тяге дым, он повывергивал.

Печь перестала сразу и дымить, и голо- сить.

Знаменитый бы инженер из этого выдумщи- ка вышел! Но Колька, по лютой бедности роди- телей, в школу и году не ходил. Даже фамилию свою писать не умел, а расписывался, как царь, одним лишь именем: «Николай».

Были в деревне у нас и дипломаты, способ- ные любого посла любой державы обвести вок- руг пальца, были и глубокие эконо- мы по муд- рой своей рачительности, были и философы по натуре и оригинальности мышления...

Мой дядя Иван Иванович по всему складу ума — широте интересов, здравому смыслу и дальновидности — годился бы в министры. Он и по виду министром был: большеголовый, высо- кий, степенный. Ходил всегда «неторопко», в думах весь, вонзив белое острие бородки в грудь.

Про него говорили уважительно, что он жи- вет «по книжке». И верно, дядя был образован- нейшим человеком. Кроме календарей он читал от корки до корки «Вестник знания», да еще вы- писывал вкладчину с соседями две газеты. И что

ни вычитает полезного, непременно проверит на опыте и применит в жиз- ни.

В царские министр- ы дядю, конечно, не взяли бы: он говорил только правду и всегда подумавши. К тому же, имел, по недосмотру родителей, небольшой пробел в образовании: не знал французского языка. А царь, это всем известно, говорил с ми- нистрами о самых важ- ных и секретных делах только по-французски.

При Советской же власти дядя, будь он помоложе, подучился бы немного и вполне мог дойти до министра, тем более, что для наших министров обязателен был тогда лишь один язык — думать и гово- рить по-советски.

А дядю еще до Со- ветской власти, хоть он и не состоял в партии, мужики сами «произве- ли» в большевики.

И вот за что.

Когда началась под- готовка к выборам в Уч- редительное собрание, у мужиков «ум раскоря- чился» — за кого голо- совать. Склонялись боль- ше к эсерам: уж боль- но пеклись те о мужике в своих листках. Но бра- ло сомнение, почему их- ние министры и сам Ке- ренский только обеща- ют, а не дают земли.

Пошли советоваться к дяде Ивану.

— Ужо разберусь! — выглянул из-за газеты дядя. — Денька через три заходите.

А как раз через три дня прикатил в де- ревню на велосипеде незнакомый человек в зе- леных штанах и в зеленой форменной фу- ражке.

Приезжий потребовал собрать немедля сход.

Еще шла война, мужиков было в деревне мало, и весь сход уместился на завалинке у дя- ди Ивана. Сам дядя, в опорках на босу ногу, возвышался на крылечке.

Мы, ребяташки, торчали тут же, на сходке, глаза на сверкающую двухколесную машину с кожаной спиной.левой рукой приезжий держал ее за серебряные рога, в правой у него дыми- лась душистая папираса.

Кто-то из ребят нечаянно задел рукой зво- нок велосипеда.

Приезжий так и схватился за голову.

— Изломали!

Мы отпрянули прочь, а он весело рассмеял- ся вдруг, оглядывая с удовольствием наши пере- пуганные лица. Потом вынул бумажный кулек из зеленых штанов и стал оделять нас конфетами.

Бояться такого доброго дядьки было нечего, и мы смело полезли опять к машине.

А добрый дядька, не выпуская ее из рук, поднял короткий веснушчатый нос и лакированный козырек фуражки на затихший сход.

— Мужички! — ласково и тихо заговорил он. — До нас дошли слухи, будто собираетесь вы самовольно отбирать землю у местных частных владельцев...

Поглядел с большим сокрушением на свои сапожки, заляпанные грязью, и сказал еще ласковее:

— Дело это, мужички, незаконное. Как член уездного земельного комитета и представитель партии социалистов-революционеров, я добром остерегаю вас...

Выколачивая песок из опорка, дядя спросил вежливо:

— Поясните нам, уважаемый, будет ли нет социализация земли?

Из-за дядиной спины закричали сразу:

— Косить негде стало!

— Народу прибывает, а наделы старые...

И покатился галдеж по всему сходу:

— У кого деньги, те землю везде хапают, а нам как?

— Земля вся обчая, всю ее надо по едокам! Которые семьи трудящие — тем дать, а которые за землей сами не ходят — тех лишить вовсе.

— Граждане! — поднял веснушчатую руку приезжий. — Насчет земли решать будет хозяин земли русской — Учредительное собрание...

— Больно долго решает!

— ...а до тех пор всякое самовольство недопустимо и будет строго пресекаться по закону...

И стал кричать на дядю, грозя ему пальцем. А мы, помню, были довольны даже, что дядя влетело: он чаще других мужиков ловил нас в чужих огородах и драл за уши.

Не переставая кричать, приезжий круто повернул машину и стал выводить ее на дорогу. Мы кинулись провожать веселого и доброго дядьку, огорчаясь за него, а он вдруг обидно выругал нас:

— Пошли прочь, сопливики!

Перекинул длинную ногу через кожаный хребет машины и поехал, не оглядываясь.

— Чей же это такой? — обеспокоенно принялись гадать мужики, провожая его глазами.

— Не узнали разве? — криво усмехнулся дядя. — Да Олехи кособокого сын. Сенька, Землемер.

И полез всей пятерней в министерский затюлок, выскребая оттуда, одну за другой, сердитые мысли:

— Сеньке эта самая социализация вовсе ни к чему. Ведь ежели всю помещичью и частную землю без выкупа мужикам отдавать, так ему и свою отдать придется. А у них с батькой одного лесу десятин пятьдесят будет. И вы думаете, Олеха с Сенькой вам свою землю даром отдадут? По своей воле? Да вы что, мужики, Олеху не знаете?

Дядя хихикнул, кольнув грудь отточенной бородкой, и показал мужикам кукиш.

— Вот вы что заместо земли от них получите!

Сыровар Михайло Максин просипел с завалинки:

— Против закона не пойдут...

— Закон? — вытянул туда шею дядя. — А

кто закон этот писать будет? Сашка Керенский с министром Черновым? Даки же в одной партии с Сенькой! Рази ж дадут они Сеньку в обиду?

В тяжелой тишине вздохнул кто-то:

— Нету мужику ни от кого защиты!

Дав подумать сходу, дядя сказал:

— Надо нам за ленинцев, мужики, держаться. Кабы ихняя власть, давно бы они землю нам дали. Да и сейчас учат нас, дураков, что делать следует: вы, говорят, не ждите Учредительного собрания, а берите помещичью землю сами. Главное — взять, а закон и после написать можно. Не возьмете сейчас — ни закона, ни земли не получите...

Сход шумел до вечера и вынес приговор: отобрать у частновладельцев землю в пользу общества и разделить по душам.

Наутро самые отчаянные пошли и застолбили участки. Застолбить-то застолбили, а после оробели: как бы карателей Сенька не прислал.

Но дядя на сажень в землю видел, раз «по книжке» жил. Упредил мужиков:

— Теперь кто больше испугается, тот и пропал! Вы Сеньку боитесь, а он вас. До карателей ли ему? В Питере-то вон што деется: рабочие бастуют, солдаты заодно с ними против Керенского... Новая власть скоро будет, помяните мое слово!

Не прошло и месяца — началась революция. А тут и Закон о земле вышел, какого ждали...

Научил дядя мужиков многому и в годы разрухи. Негде было рожь молоть — устроил общественную мельницу с конным приводом; не стало дегтя, научил мужиков гнать его из бересты; нечем холсты красить было, научил баб красить их ольховой корой и крушиной; даже сахару замену нашел — научил ребят добывать сладкий сок из березы и выпаривать.

Не мог ничего найти дядя лишь взамен соли. А соль в деревне совсем перевелась. Достать ее можно было только в городе, на базаре, из-под полы, или у заходящих спекулянтов. И стоила она раз в восемь дороже хлеба, которого и самим не хватало. Купишь соли — хлеба не будет.

Так и ели все несоленое. Летом, в самую страду, жили без мяса. Раз нету соли, нельзя

резать скотину. Все равно мясо в жару пропадет. Нельзя было без соли заготовить ни огурцов, ни грибов на зиму...

Дядя стал думать, как достать соль или чем заменить ее. В календаре он вычитал, что мы живем на дне бывшего моря. Стало быть, решил дядя, в нашей земле должна быть соль.

И однажды увидел: около ручья, за деревней, теленок выщипал в одном месте всю траву и жадно ест землю. Дядя долго наблюдал за ним, потом взял у него из-под морды щепоть земли. Пожевал: соль!

Замахал рукой мужикам, что шли полем с покоса.

— Нашел, братцы, соль!

Подбежали мужики, обрадовались. Но Трофим Кузин сказал вдруг:

— Тут коего году водопой был и коровы на этой луговине мочились все лето, оттого и земля соленая.

Смущено дергая себя за бороду, дядя улыбнулся горько:

— Не иначе, так оно и есть...

И пошел прочь, ссугорбившись.

А что? И министр соли не выдумает, ежели ее нету...

Не водилось у нас в деревне только поэтов. Не хочу врать: кого не было, того не было. На весь наш сельсовет приходился всего-навсего один поэт. Павел Андреевич Матюшин. Но поскольку пятая часть его падала на нашу деревушку, я не только право имею, а и обязан хоть немного сказать о нем.

Звали его с добродушной смешинкой — Палькой Трепалевым, а сам себя называл он почему-то украинской фамилией — Трепаленко.

Жил Палька на краю своей деревушки, у самого леса, в маленькой избенке, про которую с горьким юмором говорил стихами:

Покосился двор на север,

А изба пошла на юг;

Хлев ни шагу не отмерил:

«Догнию на месте тут!»

С виду Палька был плюгавенький, корявый, незavidный совсем, а жену отхватил себе такую дородную да красивую! Она гордилась мужем. И любила его. За талант и знаменитость, наверное.

А Палька и верно был знаменит. Слушать его собирались в народный дом со всех пяти деревень, а стихи заучивали наизусть и пересказывали друг другу.

В гражданскую войну Пальку мобилизовали, как многих других военнообязанных нашей местности, на строительство железной дороги Овниницы — Суда. Дорога эта, соединяя Москву с Петроградом, считалась тогда очень важной. Она была первым строительством в молодой Советской республике. Демьян Бедный, приезжавший к нам, писал тогда с великой гордостью: Я сегодня стоял над Мологой, Любовался новой железной дорогой.

Это мы ее строили. Мы!

Строителей дороги называли «учетниками». Жили они в деревнях, по своим домам. Но каждое утро со всех сторон шагали быстро и молча на требовательный крик паровоза в армейских ботинках и бушлатах, с лопатами на плечах, как с винтовками...

Бывало, нагружат учетники балластом целый состав, потом заберутся все на одну платформу, обсядут Пальку Трепалева кругом...

А когда закурят и притихнут, Палька начинает:

Сочинитель Трепаленко

Взял из практики маленько...

И пока едут до места разгрузки, развлекает их немудрыми стихами про ссору десятника Блинова с техником Сидоровым:

«Почему же тут не брать?» —

Говорит Блинов опять.

Ему Сидоров в ответ:

«Здесь копать расчета нет.

В каждом деле, милый мой,

Думать надо головой.

У тебя песок под боком,

А ты возишь издалека...

Разве хуже, например,

На восьмой версте карьер?»

Но Блинов упрям, как бык,

Соглашаться не привык:

«На восьмой версте? Песок?

Сам кидай его, дружок!

Да сперва глаза протри:

Насыпь там сажени три!

Выбирать карьер другой

Тоже надо с головой.

Но с головой толковою,

А не с твоей, еловою...»

В это время (ну, потеха!)

На дрезине мимо ехал

Сам прораб — усач Будасси.

Ну, и задал им он страсти!

Закачал на них усами,

Начал топтать сапогами,

Шароварами затряс:

«Позабыли мой приказ?

Отменили власть мою?

Брать балласт, где я велю!»

И технику Сидорову

Припечатал выговор,

А десятнику Блинову

К старому добавил новый...

Заодно уж дорисую за поэта портрет грозного Будасси. Лет через десять бывший подрядчик за какие-то грехи, а может, и совсем безгреховно, проходил перековку на Беломорканалстрое, смешно и тяжело расставаясь с хозяйскими замашками.

Как-то раз начальник строительства послал его закупить у Карелии и привезти на судах строевой лес. К этому времени Будасси уже примирился с большевиками. Они покорили сердце старого инженера своей энергией, деловитостью, небывалым строительным размахом и технической дерзостью.

Право, таким хозяевам стоило послужить не за один страх, а за совесть! И Будасси искренно решил оправдать их доверие преданной службой. Да и дело было по душе ему, так что отправился он за лесом с большой охотой. Никому и в ум не пришло, для чего Будасси промерил заново по пути все мели и перекаты.

И опять не догадался никто, зачем он приказал ночью, накануне погрузки, закрасить ватерлинию на всех судах и нарисовать новую, на четверть метра выше.

Правда, грузчики на другой день зло дивились, какая прорва леса уходит в эти барки.

Через опасные мели и перекаты Будасси провел весь караван благополучно. В тот же день он явился к начальнику строительства и, ликуя, доложил ему, что нахально надул республику на десять тысяч кубометров великолепного леса.

А после долго понять не мог, почему вместо благодарности новые хозяева объявили ему выговор.

Теперь опять о Пальке. Учетники любили его не за одно развлечение. Палька не раз оборонял их своими стихами от несправедливых обид: начальство побаивалось острого языка поэта. Даже сам грозный Будасси не в силах был запретить его смех приказом.

Поэзия Пальки была, впрочем, не только обличительной. Он горячо верил в новую жизнь и тогда уже мечтал увидеть родное село таким, Чтобы были телефоны
В каждой бане и избе.
Чтобы дядюшку Семена
С книжкой видели везде...

Будь у Павла Матюшина побольше культуры, он стал бы, вероятно, значительным поэтом. Жаль, поспешил родиться и рос в такое время, когда мужицких детей к искусствам и наукам не допускали, да и учиться им было не на что.

А мне и моим сверстникам просто повезло: революция застала нас еще подростками,

Меня с детства тянуло рисовать и лепить. Я и сейчас еще рисую потихоньку, стыдясь своего неумения.

Но эта страсть моя так и состарилась бесплодно. Иногда я жалею даже, что не пришлось мне на художника учиться, как люди советовали.

А случай к тому в детстве был.

Как-то раз отец принес домой газету с фотографией Ленина. Образ Ленина на этой фотографии поразил, помню, мое воображение своей необычностью и живостью. Стоя на трибуне, Владимир Ильич весь подался вперед, вытянул правую руку и как бы взвешивал что-то на ладони. В левой он держал за спиной скомканную кепку. Голова его была вскинута, большой энергичный рот полуоткрыт в страстной речи...

Таким я и вылепил Ленина из глины.

Дня три статуэтка сохла на подоконнике, собирая около нашей избы любопытных, а на четвертый день растрескалась, пожелтела и потеряла форму.

Я поставил ее на стол, раздумывая с досадой и жалостью, что же теперь делать с ней. Не слышал даже, как вошел кто-то в избу.

— Здравствуй, мальчик!

В дверях стояла незнакомая женщина, по виду городская, в стареньком летнем пальто и шляпке.

Появление ее не удивило меня. Время тогда было тяжелое, голодное, и горожане частенько заходили в деревню, предлагая в обмен на хлеб разные вещи. Я уже хотел сказать женщине, что хлеба у нас нету и мы сами едим овсянку и жмых. Но она про хлеб не спросила, а подошла к столу и стала осматривать статуэтку со всех сторон.

— Красная глина, мальчик, для лепки не годится. Поищи и накопай зеленой.

Оглядела стены, оклеенные моими рисунками.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцатый...

— Школу-то окончил?

— Окончил.

Присела на лавку, устало сложив на коленях бледные руки и разглядывая меня добрыми большими глазами. Вздохнув, сказала тихо и твердо:

— Тебе, мальчик, надо учиться!

Потом вырвала листок из тетрадки и стала что-то писать.

— Приходи вот с этой запиской в Краеведческий музей. Если меня там не будет, отдашь директору. Я его предупрежу. Подумаем, что с тобой делать...

До сих пор храню я в сердце глубокую благодарность этой женщине. Она первая заинтересовалась всерьез моими способностями и зажгла во мне тайное и яростное желание по-настоящему учиться.

Долго берег я ее записку, никому не показывая. А когда решил показать отцу, он сказал мне сокрушенно:

— Ну, куда я тебя одного пушу?! Пропадать? Ни обувь, ни одеть тебя не во что. И еды с собой не могу дать, сам знаешь. А до нового хлеба еще дожить надо.

Я ревел два дня. Жалея меня, отец добыл где-то серой бумаги и цветной карандаш. Тем и утешил на время.

Тут как раз начался сенокос, и меня оставили дома водиться с полугодовой племянницей Капой. Девочка она была очень хорошая, не плакса, не крикунья, и мы с ней друг другу не мешали. Она либо спала в зыбке, либо ворковала тихонько, пуская носом пузыри, а я в это время рисовал за столом, лишь изредка покачивая зыбку ногой.

Жалел я только, что книг было мало. В школе мне их уже не давали, у взрослых не вдруг выпросишь, а библиотека в соседнем селе сгорела как раз в тот год вместе с народным домом. Поэтому, видно, и пало мне тогда в ум заняться издательским делом.

Я изрезал отцовскую бумагу на маленькие тетради и стал переписывать туда стихи Пушкина и Лермонтова, баллады Жуковского и басни Крылова, маленькие рассказы Толстого и Горького, а потом иллюстрировал их и раскрашивал обложки.

Скоро образовалась у меня маленькая библиотека, так что я мог теперь давать ребятам читать самодельные книжки.

Как-то само собой явилось желание не только переписывать чужие произведения, но и сочинять свои.

Это оказалось вовсе нетрудным делом, а главное, нравилось мне. И скоро в пустой бане (тайно, конечно!) я читал ребятам первую свою «книжку». Уговорились, что, как только я дочитаю до того места, где говорится «грязнул выстрел», Васька Рыжов выстрелит из самопала. Так и сделали.

Все были в восторге — и автор, и слушатели.

Боясь насмешек, я долго не говорил никому, что решил теперь стать писателем, но вынудил меня к этому дед. Он вообще относился ко мне с тревогой и сердитым недоумением.

— У тебя, Васька, меньшей растет непутевым, — не раз говорил он моему отцу. — Вон, Степкины ребята сами сколь граблей наделали, у Ваньки оба точат веретена, а твой ни к которому мастерству не льнет.

Звал меня дед насмешливо — «Напалиеном». Раз в масленицу, когда я сидел дома и изводил бумагу, он пришел звать моего отца в гости, но не застал его и от скуки заговорил со мной.

— Ты пошто не гуляешь, Напалиен?

А у Напалиена просто не было валенок и он ждал, когда придет с гулянья старший брат Санька и уступит ему свои, по уговору, до вечера.

— Обул бы чуни! — сердито посоветовал дед, выслушав меня.

— Буду я в праздник чуни обувать! Все ребята, небось, в валенках гуляют.

— Эко ты! Вон Мишка Фролов, видел я, в чунях сейчас бегаешь...

— Ну и пускай!

Я не успел спрятать от деда свои тетрадки. Он взял одну, подержал ее кверху ногами и бросил опять на стол.

— Баловством все занимаешься...

Меня давно обижало, что дед отличается других внуков, а меня не похвалил ни разу. Желая тоже отличиться, я предложил:

— Давай, дедко, я тебя нарисую!

Дед недоверчиво покосился на меня. Потом выпрямился на лавке и, вскинув бороду, важно разрешил:

— Рисуй!

За всю свою жизнь он ни разу не фотографировался и видал себя только в зеркале. А тут не в зеркале, а на бумаге увидел вдруг старика, точно такого же, как и сам: в лисьей шапке с синим околышем, краснотлицего, с маленькими голубыми глазками и зелеными от нюхательного табаку усами...

— Н-ну, Напалиен,— потрясенно сказал он мне, пряча торопливо портрет за пазуху,— из тебя либо жулик большой будет, либо голова!

Ни одно предвидение деда не оправдалось потом. Но тогда я принял все слова его за похвалу и похвастался перед ним:

— Я, дед, когда подрасту, на писателя поеду учиться!

— Валяй! — одобрил милостиво дед, не представляя даже, на что обрекает меня.

Но мать, молча возившаяся у печи, оперлась вдруг на ухват и уставилась на меня с испугом и жалостью. Она хоть и была неграмотной, но из моих же рассказов знала, какая у писателей жизнь: Льва Толстого (подумать только!) отлучили от церкви, Максима Горького сидели не один раз в тюрьму, а Пушкина, того и вовсе убили...

Оттого, что был я у матери поскребышем, да еще таким никудышным, она любила и жалела меня в семье больше всех. Заплакав, сказала:

— Не ходил бы ты в писатели!

Я успокоил ее:

— Может, еще не возьмут!

А сам думал: все равно уеду!

Откуда мне, дурачку, знать было тогда, что на писателя нельзя выучиться ни на курсах, ни в училище, ни в институте!

Что без призвания можно стать — и то неважным — инженером, врачом, токарем, но писателем без призвания стать нельзя, как нельзя стать музыкантом, не имея слуха.

Что учение только помогает развитию и углублению таланта, а если у кого и обнаружился вдруг талант во время учения, то это означает лишь, что человек и раньше талантлив был, да условий для проявления своего таланта вовремя не встретил. Что даже при таланте и образовании далеко не всякий становится писателем, чему есть тьма причин.

Кабы знал я все это раньше, многих бы ошибок избежал и больше бы от меня пользы было. Но уж и то хорошо — хватило ума понять: из неуча ни писателя, ни художника не выйдет!

И мне опять повезло. Не сразу, правда. Лет через пять, когда я уже был комсомольцем, пришла в волостной комитет комсомола путевка на учебу в художественный рабфак, на литературное отделение. Зная, что я пишу заметки в газеты и даже напечатал в журнале «Резец» несколько рассказов, Волкомовские ребята единодушно решили отдать путевку мне.

— Давай, Пашка, жми! Писатели нам тоже нужны.

И я поехал в Москву. Учиться. На писателя.

Даже на очень подробных картах нашей страны вы с трудом найдете озеро Телеутское и село Кунашак. Между тем метеоритоведам эти два названия хорошо известны, так как связаны они с редкими явлениями.

...Телеутское озеро расположено в Алтайском крае, недалеко от города Барнаула. В начале нашего столетия места эти были глухие, безлюдные. Кругом на много километров раскинулись непроходимые леса, в которые заглядывали лишь охотники, смолокуры да объездчики.

Ничем особенным озеро не отличалось — небольшое и неглубокое, только сильно заболочено. У берегов и воды не видно — сплошной ковер из осоки и мхов.

Весной 1904 года в окрестностях Телеутского озера шла заготовка леса на шпалы. Пильщиками работали крестьяне из окрестных деревень. На берегу они построили себе барак — избу в два окна, с земляной крышей.

9 мая (по старому стилю) 1904 года в половине двенадцатого ночи весь барак спал крепким сном. Ночь была тихая. В бору, на озере — ни звука. И вдруг ударил гром... Гром был особенный. Он походил на взрыв или на пушечную пальбу. За окнами стало светло, как днем. Пильщики вскочили, натягивая на себя одежду...

Что-то шелкало, тархтело по деревьям, хлюпало по воде, стучало по крыше барака. «Град, — решили крестьяне. — Но диковинный какой-то...»

Одна градина влетела в раскрытую дверь, упала на пол. Ее подняли и ахнули: это был камешек величиной с воробьиное яйцо. Каменный град — такого еще никогда и никто не видывал.

Стук и шелканье продолжались минут двадцать. Камешки падали на крышу барака, скатывались с нее на землю. Потом все стихло.

Утром, когда пильщики проснулись, многим показалось, что видели они каменный град во сне. Но вокруг барака то здесь, то там попадались маленькие темные камешки. И люди поняли: каменный град выпал на самом деле.

Крестьянин Павел Качесов из деревни Камышенки, что была расположена километрах в пятнадцати от озера, — большой охотник до всяческих диковинок — собрал целую горсть камешков.

ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА СТУЧИТСЯ В ДОМ

На крыше барака Павел еще накануне расстелил для просушки одежду. На ней он нашел еще два камешка. Павел представления не имел о том, что такое метеориты. И роздал все 29 камешков — уряднику, объездчику и еще многим людям, которых даже не запомнил...

Метеориту «Телеутское озеро» в первые минуты его жизни на Земле, можно сказать, повезло. Он не затерялся в лесах, не затонул в болоте, а из Космоса прилетел напрямик к жилищу людей. И, хотя это были малограмотные крестьяне, они все же сообщили о падении камней в Барнаул, в Географическое общество, и послали туда несколько камешков. Географическое общество отправило очевидцам опросные листы. Крестьяне, как умели, ответили на вопросы о падении небесного камня.

...45 лет спустя — 11 июня 1949 года — к людям постучался другой космический странник.

Это произошло в Кунашакском районе Челябинской области. Огромный шар был хорошо виден на безоблачном утреннем небе. Его наблюдали не только челябинцы, но и свердловчане, жители Курганской и Тюменской областей, Башкирской АССР. Люди заметили, как, не долетев до Земли, шар раскололся на части.

Обломки метеорита нашли на полях совхоза «Уркульский», на берегу солончакового озера Чебаркуль. Среди них были крупные — весом в 120, 40 и 36 килограммов, были и мелкие — меньше одного килограмма. Один осколок в 358 граммов ударил в крышу зерносушилки, пробил ее и свалился на пол.

К месту падения метеорита немедленно отправились ученые. Среди них был и сотрудник Свердловского геоло-

гического музея минералог Иван Юдин. Он приехал в Кунашакский район с заданием — раздобыть осколки для музея.

Но ограничиться только выполнением этого поручения Юдин не смог. Он, что называется, «заболел» Кунашакским метеоритом.

Ученые-метеоритники, проводившие обследование места падения, все время видели возле себя нетерпеливого, немногословного молодого человека.

Когда ученые уезжали, Юдин обещал им продолжать обследование Кунашакского района, хотя опыта в работе с метеоритами еще не имел.

Друзья Ивана Александровича Юдина вспоминают, что, собирая материалы о «Кунашаке», он работал чуть ли не круглосуточно. Где бы ни находился, куда бы ни ездил по делам музея — всюду искал очевидцев падения «Кунашака».

Через некоторое время Москва получила толстый пакет с материалами о Кунашакском небесном камне. Этот пакет пришел от Юдина.

«Телеутское озеро» и «Кунашак». У этих небесных камней много общего. Оба пролились на землю каменными дождями. И тот и другой дали знать о себе людям — их каменные «капли» даже попали в постройки.

Изучение таких попаданий дает науке многое. Ученые получают возможность определить угол падения, скорость полета и энергию удара. Исследуя разрушения, причиненные постройкам небесными камнями, метеоритоведы могут лучше представить себе, как происходит движение метеорного тела в атмосфере.

В постройки метеориты попадают редко. Еще реже ученые имеют возможность изучать нанесенные при этом повреждения.

Следов падения метеорита «Телеутское озеро» на крыше барака не сохранилось. При падении же «Кунашака» зерносушилка, в которую угодила небесный камень, стояла никем не тронутая. По следам, оставленным камнем на крыше и потолке, ученые проследили за всеми перипетиями этого небесного гостя.

Камень пробил толевую крышу и задел за стропила. По-видимому, удар был довольно сильным — на стропилах остались глубокие шрамы. Затем космический гость ударился о потолок, но не пробил его, а только сделал вмятину в

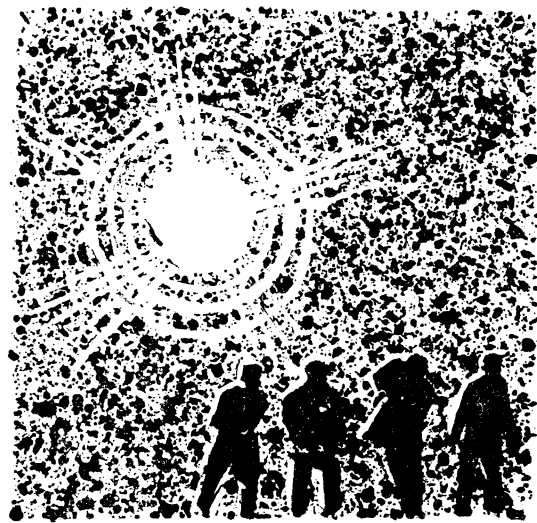

доске и отскочил в сторону. Отскочив, попал в отверстие и через него упал на пол сушилки. По меткам на досках и пробойне в крыше ученым удалось точно измерить направление метеорита. Было установлено, что падал он в направлении азимута 220° , под углом 30° к отвесной линии.

Спустя некоторое время после падения метеорита какие-то командировочные, прибывшие в совхоз «Урукульский», попросили местных ребятишек показать им дырку, которую сделал гость из Космоса.

— А у нас дырки нету, — услышали они в ответ.

— Как нету дырки? В газетах писали...

— А так, нету. Дырку в Москву увезли.

«Дырку», а вернее пробитый лист толля и вместе с ним доски, на которых остались шрамы и вмятины от удара небесных камней, действительно увезли в Москву. Сейчас этот лист лежит в метеоритном музее. Рядом с ним на стене висит фотография зерносушилки, на ее крыше крестиком помечено место, куда ударился небесный камень. Эта фотография воспроизводится во многих книгах по метеоритике...

Часто ученые тратят годы на поиски небесных камней. А тут гостя из Космоса не приходится искать, он сам стучится в жилище людей, падает к их ногам.

В летописях, хрониках и легендах встречаются рассказы о событиях, которые скорее всего можно объяснить падением небесных камней. Вот сообщение о древнем городе, разрушенном небесным огнем; описание китайских деревень, пострадавших от грозного каменного дождя; запись о камне, пробившем купол церкви в Тобольске...

Но все эти сообщения, хотя у нас и нет оснований им не доверять, все же недостоверны. Доказательств у нас нет. Сами небесные камни не сохранились. Производить какие бы то ни было научные исследования по записям летописцев невозможно.

Последние два столетия ведется точный учет метеоритов, попавших в строения. Таких случаев зарегистрировано немного, всего около 30. Все они изучены и подробно описаны в литературе.

В 1847 году на территории теперешней Чехословакии, в местечке Браунау, упал метеорит, расколовшийся на две части. Большой осколок, весом в 22 килограмма, попал на крышу дома, пробил ее, потом потолок и оказался в комнате. По счастливой случайности камень упал на пол, возле кровати.

В 1936 году на Украине, в селе Юртук, метеорит весом в 500 граммов упал на крышу дома. Крыша была черепичной; небесный камень пробил ее, но на большее сил у него не хватило, и он остался лежать на чердаке. Здесь и нашли его люди.

«Юртук» относится к редкому типу метеоритов — к ахондритам. Небесные камни эти очень похожи на земные гор-

ные породы. По предположениям ученых, ахондриты составляли верхнюю оболочку астероидов, из которых после их раскола образовались метеориты. Упади «Юртук» в поле или в лес, его никогда бы не нашли. Но небесный странник позаботился о своем будущем — постучался к людям, был замечен, поднят и передан в коллекцию Академии наук.

В 1938 году в США, в маленьком городе Бенлд, выпал еще более меткий гость из Космоса. Он пробил крышу гаража, крышу стоявшей в гараже легкой автомашины, ударился о глушитель и, сделав в нем небольшое углубление, очутился под сиденьем, застряв в пружинах подушки. Хозяин машины, открыв гараж, решил сначала, что в машине орудовал вор. Потом, обнаружив в сиденье черный камень весом в 1,8 килограмма, он понял, кто был виновником происшествия. Фотографии гаража и машины, пробитых космическим снарядом, тоже часто встречаются в книгах по метеоритике. Почти 200 лет наблюдений — срок не маленький. Теперь можно с уверенностью сказать: метеориты не причиняют серьезных разрушений постройкам. Это и понятно. Ведь общая площадь, занятая на земле строениями, доля, которую они составляют по отношению ко всей площади земного шара, очень мала. Кроме того, падения гигантских метеоритов происходят крайне редко. А метеориты обычных размеров после схватки с воздухом обладают лишь незначительной энергией.

Еще реже метеориты попадают в животных. Известны лишь немногие случаи, когда небесные камни убивали овец, оленей, собак, свиней.

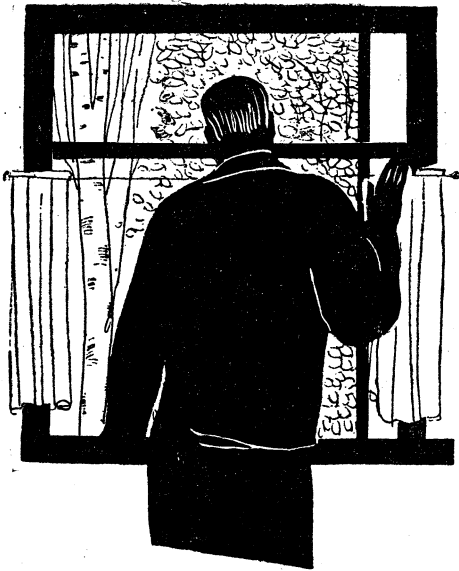
И за всю историю метеоритики зафиксирован только один достоверный случай попадания небесного камня в человека. В 1954 году в США метеорит, пробив крышу и потолок дома, влетел в комнату. В комнате, на кушетке, под двумя стегаными одеялами, спала женщина. Метеорит угодил прямо в нее и оставил на руке и бедре большие синяки.

Гости из Космоса редко стучатся в жилища людей, а если стучатся, то в высшей степени деликатно.

Л. КУЗНЕЦОВА

СИРЕНЬ

Леонид ФОМИН

Рассказ

Рисунки Ю. Григорьева

Всю осень я прожил в деревне у милой и заботливой бабки Палашки. Была она одинока, старика схоронила лет пять назад, а детей, как говорила сама, «бог не дал». Бабка Палаша давно примирилась со своим одиночеством, на здоровье не жаловалась и держала хозяйство в полной исправности.

Просыпалась она рано, когда на дворе начинало чуть брезжить. Сквозь сон я слышал, как она, поскрипывая досками, спускалась с полатей, шаркала бо-сьми ногами по полу и что-то без конца наговаривала. Я слышал, как она щепала на кухне лучину, запаливала печь, погромыхивала ухватом и горшками. Из кухни сочился запах разогретого коровь-

его масла и жирных мясных шей. Затем бабка заводила корове пойло, уходила в хлев, оставляя избу открытой, и я слышал, как она ласково, нараспев разговаривала там с комолой Буренкой:

— Просу-ужая ты у меня, кормилица ты моя...

На ласки хозяйки Буренка тихо мычала и, припав к ведру, смачно тянула пойло..

Всегда в это время вставал и я. Умылся ледяной водой из рукомойника, подвешенного на перильца крылечка, прямо в сенцах пил из глиняной кринки холодное молоко, потом проходил в горницу и садился за свои бумаги. Садился и ждал бабку. Я уже привык к тому, что она, спровадив скотину на выгон, входила в горницу со скатертью в руках и извиняющимся голосом, песенно растягивая слова, говорила:

— Погодил бы, соколик, малехонько, я вот скатерочку стиранную наброшу.

Непонятно было, для чего бабка Палаша каждое утро меняла на моем столе скатерти, но, видно, такой обряд в этом доме велся исстари. Я покорно собирал бумаги и стоял, прижав их к груди, пока бабка проворно не сдирала скатерть и не расстилала новую. От распис-

ной, свежестиранной холстины пахло хозяйственным мылом, вениками и речным холодком. И еще пахло осенью.

Осень цветистая и тихозвонная, вся в румянах и пестрых одеждах, пронизанная необыкновенно нежными ароматами, смотрелась в светлые окна горницы. В небольшом садике перед окнами бабка Палаша еще при жизни мужа насадила всякой лесной разности: одну рябинку, одну черемушку, один вересок, одну березку, одну осинку. Были тут и елка, и сосенка, и листвяночка — все, что росло в округе. Любила бабка русский лес, выросла в нем и насадила деревьев у дома, чтоб всегда были на виду. Ближе других к окнам, стройным кустом, похожим на кипарис, стояла сирень.

И я, работая изо дня в день в этой горнице, невольно смотрел на деревья и, может быть, первый раз проследил, как по-разному отмирают они на зиму.

Еще где-то в августе, прозябая в туманные ночи, захворала осинка. Пригориюнилась, свесила листы и чуть ветерок — задрожит, затрепещет вся. Теперь она и солнышку вроде бы не рада. На солнышке только бледнеет больше и сохнет. А в одну из ночей вдруг вспылала красным ее вершинка. Сперва, когда было утро, я подумал, что это свет зари отражается на ней, но настал день, а вершинка все горела. И потекла с того дня краснота по ее ветвям, в карминовые и багряные тона окрасились все листья. Так, пламенеющая, и стояла она до холодов.

Вскорости после осинки занедужила березка. В пахучей шелестящей зелени рыжим лисьим хвостом мелькнула увядшая прядка. Потом мелькнула другая, третья — и березка смирилась с уготованной участью, плакуче свесила струйчатые поблекшие косы и стала ронять листья — по одному. Они первыми легли на землю, большие и яркие, как пугливые бабочки махаоны.

Глядя на завядших подружек, по-

бледнела с испугу рябина. Выгнула тонкие ветви под тяжестью тучных, пылающих жаром гроздей, и тоже по одному начала ронять свои фасонистые, с узорной резьбой листья. А тут еще на ягоды слетелись дрозды и давай трясти, оклевывать рябину. Донага отрясли, ощипали все ягоды.

Жгучий октябрьский утренник ошпарил лиственницу. Светлой прожелтью подернулась ее шелковистая хвоя. Мелкие игольчатые листики дождем-сеянцем посыпались к корням. Прибежал петух на дивный дождичек, раз клюнул мягкой кислой хвоюшки, два клюнул и, смекнув что-то, принялся кудахтать да созывать на пир несущек.

Просторнее стало в садике, светлее. Вся осень, как на смотринах, прошла перед окнами. Будто чудную книжку листал я, наблюдая осень из горенки.

К концу октября начисто обмело все лиственные деревья. Куда ни глянь — голь продувная. И только сирень по-прежнему зеленела, убористая и нарядная, как маленький кипарис.

Казалось, сирень и не думала встречать зиму, на ней не сжелтел ни один листик. Хоть так, хоть этак смотри — вся зеленая, влажно блестящая. Каждое утро я подходил к окну и подолгу глядел на деревце: нет ли каких перемен? Нет, не видно. Я ждал перемен — все равно неизбежных, но текли дни, углубляя осень, а сирень зеленела.

Стала поглядывать на сирень и бабка Палаша. По утрам, заменив на столе скатерть, она спрашивала:

— Не облетела еще?

— Нет, — отвечал я, и мы подходили вместе к окну. Я замечал, что бабка Палаша и в другое время, идя улицей мимо садика, как бы ненароком взглядывала на сирень и, убедившись, что она невредима, благостно улыбалась.

Раньше я никогда не выделял из прочих декоративных деревьев эту избалованную вниманием красавицу. Имен-

но за то, что все боготворят ее, намеренно не замечал. Цветет она, конечно, красиво и пахнет приятно, но пускай поют о ней поэты,— я все же предпочитаю вольную, дикую черемуху. А вот тут заглядываясь и оторваться не могу. Легко, оказывается, можно ошибиться, полагаясь лишь на собственный вкус.

А дни шли. В холодеющем небе тополиво пролетали последние стаи уток, рано темнело, и глухие выморочные ночи были полны отдаленных вскриков брачного кочевья лосей. В природе все успокаивалось, затихало, готовилось к приходу лютой зимней поры. И только сирень под окнами, наперекор времени и судьбе, зеленела. И чем больше я отсчитывал на календаре осенних дней, тем сильнее она приковывала к себе наше внимание. Чуть засветлеет — мы с бабкой к окну.

— Стоит, голуба,— не то с сочувствием, не то с облегчением вздыхала бабка и уходила задавать корове корму.

А потом уже и рассвета дожидаться не могли. Бабка Палаша ворочается на полатах, так и сяк ляжет, подушку перевернет на другую сторону, а затем, зная, что я тоже не сплю, осторожно осведомляется:

— Жива ли она сегодня, христовая?

Я подходил к окну, протирал рукавом запотевшее стекло и, рассмотрев в сизом рассветном сумраке сирень, кричал с мальчишеской радостью:

— Жива!..

— Вот ведь диво! — восхищенно говорила бабка и слезала с полатей, чтоб самой посмотреть на сирень.

И вот как-то уже в начале ноября ударил первый мороз. Термометр, при-

деланный к раме с наружной стороны, показывал ниже десяти градусов. Всю эту ночь из щелей подполья тянуло холодом, куржаком обросли отдушины в хлеву, и выперло бок у медного рукомоЙника, из которого я забыл вечером слить воду.

Проснулись мы в то утро еще раньше и просто томились в ожидании рассвета. Я был уверен, что сирень погибла, и все-таки хотелось убедиться в этом воочию.

— Неуж выстояла? — спрашивала с полатей бабка.

— Не знаю... — неопределенно отвечал я, а сам испытывал желание сказать другое: «Да, бабка, выстояла!»

Когда на улице немного посветлело, мы подошли к окну и вместе ахнули: сирень стояла все тем же непобедимым, вечнозеленым кипарисом. Мы быстро оделись, пошли в садик и, не веря глазам, в упор стали рассматривать деревце. Нет, чуда не произошло: сирень замерзла. Но как замерзла — зеленая, в полном соку, не потеряв за осень ни единого листика.

Я прикоснулся к кусту — и вдруг он со звоном разом осыпался. Падая, листья раскатывались, точно льдинки, и звенели, будто стеклянные. Бабка Палаша подняла один свернувшийся в трубку, льдистый, фиолетово-зеленый, сжимая в ладони, с хрустом раздавила его, а потом раздумчиво сказала:

— Не видывала я еще такой гордынюшки. Даром что не нашинская, не расейская. Из Персии, говорят, в давние времена завезли ее черноморы на нашу северную землю. В полной красе ведь замерзла, милая...

Я стоял и не знал, что ответить.

Знаете ли вы, что

...Екатеринбург (ныне Свердловск) был в первой половине XIX века единственным в России горным городом, который не подчинялся местным гражданским властям и имел свой горный суд, свои горные законы и даже свое горное войско.

...каждая четвертая газета в Советском Союзе печатается на бумаге Соликамского целлюлозно-бумажного комбината.

...Западный Урал — это единственный в СССР район, где производятся все три вида минеральных удобрений — калийные, азотные и фосфатные; месторождение калийных солей в верховьях Камы — крупнейшее в мире. В нем сосредоточено 80 процентов запасов СССР и 30 процентов известных мировых запасов.

...выпуск нового ценного удобрения — двойного суперфосфата — первым в Советском Союзе освоил Красноуральский медеплавильный комбинат.

...Уральский асбест — лучший в мире теплоизоляционный материал.

...самым крупным горнообогатительным комбинатом мира был американский комбинат «Сильвер-Бей». Теперь он уступил первенство молодому уральскому богатарию — Качканару. А запасов качканарской руды хватит металлургам Нижнего Тагила и Чусового на 150 лет.

...в Георгиевском зале Эрмитажа установлена карта Советского Союза, выполненная уральскими камнерезами в 1937 году. На площади в 29,5 квадратных метров укреплено около 50.000 кусочков ураль-

ОТКУДА ЭТО

Наш Урал — кладовая не только полезных ископаемых, но и богатств языка. Я имею в виду не фольклор с его эпитетами, метафорами и прочими средствами художественной выразительности. Простая, обыденная, будничная речь земляка-уральца, особенно живущего в деревне, — тоже великая ценность. Устные народные говоры хранятклады нашей языковой древности, в них масса поучительного и увлекательного и для специалистов лингвистов, и для всех, желающих знать историю родного края.

В устных народных говорах (преимущественно в районах, удаленных от столиц, городов, от центров национальной культуры) часто сохраняются такие черты, которые в центральных областях давно исчезли. Именно по ним ученые восстанавливают языковое прошлое.

Урал особенно интересен в этом отношении. До революции он был глухой, отдаленной провинцией. Заселялся постепенно, в течение нескольких столетий выходцами из разных концов России. Переселенцы, оседая здесь, сохраняли особенности своей речи — свое произношение, свои слова. Довольно часто рядом с деревней, где живут потомки северян, переселившихся из Архангельской или Вологодской губерний, встречается деревня, основанная выходцами с юга Рос-

сии — из-под Курска, Воронежа. И хотя большинство уральских говоров относится к северному, «окающему» типу, — особенно это заметно в старожильческих селах и деревнях, основанных 200—300 лет назад, — некоторая часть их сохраняет южнорусские черты («аканье», придыхательное «г»).

В целом уральские говоры представляют собой смесь, чересполосицу, сложную мозаику, какой нет в других краях, где говоры однотипны, однородны.

Мне хотелось бы познакомиться читателей с некоторыми уральскими словами и выражениями, показать их происхождение, проследить их пути проникновения на Урал.

Прежде всего окажем почтенье словам-«старикам», таким, которые служили «верой и правдой» русскому народу в течение многих веков, но затем получили отставку: не попали в современный литературный язык.

Таких слов довольно много: **брезг** — «рассвет», **бучень** — «шмель», **важить** — «взвешивать», **волуй** — «вид гриба», **воробы** — приспособление для наматывания пряжи, **вить** — «пора еды», «аппетит», **гоить** — «чистить», «мыть», **жица** — «шерстяная нитка», **лони** — «в прошлом году», **дежа**, **дежень** — «квашня», **котора** — «ссора», **леха** — «грядя», «по-

ских самоцветов: яшма разных цветов, орлец, лазурит, рубины, топазы и другие редкие горные породы. На карте обозначены административное деление СССР, множество городов, реки, озера, горные хребты, рельефы местности и глубины моря. Карта демонстрировалась на Всемирной выставке в Париже в 1937 году и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года.

...9 июня 1896 года «Одесские новости» поместили отчет своего корреспондента о выставке в Нижнем Новгороде. В нем описывались замечательные произведения уральских камнерезов. «Посредине

отдела сложен красивый грот из всех минералов, открытых до сей поры в округах. Представлено 44 породы. Грот производит чарующее впечатление. У входа в него помещен медальон работы Екатеринбургской гранильной мастерской. На овальной доске из розового орлеца помещен императорский орел из яшмы. Работа чудная, и вообще работы Екатеринбургской мастерской поражают своей художественностью. Три рельефных панно, изображающие цветы и вырезанные из больших, крайне ценных кусков замечательного, богатого красками орлеца, положительно приводят в восторг своей чисто волшебной оригинальностью.

СЛОВО

лоса»... Возьмем для примера два слова — лони (лонись) и гоить.

В диалектных словарях и «Толковом словаре» Даля слово «лони» — типично северное. На юге оно почти не встречается. По-видимому, его завезли на Урал северяне — архангелогородцы или вологжане. Слово «лони, лонись» непривычно для городских ушей, но в деревне оно употребляется сплошь и рядом. Оно древнего происхождения: кроме русского языка, встречается в украинском (лони), польском (лони), чешском (лани), болгарском (лани), сербском (лане) и в других славянских языках, а корень его прослеживается в латинском, греческом, готском, древнеирландском. Можно смело сказать, что уральское словечко «лонись» старше пирамиды Хеопса: ей идет «всего сорок восьмой век, а слова, свойственные широкому кругу древних и новых родственных языков, восходят, по мнению лингвистов, к эпохе, отстоящей от наших дней на 50—70 веков. Вот в какую древность — в эпоху неолита — ведет нас короткое уральское словцо.

Другой пример — слово «гоить». Оно такого же возраста, как «лонись», и тоже широко известно на Севере и на Урале. Означает «мыть», «чистить», «приводить в порядок хозяйство». В древнерусском

языке гоить — это «оживлять», «заживлять», «лечить», «успокаивать». Отсюда потом и развились значения «приводить в порядок», «чистить», «мыть». По своему внешнему виду гоить не похоже на глагол жить. А ведь они братья. Они восходят к общему предку — корню ги- (гой-). Как показывают данные других языков, глагол жить (вернее, его корень жи-) звучал в глубокой древности ги (в этом нас убеждают данные литовского языка, например: по-литовски живой — гивас). Ги- и гой- отличаются одним звуком — о.

А сейчас сравним такие пары слов: пить — пойло, бить — бой, слить — слой (слитое), привить — привой (привитое); в этих парах наблюдается чередование и — ой, как в ги- (гой-). Как видим, родство налицо. Глаголы жить и гоить относятся между собой как пить и поить. Ведь гоить значило когда-то «заживлять» — «давать жить», равно как поить — «давать пить».

Итак, глаголы жить и гоить — это два брата встретившиеся после долгой разлуки. Таких «неузнанных» и «разлученных» родственников в нашем языке немало.

В. ЖИТНИКОВ, кандидат филологических наук

Камню приданы такие мягкие формы, точно это не камень, точно из воска вылеплены эти фантастические узоры.

Интересно, что автором этого отчета был Максим Горький.

...в 1924 году первый областной съезд горнорабочих Урала постановил сделать для памятника Владимиру Ильичу Ленину в Москве знамя из уральских камней. Знамя было высечено на шестипудовом куске южноуральской сургучной яшмы. «Твердость яшмы, — писала газета «Уральский рабочий», — настолько велика, что в смену можно было пропилить не больше одного вершка. Работали

в три смены и закончили в две недели: такая быстрота очень редкая. Знамя несложно по форме. На нем помещена надпись, высеченная из агата: «Ленину — горняки Урала». Знамя украшают тонкая выющаяся лента, кирка и молот — эмблемы горняков. Над этим произведением работали старые уральские мастера-камнерезы — братья Тагауровы, Шубин, Семенов, Планов».

...слово «Алтай» в переводе на русский — значит «Золотые горы».

...более 40 мест утечки газа в газовой сети окружного центра Гера (ГДР) обнаружи-

Знаете ли вы, что

ла специально выдрессированная для этого немецкая овчарка. Ежедневно собака проходит расстояние около 19 километров. Как только учует запах газа, она ложится у ног своего хозяина.

...в архиве документов о развитии виноградарства в ГДР есть документ, свидетельствующий о том, что виноград был завезен в Германию не из Франции, как считали раньше, а с Кавказа. Его принесли с собой сарды, переселившиеся в Германию в VII—VIII веках нашей эры.

...еще в 1220 году русские купцы приезжали в Лейпциг торговать «мягкой рухлядью» — пушницей. Вплоть до XVI века в Германии продавались только русские меха.

...в сороковых годах нашего столетия над добычей и обработкой алмазов во всем мире трудились около миллиона человек.

...эталоном длины во Франции одно время считалась длина ступни императора Карла Великого. Этот фут назывался «королевским футом».

...английская единица длины — локоть — равнялась длине скипетра короля Генриха Первого.

...сайру — эту загадочную и очень вкусную рыбу — ловят только у берегов Курильских островов. Она появляется там в конце лета, а спустя два месяца бесследно исчезает и ни в одной воде мирового океана ее не могут обнаружить.

С НОВА В СТРАНЕ КАЛМАЖЕЙ

«Джагана кандыгам — нуйну нуйлеппом, Джиламды кандыгам — Джилам нуйлеппом...»

«Вдоль реки иду —
Песню пою,
По Саянам иду —
О Саянах пою,
По степи иду —
О степи пою,
По тайге иду —
О тайге пою».

Слова старинной камасинской песни, слетающие с магнитофонной ленты, звучат здесь, на кафедре языкознания Уральского университета, таинственно и необычно. Они вызывают к жизни образы далекого прошлого: островерхие юрты камасинцев, заунывное камланье шамана у ночного костра, бесчисленные стада оленей на белогорьях... Когда-то все это было действительностью, а теперь небольшого народа камасинцев или, как они сами называли себя — калмажей, уже не существует.

Но люди не исчезают бесследно: по старинным тропам камасинцев, пересекающим Манское и Канское белогорья, идут экспедиции геологов и геодезистов, на топографические карты нанесены камасинские названия рек и гор, кое-где еще встречаются алачины последних камасинских юрт, в устьях рек можно увидеть рыболовные запоры, поставленные камасинцами, а на вершинах гор — сложенные из камней загонные для оленьей охоты. В памяти местного населения еще живут имена знаменитых камасинских охотников — Власа Шайбина и Василия Соломатова. И, наконец, есть еще несколько камасинцев, которые помнят свой родной язык.

Мы — сотрудники Саянского отряда Севернорусской топонимической экспеди-

ции — каждый год, и зимой и летом, выезжаем в Красноярский край собирать сведения о камасинцах и их языке. Наш главный информатор — уже известная читателям «Уральского следопыта» Клавдия Захаровна Плотникова (Анджигатова) — «последняя из калмажей»¹. В лингвистическом мире она стала теперь весьма заметной фигурой: ей посвящено несколько научных статей на русском и эстонском языках, о последней камасинке пишут даже в финских изданиях... У Клавдии Захаровны постепенно собирается библиотечка из посвященных ей работ. Но, несмотря на эту славу, наша бабушка осталась такой же скромной и доброжелательной, приветливой и словоохотливой, какой была и раньше. Она упорно желает нам добыть в тайге медведя, хотя мы охотимся главным образом за словами и меньше всего желаем встретиться с камасинским «ургабой» («дедушкой», «хозяином леса»), заготавливает нам топленое масло на дорогу, достает из какого-то закутка старенькое седло, которое так трудно разыскать в колхозе во время сенокоса и уборочной, потчует нас излюбленным камасинским лакомством — «кылбой» (горным чесноком), на каждом шагу проявляя к нам радушие хозяина и заботливость таежного старожила. И всегда она с нетерпением ожидает нашего приезда: мы уже привыкли друг к другу и искренне огорчаемся, когда приходит время расставаться.

Может показаться невероятным, но за эти два года Клавдия Захаровна в значительной мере вспомнила свой родной язык. Постоянные беседы вызвали к жизни полузабытые и даже забытые слова и предложения. Этому, конечно, способствовало и то, что всю свою жизнь бабушка прожила в родном Абалаково. Тут все ей знакомо и памятно: вот здесь была старая стойба (стойбище), там, на горе, находится камасинское кладбище, вот этот дом построен без помощи пилы, срублен топором, вот эта речка называется «Пешшибиджага» («Печная река»), а тут же гора «Урго мыйя» («Большая гора»).

¹ Смотрите «Уральский следопыт» № 1, 1964 год.

За эти два года мы побывали в Абалаково уже несколько раз. Теперь тысячи камасинских слов и форм записаны в наших блокнотах, многие километры магнитофонной ленты фиксируют звучание камасинского языка; они содержат обширные рассказы о прошлом, о том, как жили камасинцы, о детстве Клавдии Захаровны и ее родне, о гражданской войне в Присяянье; на пленке — сохранившиеся в памяти Клавдии Захаровны фрагменты камасинского фольклора.

Одновременно сотрудниками экспедиции проводились поиски других камасинцев. Сначала Петя Ашук, а затем Гоша Глинских тщательно составляли их генеалогию, учитывали все родственные связи, устанавливали даты жизни, местожительство и даже причину смерти. Жутко читать это выполненное в виде таблиц повествование о трагической судьбе камасинского народа в царские времена. Трудно найти здесь такую семью, в которой не было бы убитых в пьяной драке, замерзших или утонувших, сгоревших от спирта...

Сложно составлять генеалогические таблицы, тяжело вспоминать прошлое, но без этого и поиски живых камасинцев пойдут наугад, поэтому сотрудники экспедиции осторожно спрашивают всех старожилов камасинского происхождения и просто местных жителей.

Пройдены десятки деревень, опрошены сотни лиц и вот первый успех: мы узнаем, что в городе Красноярске, в нескольких кварталах от краеведческого музея, живет Александра Елисеевна Джибьева, девяноста лет от роду. Она чуть ли не на двадцать лет старше Клавдии Захаровны и, конечно, должна помнить родной «таежный» язык.

Сотрудники экспедиции Владимир Федорович Житников и Эля Косова выезжают в Красноярск. Возвращаются они в самом радужном настроении: бабушка язык знает, вот образцы записей камасинских слов и предложений. Но увы! Дальнейшие беседы с Джибьевой показали, что она помнит «таежный» язык очень плохо и к тому же все время путает «таежные» слова и выражения со «степными». Язык «степных» камасинцев, близкий к татарскому, был ей лучше известен, на нем до сих пор говорят многие коренные жители Присяянья... Оказалось, что Александра Елисеевна давно уехала из Абалаково — последнего при-

Александра Елисеевна Джибьева.

бежица «таежных», а потому и забыла свой родной язык еще в большей степени, чем Анджигатова.

Длительные поиски других камасинцев, помнящих свой родной язык, пока не принесли никаких результатов. Не исключено, что Клавдия Захаровна Плотникова (Анджигатова) действительно «последняя из калмажей». Но мы еще надеемся на успех. Живет где-то на севере Красноярского края восьмидесятилетний Осип Анджигатов, бродит по саянской тайге проводник геологической экспедиции Василий Шайбин... Есть и другие пожилые камасинцы, которые, наверно, помнят свой родной язык. Но судьба разбросала их по всей Сибири и найти их не просто.

Поиски камасинцев будут продолжены.

А. МАТВЕЕВ,
кандидат филологических наук

Рождение герба

Прошло уже полтора века с тех пор, как однажды, перемаяхнув через Уральские горы, вырвался за пределы города Златоуста крылатый конек, неся на крыльях своих славу о наших замечательных мастерах гравюры на металле.

Этот конек, нанесенный на знаменитые булатные сабли, бывший вначале как бы тамгой мастера, любимой эмблемой его, ныне стал неофициальным гербом нашего города.

Отливающий золотом на вороненой поверхности клинка конь — плод фантазии художника-гравера Ивана Бушуева. Это о нем, о его мастерстве слагались в народе легенды, его называли Иванко-Крылатко.

Под этим именем увековечил его в своем сказе и Павел Петрович Бажов.

Клинки, украшенные Бушуевым, составляют гордость многих музеев страны. Творчество его служит источником вдохновения

и для современных художников-граверов Златоуста.

Но крылатый конь стал символом не только славы златоустовской гравюры, но и символом трудовой славы города, в котором был создан. Художники Златоуста уже давно используют его при создании фабричных марок предприятий города, эмблем музеев и театров и т. п. На наших глазах рождается новый герб старого уральского городка, которому, может быть, суждено будет стать официальным гербом Златоуста.

Так, мы видим его и на обложке каталога городской художественной выставки 1964 года. И на эскизе значка «Юный краевед Южного Урала», где сделана попытка объединить все то, что должен знать о своем крае юный краевед. Здесь и крылатый

конь, и горы, и заводские трубы, и небольшая декоративная елочка.

Очень удачным оказался один из вариантов, возникший при создании памятного свидетельства о рождении.

Авторы изобразили на нем ковш, эмблему металлургов Златоуста, и на его фоне — крылатого коня.

Этот рисунок использовали художники музея при создании своей эмблемы, входит он и в афишу городского театра.

Авторы этих эскизов — художники В. Жариков, Ю. Азеев и М. Ненастина.

В. ЖАРИКОВА,
научный сотрудник Златоустовского краеведческого музея

На рисунке справа — эскиз для памятного свидетельства родившихся в городе Златоусте, внизу слева — эмблема с афиши городского краеведческого музея.

Руеские путемеры

Трудно представить себе теперь какую-нибудь транспортную машину без спидометра — указателя пройденного пути. Это необходимейшая деталь. Привычно пользуясь спидометрами, мы даже не вспоминаем, кто и когда изобрел их.

Не все знают о том, что талантливый механик-самородок из крестьян деревни Большое Поле, расположенной вблизи города Яранска (теперь Кировской области) Леонтий Лукьянович Шамшуренков сконструировал прибор для измерения пройденного пути еще более двухсот лет назад.

Во времена Шамшуренкова (начало XVIII века) техника была в основном деревянной, поэтому особенно поражает талантливости этого безграмотного крестьянина.

Впервые он прославился как механик-самородок своим предложением поднять Царь-колокол. Сконструированный им для этой цели «снаряд» был утвержден особой «артиллерийской комиссией». В 1752 году Шамшуренков по собственным чертежам построил «самобеглую коляску» — прототип автомобиля. Несколько позднее сконструировал вторую, уже более совершенную, причем она была снабжена прибором для исчисления пройденного пути. В своем заявлении Сенату Шамшуренков писал: «...Ежели позволено будет, то еще сделать могу часы, которые ходить будут у коляски на задней оси, на которых будет показываться на кругу стрелой до тысячи верст, и на всякой версте будет бить колокольчик...»

Часы эти представляли весьма совершенный по тому времени путемер, дававший возможность измерить пройденное расстояние и определить затем скорость езды. Это уже был прототип современного спидометра.

Стоимость своих «часов» Шамшуренков определил в 80 рублей, но царское правительство отказало ему в отпуске средств на осуществление изобретения. Приходится сожалеть, что не сохранилась ни «самобеглая коляска», ни «часы-верстомеры», ни их чертежи.

Зато в Государственном Эрмитаже в Ленинграде хранятся дру-

гие русские путемеры. Среди них «дрожки Жепинского» — известного уральского умельца-механика, настоящая фамилия которого была Кузнецов. Его дрожки отличаются прочностью и добротностью конструкции и снабжены прибором для измерения пути. Путемер вращается от правого заднего колеса и состоит из нескольких зубчатых передач. Стрелки шести циферблатов показывают единицы, десятки и сотни саженей, единицы, сотни и тысячи верст. Кроме отсчета расстояния механизм путемера, как и у «часов» Шамшуренкова, отбивает версты звонком.

Другой путемер, тоже работы русского конструктора Ивана Афанасьевича Неведомского, изобретен в 1811 году. Прибор очень прост и в то же время практичен.

Об этих изобретателях написаны книги и статьи.

И вот в Государственном архиве Кировской области мне удалось обнаружить документы, рассказывающие еще об одном путе-

мере, но до сих пор никому неизвестном.

Изобретение этого прибора принадлежит Ивану Васильевичу Дернову. Даты его жизни не установлены. Заявление об изобретении путемера им было подано в Вятскую губернскую земскую управу в 1863 году.

И. В. Дернов служил священником, окончил Вятскую духовную семинарию. Как известно, в подобного рода учебных заведениях механику и технологию не изучали. Дернов был самоучкой. Он всю жизнь посвятил разным изобретениям в области механики и технологии. Сконструированная им жатвенная машина была испытана в работе специалистами и получила одобрение. Узнав об этом, один из вятских заводчиков приобрел большой участок земли, чтобы на нем построить завод по производству жаток Дернова. Но для руководства делом пригласил инженера, не знакомого с сельскохозяйственными машинами (нужно заметить, что в то время таких инженеров

почти и не было). Этот инженер решил внести в конструкцию жатки свои «поправки» и «дополнения». После этого жатка не стала жать... На этом и закончилось предприятие незадачливого заводчика.

Неудача не обескуражила Дернова, он продолжал работать над конструированием разных механизмов. Как-то ему пришла в голову мысль проверить расстояние от Глазова до села Верхпорзинского, где он жил и служил, и для этой цели решил смастерить прибор, который бы измерял расстояние механическим путем. Свое устройство он назвал «путеграфом».

Чертежи и описание его сохранились в архиве. Этот путемер представляет собой самопишущий аппарат, соединенный шестеренками с осью колеса. «Путеграф» записывал на лист бумаги не только длину пройденного пути, но и его рельеф и даже исправность.

В. ПЛЕНКОВ

ЦАРЬ - МОЛОТ

В Перми на высокой горе, круто спускающейся к старому Мотовилихинскому заводу, стоит величественный памятник борцам революции. У подножия его горит вечный огонь, в темные ночи пламя освещает контуры гигантского молота, увенчанного советской эмблемой с всегда развевающимся красным знаменем наверху¹.

Да, памятник действительно напоминает паровой молот. Но молот особый, еще недавно существовавший и известный как царь-молот.

В 1860-х годах после удачных испытаний стальных пушек, отлитых на Златоустовском заводе по проекту выдающегося русского инженера-металлурга П. М. Обухова, было принято решение строить в России два сталепушечных завода: один в Петербурге, в Александровской слободе, а второй — на месте Мотовилихинского медеплавильного завода близ города Перми.

Обычно перед сверлением ствола орудия заготовленную для этой цели болванку проковывали под мощным молотом. Например, в Германии у Круппа и в Америке у Форда на этой операции работали 30-тонные паровые молоты. Но строитель уральского пушечного завода, выдающийся инженер, впоследствии директор Петербургского горного института, Николай Васильевич Воронцов рассчитал и спроектировал

молот невиданной в истории техники мощности — 50-тонный.

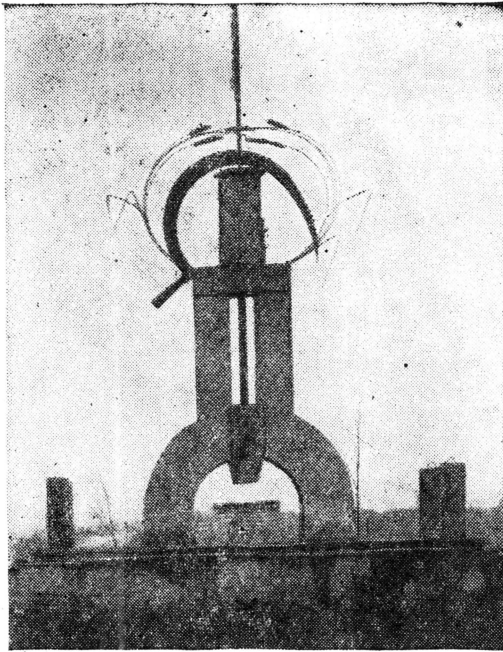
Чугунный шабот — стул его — по расчету должен был весить не менее 630 тонн.

Для выемки котлована под стул впервые в истории строительной техники Н. В. Воронцов применил кессон, сначала деревянный, а потом металлический. Когда дошли до абсолютно твердого грунта, получилась яма глубиной 32 метра. Работы велись на берегу Камы, и дно ямы было ниже уровня реки на 25 метров.

Отливка шабота началась 26 января 1872 года. Работы, подобной этой, не знает летопись литейного искусства. Сто двадцать часов непрерывно лился чугун из двадцати вагранок, специально построенных вокруг литейной ямы. Три месяца на открытом воздухе остывал металл, и только к маю отлитая масса достигла нужной температуры. После этого стул-шабот нужно было перевернуть, так как нижняя часть отливки всегда прочней. Стальную махину весом в 630 тонн при помощи ваг и системы блоков подняли, устроили под ней настил из лиственницы, а затем перевернули и установили на место. Все это сделали без грузоподъемного крана. Надо сказать, что крана с такой грузоподъемностью нет и в наше время.

К 17 февраля 1875 года все работы были окончены, и царь-молот в торжественной обстановке

¹ Об этом памятнике «Уральский следопыт» писал в № 5 за 1964 год.

новке, в присутствии большого количества гостей не только с русских заводов, но и с заводов Круппа из Эссена, отковал первую стальную болванку весом в 1000 пудов.

Новый молот действовал не только силой «нижнего пара», то есть пара, поднимающего молот, а имел еще и «верхний пар», то есть в дополнение к силе тяжести получал мощный нажим на шток сверху. Сила удара была равна 160 тоннам. Это превосходило в пять раз самые мощные паровые молоты в мире. Царь-молот ковал стальные болванки весом до 50 тонн!

Это событие отметила вся отечественная и мировая печать, назвав мощность молота беспрецедентной в истории техники, а литейное искусство пермяков — выдающимся. Действующая модель, сделанная тогда же, и по сей час находится в фондах Политехнического музея в Москве.

О точности работы механизмов и расчете силы удара царя-молота рассказывали факты, похожие на вымысел. Но я сам был свидетелем его работы в 20-х годах и могу привести такой случай.

На стул молота клали карманные часы, а вокруг укладывали куски железа, по своей толщине в несколько раз превышающие толщину часов. Рабочий, управлявший молотом, производил плавный удар 50-тонной бабой. Куски железа сплющивались до толщины часов, стекло на них разбивалось, но часы оставались целыми и продолжали идти. А когда силу удара молота испытали на стальной многотонной болванке, то от нее остались только миллиарды искр.

Царь-молот работал около 60 лет и оставался непревзойденным в мировой технике. Чугунный стул его и теперь лежит в земле, его невозможно ни поднять, ни взорвать, ни разбить.

В 1920 году мотовилихинские рабочие решили на горе Вышке, ставшей местом захоронения революционных деятелей Перми, установить памятник борцам революции, а прототипом для него взяли знаменитый царь-молот.

А. ШАРЦ

ТАЛАНТ ОТКРЫТЫЙ И ДОБРЫЙ

Есть художники, для которых все относительно просто и ясно: раз и навсегда выработали для себя определенную формулу мышления, удобные выразительные средства и, эксплуатируя их, спокойно создают свои произведения. Но, видимо, правда жизни и правда искусства не за ними, а за теми, кто постоянно в пути, за теми, кто, принимаясь за работу над следующим произведением, мучительно ищет наилучшие средства для передачи нового содержания. К таким художникам — следопытам — относится и Николай Гаврилович Чесноков, чей пятидесятилетний юбилей недавно был ознаменован открытием выставки в Свердловске.

Имя Чеснокова хорошо знают наши читатели. Картины его часто репродуцировались на вкладках, специально для нас он нарисовал несколько обложек, выступал на страницах журнала и как очеркист.

Многие произведения художника передают своеобразный колорит полярного Урала. Основной их мотив — жизнеутверждение сил человека над силами природы в этом суровом краю. Несколько в ином ключе, лирическом и очень мягком, сделаны этюды, посвященные Башкирии. Они лишены внешней занимательности, предельно просты и покоряют глубиной постижения действительности.

Добрый и человечный талант художника особенно ярко проявился в последних работах, созданных летом прошлого года в Чехословакии. Написаны эти картины горячо и темпераментно и радуют глаз своей молодостью и жизнелюбием.

Несколько картин и этюдов Николая Гавриловича Чеснокова с юбилейной выставкой публикуются в нашем майском номере.

ПРАГА ВЕСЕННЯЯ

1965 г.

В ЗАУРАЛЬЕ

1956 г.

ВЕЧЕР В БАШКИРИИ

1964 г.

ТОБОЛЬСК

1964 г.

КАМЕННЫЙ ОКЕАН

1964 г.

ЖИВОПИСЬ
НИКОЛАЯ
ЧЕШНОКОВА

БАШКИРОЧКА

1956 г.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Фото Ю. Муравина

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Два автора — Иван Васильевич БОДУНОВ, комиссар милиции третьего ранга в отставке, и Евгений Самойлович РЫСС, литератор — подготовили к печати книгу «Молодость следователя». В основу ее положены подлинные события из истории борьбы советского государства с преступностью, очевидцем и непосредственным участником которых был И. В. Бодунов.

Авторы предпочли изменить фамилию главного героя и назвали его Васильевым.

Мы печатаем одну из повестей, входящих в эту книгу, с рисунками Ю. Ефимова.

В 1924 году в Ленинграде так же, как в прежние времена, цокали по торцам копыта лошадок и лихачи на дутиках стремительно пронеслись по солнечному Невскому. До утра гремели оркестры в ресторанах с экзотическими иностранными названиями. Снова торжествовало богатство. Новые торговцы и фабриканты только посмеивались, вспоминая патетические лозунги семнадцатого года. Как от бога было устроено, к тому и пришли. Конечно, большие заводы еще в руках государства, но и это, мол, со временем образуется. Собравшись по вечерам в дорогом ресторане или хорошо обставленной спокойной квартире, нэпманы фантазировали об акционерных обществах, о горячих битвах на бирже, об игре на повышение и на понижение, об альянсе с иностранным капиталом.

Да, богатство торжествовало. Однако оно не властвовало. Можно было нажиться на торговле или открыть небольшую фабричку, но мечты об акционерных обществах, больших заводах и биржевой игре оставались одними мечтаниями. Только поверхностному наблюдателю казалось, что страна вернулась к тому же положению, которое было до революции. На окраинах Ленинграда, за Нарвской и Васильевской заставами, на Васильевском острове, на Петроградской стороне воздвигались огромные здания дворцов культуры. Улица за улицей сносились убогие домики петербургских окраин и строились для рабочих современные дома, по тем временам казавшиеся великолепными. Совсем иначе выглядела толпа студентов, каждое утро заполнявшая аудитории университета. Осенью собирались приемные комиссии. Председательствовал обычно немногословный большевик в традиционной кожаной куртке и потертой кепке блином. На заседаниях обсуждались биографии и происхождение каждого абитуриента. Кто его родители? Не дворяне ли? Не буржуи ли? Не кулаки ли? Не состояли ли в буржуазных партиях? Кто он сам? И если он рабочий или сын рабочего — зажигайте зеленые

ВНИ, поднимайте семафоры. Все льготы ему, шикарная дорога ему к образованию, к науке.

Издержки были и большие издержки. Не всегда пролетарское происхождение могло заменить хорошую подготовку. И все-таки именно в эти годы учились те люди, которые позже открыли тайны атома и тайны недр страны, построили заводы-гиганты, создали космические корабли.

Великолепно выглядел владелец магазина, одетый во все заграничное, гладко выбритый и пахнущий духами, едущий в солнечный день по Невскому на стремительном лихаче. Но все это великолепие на поверку оказывалось одной только видимостью. Этого богатого, властного человека не только не пустили бы на заседание организации, имеющей власть и решающей государственные вопросы,— он не имел права даже подать голос на выборах, сказать речь «за» или «против» какого-нибудь кандидата. Государство решало важные вопросы, разрабатывало гигантские планы, намечало неслыханные работы, и нэпманы, сами того не желая, помогали молодой республике осуществлять эту грандиозную перестройку страны. Преследуя свои корыстные цели, они возрождали и развивали торговлю. А развитие торговли неизбежно вело к укреплению экономических связей между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, между рабочим классом и крестьянством. Только во имя этого и только временно предоставлялась богачам возможность наживать деньги, ужинать в ресторанах, кататься на лихачах. Власть же была отнята у богатых твердо и навсегда.

Это понимали умные люди, привыкшие размышлять и анализировать факты. А человек не очень умный завидовал заграничному костюму, услужливой улыбке официанта, пушистым коврам в квартире,— всем этим проявлениям кажущейся значительности и влияния.

Именно в это время стал очень распространен термин «красивая жизнь». Одеться во все заграничное, небрежно поздороваться с метрдотелем, сесть на пододвинутый официантом стул, выпить шампанского, съесть суфле «Аляска». Вот она, красивая жизнь!.. А рядом была жизнь другая, некрасивая, бедная. Нахлобучив кепки, перли в институты заводские и крестьянские паренки, срочно, за три года, обученные на рабфаках основам наук. По вечерам они пили чай в общежитиях и спорили о сроках мировой революции, о зловещих интригах акул капитала. Они бушевали на комсомольских собраниях, проходили десятки километров пешком, за отсутствием денег на трамвай, доншивали отцовские брюки и от всей души, искренне и глубоко, презирали богатство. Несмотря на свое упорство и удивительное трудолюбие, кое-как, с грехом пополам, переползали они с курса на курс. Им все давалось очень трудно. Они поздно научились читать, выросли в бедных рабочих кварталах, и привычку к занятиям, к чтению, к математическим формулам им приходилось приобретать на ходу. Кто бы поверил тогда, что именно им, мальчишкам в потертых штанах, предстоит читать доклады на мировых конгрессах, ошеломлять открытиями известных всей планете ученых, бывать на дипломатических приемах, создавать удивительные машины, выпускать серьезнейшие труды по сравнительному языкознанию? Кто бы поверил, что именно

им, оборванным, неинтеллигентным, малограмотным людям, предстоит красивая жизнь в самом высоком и подлинном смысле слова? Нет, только мечтатели могли это предвидеть, мечтатели и люди, сразу и до конца поверившие мечтателям. А люди недалекие рассуждали просто: во, красиво живут! И относилось это, конечно же, не ко вчерашним рабфаковцам.

С подобных-то рассуждений о «красивой» жизни и началось падение Володи Климова, рабочего литографии в пригороде под Ленинградом. Падение, завершившееся в гостинице чужого, незнакомого города безнадежной, бессмысленной перестрелкой и пулей, посланной себе в лоб.

II

Была в небольшом поселке, километрах в тридцати от Ленинграда, маленькая литография. Существовала она давно, хотя работало в ней только человек пятьдесят, была известна и в Петербурге, и в других городах страны. Так уж сложилось, что в течение многих лет работали здесь подлинные мастера своего дела, люди, которых ценили художники, знавшие, что ни одна линия рисунка не будет изуродована и омертвлена. Литографирование — ремесло, которому можно выучить каждого, но есть степень умения, достигнув которой, литограф становится художником, а работа его — искусством.

В двадцатых годах в поселке оставался только один знаменитый мастер — Федор Сергеевич Тихонов. К нему наезжали художники из Ленинграда и из Москвы, только ему доверяли они переносить на литографский камень свои рисунки. Подолгу сживали в маленьком его домике, пили чай, чашку за чашкой, и рассуждали о секретах рисунка, о неповторимых приемах графики и о литографии, которая и ремесло, и искусство.

Знаменитый этот мастер был человек невысокого роста, худенький и незаметный, носил он много лет один и тот же потертый пиджак с аккуратно залатанными локтями. Только глаза у него были необыкновенные: светлые, ясные, восторженные. Он всегда был готов каждого, кто захочет, обучить своему делу. Но случайный любознательный паренек, который с интересом выслушивал его, потом нередко забывал все сказанное. Тихонов же искал того единственного ученика, который станет его наследником, который отдаст свою жизнь любимому делу учителя, приумножит и разовьет его удивительное умение.

И вот присмотрел он молодого рабочего Володю Климова, умного и веселого парня лет девятнадцати-двадцати. Стал поручать ему все более сложные работы и сдержанно иногда похваливал, а сам удивлялся и радовался, видя, какие быстрые успехи делает Володя, какими точными становятся у него глаз и рука.

Был Климов сиротой, и начал Тихонов приглашать Володю к себе домой и за чашкой чая рассказывать о стиле разных художников, о том, как по характеру линии знающий человек, не поглядев на подпись, назовет автора, о том, как литограф обязан сберечь и передать манеру создателя рисунка. Володя слушал, схватывал очень быстро и скоро уже высказывал мысли, которые позволяли Федору Сергеевичу надеяться, что, наконец, он нашел себе настоящего

ученика. Стали Володю ценить, стал он зарабатывать лучше, чем раньше, одеваться наряднее и с каждой полочки покупать себе то модные брюки, то ботинки с узкими носками, то яркие гетры, такие же точно, как те, которые носил приезжавший из Ленинграда инженер. И, глядя на единственный костюм старого мастера, на вытертые до блеска лацканы его пиджака, начал подумывать Володя о том, что если и стоит чему-нибудь учиться у старика, то только умению работать, потому что хорошему специалисту и платят хорошо. А уж умению жить пусть он у него, у Володи, поучится. Зарабатывает столько, что мог бы десять костюмов сшить,— так нет же, все деньги изводит на редкие литографии, которые выискивает у букинистов и коллекционеров.

Этими мыслями Володя со стариком не делился, и тот продолжал думать, что заветная мечта его о преемнике превращается-таки постепенно в явь.

Очень скоро Володя Климов был с ног до головы одет по тогдашней моде и все реже и реже посещал по вечерам Федора Сергеевича, потому что увлекся танцами. А потанцевать было где. Если отменялись танцы в поселке, где жил Климов, всегда можно было поехать в Ленинград. Не в один рабочий клуб, так в другой,— их много появилось тогда в городе. В этих клубах проводили свой досуг рабочие,

служащие, студенты. И чего греха таить,— многие из них мечтали о «красивой» жизни и во всем стремились походить на «золотую» эспмановскую молодежь, заселившуюся в ресторанах и игорных домах... Впрочем, стоило ли упрекать рабочего паренька в излишнем увлечении танцами? Мало ли чем люди в молодости не увлекаются! Проходит время, человек становится серьезней, начинает заниматься делом, и нередко из него получается хороший работник.

Чаще всего Климов ездил на Выборгскую сторону, в дом культуры, помещавшийся в особняке когда-то знаменитого нефтяника Нобеля.

Здесь, в клубе на Выборгской, Климов и познакомился со студентом-медиком Ладыгой и его приятельницами Михайловой и Мещаниновой, тоже студентками медицинского института.

Девушки курили, что было очень элегантно, сильно красились, что тоже нравилось Климову, и танцевали с ничего не выражающими, брезгливо равнодушными лицами. И это тоже, конечно, было очень шикарно.

Климову льстило, что новые его знакомые — студенты. Казалось ему, что если уж и они ходят сюда танцевать, то, наверно, здесь на самом деле место очень хорошее.

Так он думал до тех пор, пока однажды, когда девушки пошли в туалет напудриться и намазать губы, у него не произошел разговор с Ладыгой, очень Климова огорчивший.

— Шикарное здесь все-таки место, — сказал Климов.

— Здесь? — переспросил Ладыга и пожал плечами, давая понять, что разные могут быть точки зрения на вещи, но у него, у Ладыги, точка зрения твердо установившаяся.

— Можно и сюда сходить, когда денег нет.

Климов понял, что сваял дурака. Это для него, рабочего загородной литографии, — шик. А настоящие люди ходят сюда только в периоды временного безденежья.

В это время вернулись припудренные, заново накрашившиеся девушки.

— Володя говорит, что здесь шикарное место, — сказал Ладыга.

— Здесь? — удивилась Мещанинова, и Климов покраснел.

— Сколько надо нам четверым, чтоб поплясать в настоящем месте? — спросил он.

— На вечер рублей тридцать хватит, — сказала Мещанинова.

— Завтра поедем. У меня получка.

На следующий день они вчетвером сидели за столиком в ресторане «Квисисана». Вот уж где был действительно шик! Такого Климов даже представить себе не мог. На каждом столике стояла лампа с абажуром, крахмальные скатерти, крахмальные салфетки пирамидками, и на них можно было даже разобрать царскую монограмму. Недавно прошла распродажа бельевых Зимнего дворца, и многие рестораны обновили свои запасы.

В ресторане было полутемно. На маленькой эстраде расположился настоящий джаз, отбивавший на немислимых инструментах неслыханные ритмы. Горели только настольные лампы, а во время танца по стенам и потолку бегали лучики, быстрые тонкие лучики, создававшие настроение, как объяснила Мещанинова.

А какая публика здесь была! Это тебе не жалкие девчонки и пареньки из рабочего клуба. За столами сидели настоящие интеллигентные люди. Метрдотель, почтительно кланяясь, встречал их и провожал к столикам. Они равнодушно оглядывались вокруг, — видимо, все здесь было для них обычно и неинтересно. Вообще Климову стало ясно, что удивляться и восторгаться нельзя. Здесь это не принято. И если ему, Климову, не повезло — он родился в рабочей семье и сам стал рабочим, — то надо скрывать истинную свою сущность и делать вид, что роскошь для него вещь знакомая и даже чуть надоевшая.

Несложное это искусство Климов освоил быстро. Он взял от Мещаниновой равнодушное выражение лица, от Ладыги — манеру морщить нос, от Михайловой — привычку щурить глаза, и к концу вечера ничем не отличался от своих спутников.

Назавтра отправились в «Трокадеро», еще через день — в «Ша Нуар». Прокутили зарплату Климова, стипендию Ладыги, деньги, которые Мещанинова выпросила у отца. Когда, наконец, все деньги были истрачены, поехали опять в рабочий клуб на Выборгскую сторону. Каким же вульгарным, дешевым местом показался он Климову! Он покраснел, вспомнив, что только неделю назад ему казалось, что здесь «шикарно». Танца три станцевали, а потом и танцевать стало скучно.

— Нет, здесь невозможно, — сказала Мещанинова, оглядывая танцующую толпу.

— По одежке протягиваем ножки, — процедил Ладыга.

— Конечно, — пожал плечами Мещанинова, — мир делится на богатых и бедных. Богат тот, кто может придумать, как разбогатеть. А беден тот, у кого куриные мозги.

Постояли. Помолчали. Решили уходить.

Молча шагали по проспекту Карла Маркса. Шел снег, идти было холодно и противно.

— Сколько стоит котиковое манто? — спросила вдруг Мещанинова.

— Тысячи полторы, — ответил Ладыга. — Собираешься купить?

— Нет, продать, — холодно отрезала Мещанинова. — Вы его добудете, а я продам. У папы есть знакомый скорняк. Не за полторы, так за тысячу двести. Хоть будет, на что сходить поужинать.

В следующее воскресенье Ладыга и Климов прогуливались по Невскому проспекту. Денек был морозный, солнечный, и по проспекту толпами валили гуляющие. Ладыга и Климов шли порознь, не обращая друг на друга никакого внимания. Каждый из них искал в толпе одинокую дорогую шубу. Но, к сожалению, хорошие меха, как правило, гуляли не одни. Котики, шиншиллы, каракули шли в окружении нарядных кавалеров и были попросту недоступны для знакомства. На углу Садовой Климов заметил, наконец, выходящий из парикмахерской ТЭЖЭ одинокий каракуль и взглянул на Ладыгу. Ладыга, делая вид, что даже не видит Климова, наклонил голову. Это означало: каракуль приличный, действуй. Через десять минут Климов уже болтал с владелицей каракуля. Одет он был хорошо, впечатление производил солидное, да и развязности у него для знакомства хватало. Впрочем, и владелица каракуля была, видно, не прочь познакомиться с интеллигентным молодым человеком. Климов поведал ей, что кончает Политехнический институт и будет, наверное, работать на Путиловском заводе. Он мог говорить о себе все, что угодно: встречаться в будущем с владелицей каракуля, которую, как выяснилось, звали Ириной, он не собирался.

Ирина же рассказала, что учится в институте истории искусств и что ее отец — известный адвокат. Может быть, она тоже врала, но уж каракуль-то был настоящий: Ладыга в этом кое-что понимал.

Климов повел себя, как серьезный кавалер. Он пригласил ее не в ресторан, не на танцульки, а в Марининский театр, на оперу Шрекера «Дальний звон».

В назначенное время Климов поджидал Ирину у театра. Они разделись в гардеробе, и Климов еще успел угостить свою даму в буфете пирожным и лимонадом. Первый антракт они очень весело проболтали. Несколько анекдотов из жизни артистов, которые рассказал Климов, создали у Ирины представление, что и сам он не чужд искусству.

Во втором антракте Климов извинился перед Ириной и пошел в уборную, попросив ее сидеть на месте, чтобы они не потеряли друг друга.

В это время Ладыга стоял внизу, в гардеробе. Дождавшись второго антракта, он, не торопясь, вышел на улицу. У входа прохаживалась Мещанинова в своей потертой беличьей шубе. Народу вокруг почти не было. Люди, хотевшие продать или купить билет, уже

разошлись, извозчики еще не съехали. Мещанинова скинула шубу на руки Ладыге и проскользнула внутрь театра. Климов уже спускался в гардероб. Вдвоем они подошли к гардеробщику. Климов небрежно отдал номерок и двадцать копеек чаевых. Гардеробщик любезно подал Мещаниновой каракулеву шубу, а Климову его модное пальто, напоминавшее по форме этрусскую вазу. Дальше все было совсем просто. Они вышли, сели вместе с Ладыгой на извозчика, доехали до Невского, извозчика отпустили и дошли пешком до дома Мещаниновой. Скорняк, знакомый ее отцу, дал за пальто хоть не тысячу двести, но тысячу сто. Это все равно было неплохо.

А Ирина тем временем волновалась, ожидая своего кавалера. Ничего не видя и не слыша просидела весь третий акт. Потом прошла в администрацию и вместе с администратором простояла у выхода, пока вся публика не разошлась, потом ей дали салоп из костюмерной, и они с администратором отправились в угловый розыск.

Дежурившему в этот вечер Васильеву пришлось выслушать прерываемый всхлипываниями рассказ маникюриши из парикмахерской ТЭЖЭ о том, как она три года копила деньги на каракулевый сак. А когда, наконец, купила его за полторы тысячи рублей, пальто украл какой-то молодой человек, с которым она только сегодня познакомилась. Он назвался студентом Политехнического института и вероятно не чужд искусству, потому что рассказывал ей много случаев из жизни артистов.

Васильев вынужден был объяснить Ирине, что шансы вернуть каракулевый сак невелики.

— Сами виноваты, — сказал он. — Как же так: впервые видите человека и отдаете ему номерок. Мы, конечно, объявим по коммисионным и проследим, но особенно не надейтесь. Шубу могут продать скорняку, а скорняк так переделает, что и не узнаешь. Будете гулять по Невскому, поглядывайте, может встретите своего кавалера.

— Такой интеллигентный! — всхлипнула еще раз Ирина и, оставив свой адрес, ушла.

Конечно, никто в коммисионку украденный сак не принес. И как постовые, стоявшие у театров, ни всматривались отныне, они не увидели ни одной женщины, которая сняла бы пальто у входа и вошла в театр раздетая. Тем не менее, недели через три в Александринском театре подобным же способом украли котиковое манто. Его обладательница накануне познакомилась на Невском с молодым человеком с усиками, совершенно не похожим на того вора, которого описала Ирина. Он тоже был хорошо одет и

показался девушке очень интеллигентным. Он повел ее к «Де Гурмо», где они выпили кофе с пирожным. Девушка, единственная дочь владельца парфюмерного магазина, оказалась не очень строгой к интеллигентному молодому человеку, который так мило болтал с ней в кафе. Он предложил ей пойти на следующий день в Александринку, на пьесу Луначарского «Яд», и она с удовольствием согласилась. Об этой пьесе много говорили: все хвалили Вольф-Израэль, игравшую разложившуюся дочку наркома.

На следующий день Ладыга зашел к новой своей знакомой домой, произвел прекрасное впечатление на родителей, и увел пальто, не дожидаясь второго антракта, так что потерпевшая не успела даже насладиться его обществом. На этот раз в гардеробе, очень далеко от того места, где висело роскошное котиковое манто, осталось не востребованным дешевое, сильно поношенное пальтишко, которое на толкучке можно было купить рублей за десять-пятнадцать.

Может быть, эти случаи никак не связаны между собой? Ведь кавалеры — если верить пострадавшим девушкам — совершенно не похожи друг на друга. Но еще через неделю в Михайловском театре таким же точно способом снова украли каракулевый сак.

Теперь ленинградская милиция была поставлена на ноги. Наряды у театров были усилены, гардеробчики предупреждены, велено было до конца спектакля не выдавать никому пальто, не проверив, что за люди и почему уходят раньше времени. При следующей попытке преступники обязательно были бы задержаны. Васильев каждый вечер ждал их к себе. Но никого не приводили. Прошел месяц, другой. Стаял снег, наступила весна, меховые шубы были пересыпаны нафталином и спрятаны в укромные места. Девушки начали носить драповые пальто, потом летние, потом стали ходить в одних платьях, а в городе не совершалось ни одного преступления, которое хоть чем-нибудь напоминало бы нераскрытые кражи.

Зато уже через три дня после похищения шубы в Михайловском театре на одной из глухих улиц Новой деревни был обнаружен труп с пулевой раной в затылке. По документам установили, что убитый работал слесарем на заводе, а по вечерам прирабатывал, водя частную машину.

Частных машин тогда было много, и все заграничные. В России, на московском заводе АМО, только налаживали выпуск первых полуторатонных грузовичков. По улицам Ленинграда ездили и форды, и рэно, и фиаты, и странные помеси, собранные из нескольких машин. Чтобы создать такого ублюдка, ведущего родословную от пяти-шести автомобильных фирм, нужна была частная инициатива. Только частник будет лазить по свалкам и толкаться по рынкам, находя и покупая по дешевке выброшенные, никуда не годные части. Только частник будет подбирать эти отбросы, подгонять их друг к другу, скоблить, подбивать, чистить наждаком, штопать сиденье и обивку и добиваться, наконец, чтобы машина тронулась с места. Руководящие работники государственного аппарата ездили в то время на лошадке, впряженной в качающуюся на рессорах пролетку, или — это уж самое большое начальство — на импортных машинах. Зато разгульные молодые люди считали высшим шиком

усадить своих дам в лимузины, собранные из старой рухляди, и повезти их кататься по городу, заплатив пятерку за час катания. Клиенты попадались и днем, и ночью, и хозяин за адский труд, который он вложил в машину, хотел получить как можно больше денег. Поэтому днем он водил автомобиль сам, а на ночь нанимал шофера. И вот молодой слесарь, человек хороший, трудолюбивый, решил наняться к такому «капиталисту», чтоб подработать, купить мебель и повезти молодую жену на юг, посмотреть, что за штуки такие магнолия и олеандр.

Теперь он лежал в морге с пулевой раной в затылке, а невеста, не успевшая даже стать его женой, плакала горько и безнадежно.

Машина исчезла. Очевидно, из-за нее и убили шофера, потому что в кармане у него лежало пятнадцать рублей, деньги по тем временам не малые, которыми убийцы даже не интересовались.

Со слов владельца автомобиля составили подробное его описание. Но чем оно могло помочь? Ясно было одно: машина являла собой невероятное собрание самых разных частей, совершенно не подходящих друг к другу. Сообщили постовым милиционерам номер. Но и на это было мало надежды.

Думал Васильев, думал, и ни разу не пришло ему в голову связать эту историю с женскими шубами. Трудно было представить себе, что столь разные преступления совершены одними и теми же людьми.

IV

Третья из украденных шуб еще не была оплакана ее бывшей владелицей, когда четверо молодых людей пришли вечером поужинать в недавно открытый ресторан «Ша Нуар». Столик они заказали по телефону. Метрдотель, поклонившись, сразу провел их через зал и дамам сам отодвинул стулья.

На вновь пришедших оглядывались. Это была солидная, богатая компания. За последнее время их видели в ресторанах часто, и никому, конечно, не приходило в голову, что трое из них простые студенты, а четвертый — рабочий маленькой литографии. Климов за несколько последних недель изменил не только одежду. Он стал уверенным и спокойным, в нем появилась барственность и небрежная величавость, которая казалась ему бесспорным доказательством аристократического происхождения.

Разлили вино. Подняли бокалы.

— За трех дур,— провозгласил тост Климов. Четверо, чуть улыбнувшись, чокнулись и выпили.

— За будущих дур,— предложила Мещанинова.

Климов, не отхлебнув, поставил бокал на скатерть.

— А зачем они?

— Мне нравятся тысячи рублей,— сказала Мещанинова.

— А тюрьма тебе нравится? — спросил Климов.

Все четверо были уже на ты, и разговор велся запросто, без церемоний.

— Шуб больше не будет,— сказал Климов.— Третья шуба тоже была, в сущности, лишней. В первый раз думают, что это случай, после второго — настораживаются и принимают меры,

Твоя мысль, Верочка, гениальна, но она уже исчерпала себя.

Климов поднял бокал и чокнулся с Верой.

— И все же эта мысль помогла нам завести оборотный капитал. Сколько у нас в запасе?

— Тысяча двести,— сказал Ладыга.

— Для начала достаточно, но вообще сумма ерундовая. Месяц поужинать, и мы без денег. Значит, надо работать дальше.

Заиграл оркестр. Климов пригласил Мещанинову, Ладыга — Михайлову. Они танцевали молча, с равнодушными лицами, когда оркестр кончил, поаплодировали музыкантам и вернулись к столу.

— Итак,— снова заговорил Климов,— продолжаем военный совет. Когда удобнее всего грабить? Конечно, вечером. Темно, и народу меньше. Где больше всего денег по вечерам? В магазинах и ресторанах. Но ресторан закрывается под утро, когда люди уже идут на работу. Значит, пока наша цель — касса магазина. Теперь средства. Прежде всего нужно, конечно, оружие. А точнее,— револьверы. Из-под полы они, наверное, продаются. Как, господа?

— Говорят, на Александровском рынке,— сказал Ладыга.

Прошло то время, когда студент Ладыга чувствовал себя высшим существом по сравнению с простым рабочим Климовым. Даже упрямая, своевольная Мещанинова не спорила теперь с Климовым, а только все чаще смотрела на него неподвижным, затуманенным взглядом.

— Значит,— продолжал Климов,— завтра мы отправляемся на Александровский рынок за покупками. Пока нам достаточно двух револьверов. Следующим шагом будет приобретение машины. Предприятие должно расти. Ну, об этом будет еще время поговорить. Ближайшие задачи ясны. Да, еще одно: как назовем нашу организацию?

— «Черные вороны»,— не раздумывая, предложила Мещанинова.

— Возражения есть?— спросил Климов.— Принимается. Итак, за новую фирму.

Подали горячее. «Черные вороны» ели, немного пили, танцевали, курили и не говорили о деле. Рядовая в те годы компания молодых людей, уверенных в себе, богатых, хорошо одетых, привыкших к красивой жизни.

Кроме Гостиного двора в Ленинграде есть торговые каменные ряды и попроще. Гостиный двор в то время представлял собой средоточие частных складов и магазинов. Здесь торговали серьезные купцы, дорожащие именем фирмы, если и нарушающие закон, то осторожно, солидно, ради крупных выгод. Всякая шушера, мелкие спекулянты и просто жулики торговали, мошенничали, кричали и ссорились на Александровском или Никольском рынках. Рынки эти, расположенные вдоль той же Садовой улицы, на которую выходила боковая линия Гостиного двора, были подалее от центра, в местах невидных. Здесь торговали книгами и костюмами, сапогами дореволюционного времени и штанами, сшитыми по последней моде. Здесь продавались тульские и бельгийские охотничьи ружья, патроны, медвежьи пули — «жаканы», дробь и порох. Продавались и нездоровые товары — наркотики, самогон, контрабандная косметика, краденые чулки, поддельные редкости. Здесь кричали зазывалы, тайно играли в азартные игры,— словом, кипели, бурлили, разорялись и

богатели снова люди мелкие, ерундовые, не привыкшие к труду, но любящие наживу.

Торговец охотничьим оружием считался среди этого отребья почтенным коммерсантом. У него был настоящий порох и настоящие пули, а иногда даже действительно хорошие охотничьи ружья, привезенные когда-то из Бельгии. Он не лебезил перед посетителями рынка и не всучивал за бельгийское ружье старую поломанную тулку. Покупатели к нему подходили не часто, и он спокойно, не суетясь, показывал им ружья, объяснял их достоинства, не скрывал и их недостатки. Чуть поодаль от его лотка целые дни терся какой-то оборванец, ничего как будто не продававший. Изредка к продавцу оружия подходил покупатель и, делая вид, что осматривает ружье, негромко шептал несколько невнятных слов. Тогда продавец окликал загадочного оборванца и кивал на пришельца. Покупатель и оборванец уходили в дальний конец рынка, в угол, куда никто не заглядывал и где можно

было поговорить спокойно. Там они торговались, осматривали тайный товар, и один получал деньги, а другой — купленное. И снова стоял оборванец, глядя равнодушными глазами на кипучую жизнь рынка. И казалось, что он стоит просто так, от нечего делать. Просто любитесь, как торгуют другие.

Пошептавшись с Климовым и Ладыгой, торговец ружьями переправил их к этому удивительному оборванцу. Они удалились с ним в невидимый угол, опять пошептались, дали ему деньги и унесли два нагана с пятьюдесятью патронами каждый. В общем шуме и гвалте, среди тысяч крупных и мелких торговых сделок эта, совершенно незаконная, не привлекла ничего внимания. Двое модно одетых молодых людей вышли из рынка, пешком прошли по Садовой и Невскому до кондитерской «Де Гурмо» и, подсев к столику, за которым их ждали Михайлова и Мещанинова, заказали себе по чашке какао и пирожному со взбитыми сливками.

— Все в порядке? — спросила Мещанинова.

— От капитала осталась половина, — ответил Климов. — Зато можно приступить к приобретению автомобиля. Надо только найти шофера без предрассудков. У меня есть один на примете. Правда, пьяница и бездельник, но если его держать в руках, то пригодится.

Шофер Пермьяков работал когда-то в той же литографии, из которой только недавно уволился Климов. Так как Пермьяков был каждый день пьян, а через день очень пьян, и так как после целого ряда мелких аварий он, наконец, ухитрился разбить вдребезги единственный, принадлежавший литографии, автомобиль, его не только уволили, — это бы еще полбеда, — но и передали в прокуратуру дело о привлечении его к уголовной ответственности. Пермьяков понял, что теперь самое время менять место жительства и, отказавшись от тихих радостей жизни в пригороде, переехал в Ленинград. Здесь он встретил на Невском Климова. Тот дал ему в долг пятнадцать рублей и помог найти недорогую комнату на Выборгской стороне, в Нейшлотском переулке. Теперь, когда Черные вороны приобрели оружие и могли приступить к дальнейшим операциям, Климов отправился по этому адресу и долго ждал Пермьякова, который пока что, конечно, не удосужился отдать пятнадцать рублей. Климову повезло: Пермьяков, ввиду отсутствия работы, а значит, и средств, вернулся в полпьяна, то есть в том состоянии, когда он еще мог, в общем, соображать, что ему говорят.

— Есть работа, — сказал Климов.

— Я готов, — бодро ответил Пермьяков, слегка, впрочем, покачиваясь.

После длительной беседы у него в закуске Пермьяков согласился быть шофером Черных воронов, получая по десять рублей в сутки в тех случаях, когда Вороны его приглашали. Он обязался не пить в эти дни или пить умеренно, ничему не удивляться и не задавать никаких вопросов.

У

От Нейшлотского переулка до центра расстояние не маленькое. Деньги на извозчика у Климова были, однако он пошел пешком. Ему надо было подумать.

Интересно все-таки получилось. Жил рабочий парень, Работал. Ходил на танцульки. Одалживал

до полочки, чтоб купить пару туфель. И вдруг оказалось, что и одалживать не надо, и полочки ждаты не надо, да и работать вовсе необязательно.

Далеко же он ушел от пригородных парней, своих товарищей по работе! Вот они, бывшие его товарищи, склонились над литографскими камнями и тщательно проверяют, точно ли лег на камень рисунок. Кончится рабочий день и, надев просаленные пиджачки, пойдут они по домам, чтобы пить чай, нянчить детей или читать газету.

Нет, Климов уже не может так жить. Он даже не подумал об этом, он это почувствовал. Огромные, казалось ему, страсти кипели в нем, и огромные, на его взгляд, силы ощущал он в себе.

Опять выплыла мысль о том, что надо будет завтра же сказать остальным Черным воронам. Он уже все предвидел и на все решил. Что-то скажут его друзья? Шоферу Пермьякову они добавят к десятке трешник, и он будет молчать. Мещанинова, эта гиена в юбке, небось, будет даже довольна. Ладыга? Черт его знает, что такое Ладыга. Еще испугается, побежит доносить.

Михайлова, пожалуй, на убийство не пойдет. Но ей и не надо идти. А молчать и получать деньги ее Ладыга уговорит. Если, конечно, сам не струсит.

Климов подумал, что они справятся и вдвоем с Ладыгой. Фу ты, черт! Жалко шофера? Но он не знает, кто такой этот шофер. Может быть, он окажется бандитом, скверным, злым человеком.

Убийство шофера представлялось такой мелочью, что о ней не стоило и говорить.

Шел Климов по проспекту Карла Маркса от Выборгской стороны к Финляндскому вокзалу, и казалось ему, что выбыл он из бедной рабочей жизни на большой путь.

У Финляндского вокзала он позвал извозчика и, не торгуясь, за тридцать копеек, хотя красная цена была двугривенный, поехал к себе на Петроградскую сторону, к дому, в котором он снимал комнату.

В ресторане «Кахетия» начался второй, очень важный для дальнейшего разговор.

— Завтра, — сказал, почему-то радостно улыбаясь, Климов, — мы приобретем автомобиль. Шофера придется заменить. Понимаете?

— Я понимаю, — спокойно сказала Мещанинова.

— Ну, вот, — продолжал Климов, — я думаю, мы справимся вдвоем с Ладыгой.

— Нет, — возразила Мещанинова. — Я еду с вами. Я ведь авантюристка. Я хочу видеть, как это все произойдет.

Краем глаза Климов поглядывал на Ладыгу. Ладыга молчал. На верхней его губе непонятно, с каким выражением, торпорщились маленькие усики. Взбунтовался, однако, не он, а маленькая Михайлова, которая, как казалось Климову, от природы была неспособна противоречить людям.

— Мы с Ладыгой на это не можем пойти, — начала она, страшно волнуясь. — Шубы красть, и то было страшно, а шофера ведь придется убить? Да? Ведь за это расстрел полагается. И потом, убийство — это... Это ужасно, — убийство! Тут, наконец, заговорил Ладыга.

— Тамарочка, — сказал он ласково, стряхивая пепел с папиросы, — а на что же ты будешь жить, девочка моя? Мы ведь с тобой в инсти-

туте месяца три не были. Что же ты думаешь, придем, и нам за все три месяца стипендию выложат? А если нас уже исключили? К родителям отправишься?

Он еще раз затянулся папиросой, выпустил дым и торжествующе посмотрел на Климова: вот, мол, как я ей все изложил.

Михайлова вся раскраснелась, в глазах у нее показались слезинки.

— За красивую жизнь надо платить, Тамара,— усмехнулся Климов.— Да и что такое какой-то шофер?

В эту минуту кто-то хлопнул сзади Ладыгу по плечу. Все четверо вздрогнули. У Ладыги вся кровь отхлынула от лица, больно уж серьезный шел разговор.

— Вот вы где, оказывается,— радостно сказал подошедший к ним красивый молодой человек.— Прожигаете жизнь? То-то, я смотрю, на лекциях вас не видать.

Не спрашивая разрешения, он придвинул стул и подсел к столу.

— Знакомьтесь,— спокойно сказала Мещанинова.— Это Петя Кулябко, наш товарищ по институту.

Климов протянул новому гостю руку и назвал себя. Он испугался не меньше, даже, может быть, больше других, потому что видел Кулябко первый раз в жизни, и все-таки улыбка не сошла у него с губ, и рука, державшая папиросу, не дрогнула. Он с удовольствием отметил это.

— Ты в «Кахетии» уже бывал?— спросила равнодушно Мещанинова.— Мне здесь, в общем, нравится. Хотя в «Ша Нуаре», пожалуй, публика эlegantней.

Ладыга тем временем извлек платок, вытер пот со лба и, наконец, заставил себя улыбнуться.

— Как видишь,— сказал он,— прожигаем жизнь.

— А деньги где берете?— поинтересовался Кулябко.

— У моего отца в Москве большой магазин,— торопливо вмешался Климов.— В добрые минуты папаша бывает щедр.

Заказали еще вина. Выпили.

— Здесь, конечно, мило,— сказал Кулябко,— но вообще кутить лучше в частных домах. В-первых, народ проверенный, никто за тобой не наблюдает. В-вторых, интересные дамы. В-третьих, можно сыграть в картишки и выиграть.

— В Москве я знаю такие дома,— небрежно сказал Климов,— а в Ленинграде не запаса адресами.

Расстались поздно ночью, подружившись окончательно. Кулябко был сын известного петербургского адвоката, у которого и сейчас в приемной толпились клиенты. Отец сам в молодости принадлежал, как говорили когда-то, к «веселящемуся Петербургу», поэтому и сыну не жалел денег на развлечения. Молодому Кулябко, конечно, и в голову не приходило, что его друзья и этот уверенный в себе, хорошо одетый Климов — просто воры. Он признавал только небольшие нарушения закона, не грозящие крупными неприятностями: посещение притонов, покупка наркотиков, что-нибудь такое изящное и, в общем, безопасное.

Расставаясь, договорились, что встретятся в ближайшую субботу, и Кулябко поведет их в одну частную квартиру. Кулябко сначала пред-

ложил пойти туда завтра же, но Климов попросил отложить на пару дней этот интересный визит. Тем более, что завтра они все четверо должны быть на скучном дне рождения у его, Климова, тетушки. Старая дама будет очень обижена, если гости не придут.

На следующий день в первом часу ночи из ресторана «Ша Нуар» вышла подвыпившая компания. Здесь были Черные вороны в полном составе и с ними шофер Пермяков. Михайлову посадили на извозчика и отправили домой одну. Потом перешли улицу и остановились. У подъезда гостиницы «Европейской» стояло несколько частных машин, и шоферы зазывали пассажиров. Климов оглядел их. Почти все пожилые люди, среди них только один веселый на вид молодой человек.

— Пожалуй, вот этого, веселого,— решил Климов.— Наверное, не женат. По крайней мере, семья не останется без кормильца.

Он не хотел и думать о том, что у намеренного им в жертвы шофера может быть любимая девушка, могут быть какие-то свои планы на будущее. Ему казалось, что, подумав о семьях пожилых шоферов, проявив тем самым заботливость и доброту, он уже искупил предстоящее убийство.

Все было условлено заранее. Рядом с шофером сел Пермяков, чтобы перехватить руль, когда упадет убитый. За спиной шофера устроился Климов, здесь же — Мещанинова и Ладыга. Делали вид, что провожают домой Мещанинову. Она указывала дорогу, выбирая самые глухие и темные переулки. Климов почти не волновался. На одной из узеньких улочек он огляделся. Вокруг было пусто. Он вынул наган и направил его в затылок шоферу. Спустил курок, но наган дал осечку. Шофер увидел в висащее впереди зеркало, что пассажир целится ему в затылок, затормозил и испуганно обернулся:

— Что вы, гражданин!?

— Да я же шучу,— сказал, смеясь, Климов.— Он не заряжен.

Шофер снова пустил машину. Пассажиры были веселые, могли хорошо заплатить, а до свадьбы оставалось всего две недели. Тогда Климов нажал курок вторично, на этот раз — без осечки.

Выстрел в закрытой машине не произвел большого шума. На улице по-прежнему было пустынно и тихо. Труп вытащили и выбросили прямо на мостовую. Карманы обыскивать не стали,— надо было скорее уезжать. Пермяков взялся за руль.

Долго колесили по переулкам. Заехали в какую-то подворотню и повесили фальшивый номер,— он был приготовлен заранее. Машину загнали во двор дома Мещаниновой, Пермякову дали пятнадцать рублей.

Условились встретиться завтра. Из ювелирного магазина артельщик выносил деньги около девяти часов. До инкассаторского пункта ему предстояло пройти километра полтора. Тут и должна была подъехать машина. Климов с Ладыгой, выскочив из нее, оглушат артельщика, отберут мешок с деньгами и уедут.

Днем катались по городу, пообедавать решили в гостинице «Астория». Пермяков остался в машине. Когда вышли после обеда, Пермяков оказался вдребезги пьян. Машину он все-таки кое-как повел, но часов в семь она запыхтела и остановилась. Пьяный шофер полез копать

в моторе и вскоре объявил, что нужен капитальный ремонт. Пермякова прогнали. Чтобы отвязаться, дали ему десятку.

Машину бросили на одной из улиц Выборгской стороны. Обидно было, что убивали зря, но Климов сказал, что на ошибках учатся и что артельщика можно взять и без автомобиля. Еле успели на трамвае доехать до нужного места, — маршрут инкассатора был выслежен заранее. Стояли в подворотне, прикидываясь пьяными. Качались и говорили ерунду. Артельщика оглушили рукояткой нагана, выхватили мешок и убежали. Через два квартала их ждала Мещанинова с чемоданчиком. Деньги пересыпали в чемоданчик, спокойно дошли до большой улицы, сели в трамвай и уехали. На следующий

день сошлись у Климова и пересчитали добычу. Денег оказалось много, больше восьми тысяч. Вечером встретились с Кулябко и пошли на его «частную квартиру». Каждый взял с собой на первый случай по двести рублей.

VI

В старой России артельщики — речь в данном случае идет о членах артели инкассаторов — были своеобразным народцем, жившим по своим житейским правилам, имевшим свои традиции, свои устойчивые понятия о хорошем и о плохом. Каждый член объединения вносил залог, и из всех залогов получалась небольшая сумма. Вот этой суммой артель отвечала за каждого своего члена. Если среди инкассаторов оказывался растрачник или жулик, убежавший с казенными деньгами, артель покрывала убыток. Поэтому принимали сюда не каждого. Кандидат должен был быть человеком проверенным, не замеченным ни в чем дурном, таким, чтобы товарищи могли на него полностью положиться. С годами в инкассаторских артелях подобрались люди солидные, трезвые, честные, им без опаски можно было доверить любую сумму.

До революции артельщики выполняли поручения частных магазинов и фирм, а теперь с такой же добросовестностью выполняли поручения государственных предприятий и учреждений.

Вечерком получал инкассатор выручку магазина, под утро — выручку ресторана и, безоружный, без всякой охраны, тихонько, не торопясь, нес деньги до ближайшего банка. Было, правда, несколько попыток нападения, но грабители, видно, оказались неопытные, а артельщики поднимали такой отчаянный крик, что даже глухой ночью на защиту сбегались люди.

И вдруг дважды подряд их ограбили. И в первом, и во втором случае обстоятельства были совершенно одинаковы. Из подворотни, мимо которой шел артельщик с деньгами, неожиданно выскакивали два щеголеватых молодых человека — один с тоненькими усиками, дру-

гой с бритым лицом. Последнее, что вспоминали оба ограбленных,— занесенную над их головой тяжелую рукоятку нагана. В себя они прихотили уже в больнице. И оба раза неподалеку от места нападения находили пустую сумку, в каких инкассаторы носят деньги. Очевидно, грабителей поджидал соучастник, чтобы переложить деньги из сумки в чемодан или мешок.

После второго ограбления Васильев поехал в ОГПУ. Он рассказал обстоятельства дела и предложил немедленно вооружить всех артельщиков. В ОГПУ спорить не стали. И польза была несомненная, да и оружия как раз сейчас было много. Только что закупили в Германии большую партию немецких маузеров, ими вооружили сотрудников ОГПУ и милиции, и поэтому оказалось много свободных наганов.

Сложности начались там, где их никто и предполагать не мог. Категорически отказались вооружаться сами артельщики. Все они были немолодыми людьми, со сложившимися привычками, и им представлялось очень страшным не только стрелять, но даже ходить с револьвером.

Неделю их уговаривали, действовали и добром, и строгостью. Наконец, они согласились, но своим печальным видом свидетельствовали перед богом и перед людьми, что все это делается против их воли.

Пока их уговаривали, ограбили еще одного артельщика. Снова два молодых человека неожиданно выскочили из подворотни, и один из них был с тоненькими усиками, а другой — бритый. Снова инкассатор был оглушен и пришел в себя только в больнице, и снова неподалеку была брошена его пустая сумка.

Теперь артельщики испугались всерьез и стали беспрекословно ходить на стрельбище. Некоторые, впрочем, очень немногие, научились даже неплохо стрелять. Зато большинство не обнаружило никаких снайперских дарований. Только начиная поднимать наган, они уже плотно зажмурились от страха. Руки прыгали у них так сильно, что инструкторы отступали подалеку назад. Тем не менее, дело постепенно налаживалось, и пули даже стали время от времени навещать мишень.

Только у одного, самого старшего и всеми уважаемого артельщика Амфилохиева все еще ничего не получалось. Перед каждым выстрелом он долго крестился. Пуля, как правило, попадала в совершенно неожиданное место, которое заранее никак нельзя было предугадать. А Амфилохиев начинал снова креститься, потому что даже сам выстрел не мог, по его мнению, совершиться без участия высшей силы. Хотели уж признать его непригодным и освободить от обучения, но Васильев взял за него сам и добился, в конце концов, что старик перестал жмуриться и попадал не очень далеко от цели.

Но и это было лучше, чем ничего. На выстрел, может быть, люди сбегутся, да и бандитам будет все-таки пострашнее. И надо же было так случиться, что именно на Амфилохиева было совершено следующее нападение.

Шел он в час ночи посередине улицы,— инкассаторы теперь из осторожности ходили подалее от домов,— и вдруг из подворотни выскочили два молодых человека.

Амфилохиев сразу, конечно, закричал,— это средство старое и проверенное,— но потом все-таки вспомнил про револьвер и начал его

вытаскивать. К сожалению, бандиты бежали быстрее, чем револьвер вылезал из кармана. Однако же, когда тот из них, что был повыше, занес зажатый в кулаке наган над головой Амфилохиева, артельщик успел выстрелить. Больше он ничего не помнит.

К этому времени были предупреждены все милицейские посты, и специальные патрули ходили по улицам.

Когда Амфилохиев очнулся в больнице, ему рассказали, что милиционеры и патрульные с разных сторон побежали на выстрел. Грабителей издали видели, вслед им стреляли, но попали или нет — неизвестно. Брошенной сумки поблизости не нашли. Очевидно, сообщник, обычно поджидавший бандитов с чемоданом или мешком, чтобы переложить деньги, на этот раз не дождался их.

Артельщиков охватил боевой подъем. Они сами настояли, чтобы занятия на стрельбище происходили чаще. Они старались изо всех сил и понемногу начали попадать приблизительно туда, куда целились. Выйдя через неделю из больницы, Амфилохиев явился на стрельбище и тоже потребовал, чтобы его учили дальше.

Кроме того, принимались более серьезные меры. Увеличили количество патрулей. Круглосуточно дежурила специальная бригада в угрозыске. Васильев спал на клеенчатом диване в кабинете, готовый мчаться по первому звонку.

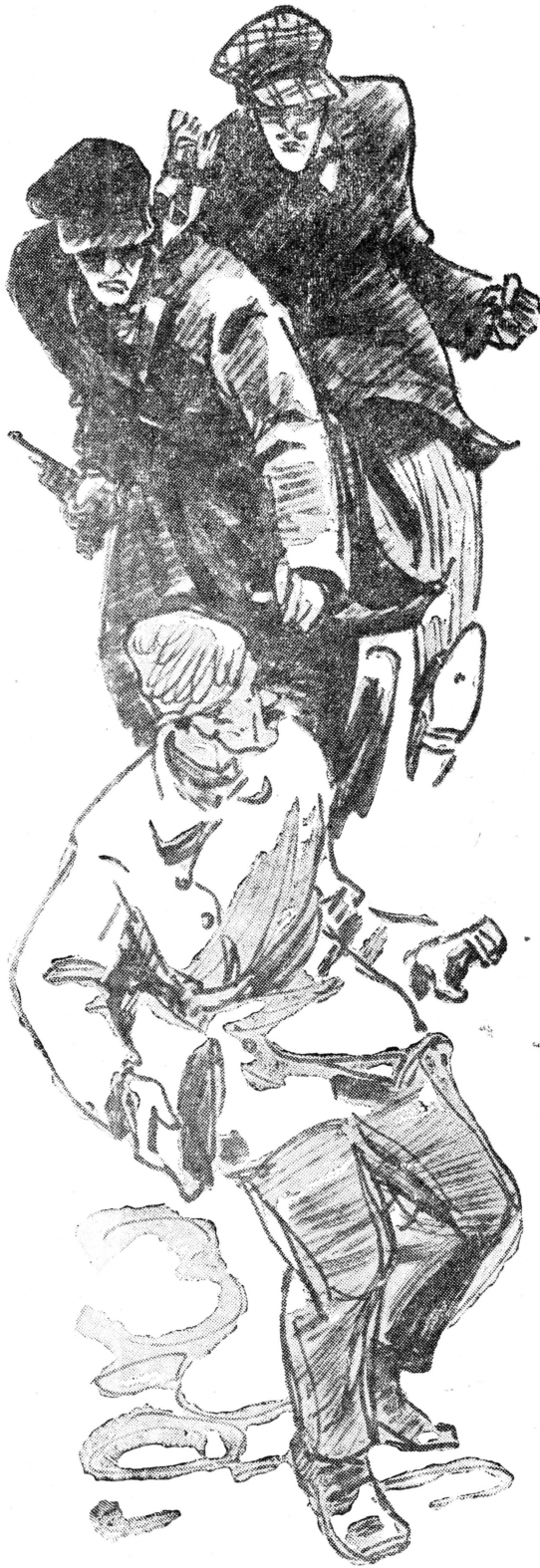
Прошла неделя, и две, и три. Инкассаторы спокойно носили по улицам полные сумки денег. Но ни разу никто даже не попытался их ограбить.

VII

Ходит Васильев по кабинету и без конца размышляет. Сначала три одинаковым способом украденные шубы. Потом убийство шофера и угон машины. Через день она брошена на Выборгской стороне. Пока преступники ею владели, ни в городе, ни в пригородах ничего не произошло. Зачем же понадобилось угонять машину, да еще убивать из-за этого человека? А после того, как машина найдена на пустынной Чугунной улице, вдруг подряд идут четыре ограбления артельщиков. В первый раз — восемь тысяч, во второй — двенадцать, в третий — семь, в четвертый — восемь. И затем опять молчание. Будем рассуждать: шубы уведены, конечно, одной компанией. Убийство шофера, вероятно, — дело рук других людей, а ограбление инкассаторов — это, наверное, третья шайка. И у каждой группы свой собственный почерк.

Что такое почерк преступника? Излюбленный метод, неповторимые детали. Есть преступники, которые, ограбив квартиру, садятся обязательно закусить или выпить чаю. Есть преступники, которые вскрывают кассу всегда одним, только им свойственным способом. Не проявить своей излюбленной манеры, своих индивидуальных черт преступник не может. Эту «свою» манеру, «свой» стиль, то, что укладывается в емкое понятие «почерк», можно всегда узнать.

В случаях, с которыми имел сейчас дело Васильев, почерк разный. Почерк похитителей шуб — это одно. Почерк убийц шофера — совсем другое. Между прочим, никак нельзя догадаться о цели и смысле этого преступления... Наконец, почерк двух молодых людей, выскакивающих из подворотни, оглушающих артельщиков и уносящих сумку с деньгами, — это третий

почерк. Неужели в городе появилось одновременно три шайки преступников? Случай мало вероятный.

Представим себе, что какая-то компания молодых людей — то, что они молодые, — бесспорный факт: женщины, потерявшие шубы, говорят об этом единодушно, — так вот, компания молодых людей, чтобы разжиться деньгами, решает проделать эту изящную операцию и, пофлиртовав с незнакомыми девушками, приобретает три дорогие шубы. Аппетит приходит во время еды. Продолжать знакомиться с молодыми девицами и отбирать у них шубы опасно. Что делать дальше?

И вот именно в ту минуту, когда расставлены все капканы и все глаза нацелены на театральные гардеробы, они говорят себе: довольно! И начинают в темных переулках оглушать артельщиков рукояткой нагана. Три случая проходят благополучно. И вдруг... Оказывается, инкассаторы насторожились. Оказывается, они теперь вооружены. Во время последнего нападения один из них хоть неудачно, но выстрелил. Со стариком, даже и вооруженным, справиться можно. Но, значит, угрозыск насторожен? Угрозыск поджидает ударов? Стоп! Пора переходить на новое пастбище. Артельщики могут спокойно нести свои запечатанные сумки с деньгами. Преступник продумал новый метод. Времени у него хватает. Денег достаточно.

Вот только машина путает. Похоже, что ни к шубам, ни к инкассаторам она отношения не имеет. Просто балованные сынки торговцев решили испытать сильные ощущения.

Ходит Васильев по кабинету и думает.

Может быть, конечно, и так. Но возможно и другое. Что, если придуман был план, для которого нужен автомобиль? Машину заполучили, а план не удался. Шоферы угрозыска проверили мотор. Мелкое повреждение, которое знающий шофер устранит в полчаса. Но откуда мы знаем, что у них был знающий шофер? А если это был любитель? А если это был пьяный?

Нет, скорее всего, это просто перемена адресов. В главном, в психологии преступников, — много общего. Вот я, допустим, преступник. Я высматриваю открытую дверь, дверь, о которой не подумали. Ведь советский розыск только еще создается, и просто ужасно, как многое еще не продумано и не предусмотрено... И вот находится дверь, которую еще не догадаться или не успели закрыть. Три, четыре быстрых удара. Как только мы спохватываемся, как только мы настораживаемся, как только мы готовы их схватить — они уже далеко, они уже высмотрели новую незакрытую дверь.

Так это же и есть почерк!

Суметь вовремя покинуть театральные гардеробы. Суметь забыть про сумки с большими деньгами, которые так легко отнять у артельщиков... Это очень одинаково. За этим один замысел и одна воля. Но перемены сами по себе материал для опознания. Правы были классики криминалистики. У каждого преступника своя манера и свой стиль. И если у кого-то из них они чуточку похитрей, значит, и розыску надо быть похитрей.

Но если это так, то должен быть совершенно неожиданный удар, где-то в области, ничем не напоминающей прежнее. Предусмотреть? Но как? Можно грабить ювелирные магазины,

отбирать выручку у торговки молоком, раздевать мужчин в шубах с бобровыми воротниками.

Ювелирные магазины? Для этого нужно уметь. Да и специальные инструменты, которые так просто не достанешь. А эти грабители, видимо, дилетанты. Они интеллигентней обычных бандитов, у них больше выдумки, но инструментов у них нет, и умения тоже. Торговки молоком, мужчины с бобровыми воротниками? Мелко. Риск большой, а выручки мало. Что же остается?

Ходит Васильев по кабинету, думает. Не как работник угрозыска, а как главарь таинственной шайки, неведомый его противник.

Все ищет он, где просмотр угрозыска, где незакрытая дверь, где затаилась возможность внезапно и смело сразу взять большую сумму. Из магазинов и ресторанов деньги в банк доставляют артельщики. Ну, а из банка, зарплату на заводы и предприятия? Кассир с двумя охранниками едет днем на извозчике. Кругом людные улицы, постовые, телефоны. А в пригород? В пригородах немало предприятий. Кассир с двумя охранниками занимает отделение в дачном вагоне. В соседних отделениях едут пассажиры — люди мирные, их легко запугать, а места между станциями пустынные, и стоп-краном поезд можно остановить...

Зарплата у Васильева невелика, но дорогие папиросы он иногда себе позволяет. Он открывает ящик, достает «Жемчужины Крыма» и закуривает толстую, желтого цвета папиросу.

...Да, сегодня же надо распорядиться. Пусть, кроме охранников в форме, с завтрашнего же дня в каждом вагоне, в котором везут деньги, едут два сотрудника угрозыска, вооруженных, но в штатском. Может быть, Васильев ошибается, и неведомый его противник рассуждает иначе, задумывает совсем другое, но поймать его удастся, только предусмотрев и предупредив его планы. Главарю неизвестной шайки почти наверняка должна придти в голову мысль о тихом дачном поезде и о внезапной стрельбе, которая парализует сопротивление.

Светится окно в бывшем здании Главного штаба. Стоит у окна Васильев. Смотрит на Дворцовую площадь. Думает.

Начало марта. Холодный и резкий ветер. Мало у кого в такую погоду появится желание шататься по городу без нужды. Но вот человек в дорогом пальто, подняв меховой воротник и засунув руки в карманы, медленно, очевидно, прогуливаясь, переходит Дворцовую площадь. Обойдя Зимний дворец, он выходит на набережную. Сразу налетает на него ветер с залива, холодит уши, нос, щеки. Но хорошо одетому человеку он не страшен. Климову удается даже закурить, повернувшись к ветру спиной. Медленно идет он по набережной, попыхивая папироской, богатый бездельничающий человек. Год с небольшим прошел с тех пор, как молодой рабочий встретился с тремя студентами в танцевальном зале рабочего клуба, который казался ему очень шикарным местом. Сейчас Климов мог бы купить себе десять шуб, дорогие бриллиантовые кольца, золотой портсигар. Мог бы ходить каждый вечер в лучшие рестораны. Но ему все это не нужно. Он не какой-нибудь маленький спекулянт, сегодня разбогатевший, чтобы разориться завтра. У него большие деньги,

солидное состояние. Он мог бы войти компаньоном в торговую фирму или открыть свое собственное дело. Но зачем все это ему нужно? Он избалован богатством, ему доступно все.

Кокетничает Климов. Даже наедине с собою, сейчас, когда на набережной не видно ни одного человека, все равно кокетничает Климов. Деньги у него есть, и много. Это верно. А все остальное неверно. Скверные сны снятся ему по ночам. Нескольким раз за ночь просыпается он в холодном поту. Вдруг налетит на него где-нибудь на Невском та самая Ирина, с которой когда-то сидел он в голубых бархатных креслах Мариинского театра? Или кто-нибудь из ограбленных артельщиков вспомнит усики Ладыги, или покажется ему знакомым профиль Климова? Улики? Да начни только проверять, улики найдется сколько угодно. Метрдотели всех ресторанов покажут, что он бывал у них постоянно и не стеснялся деньгами. А откуда деньги?

Каждый раз, ограбив инкассатора, в ту же ночь делили они деньги, и Климов с Ладыгой уезжали в другие города. Ладыга не знал, где Климов, Климов не знал, где Ладыга. Выбирали они обычно курорты. Туда приезжают разные люди, и не надо искать причин приезда: приехал погулять, отдохнуть, повеселиться. Михайлова и Мещанинова в нападениях не участвовали. Когда артельщиков грабили, они поджидали неподалеку с чемоданчиком, чтобы переложить деньги, а сумку выбросить. Значит, их не могли опознать. Они оставались в Ленинграде, а недели через две, видя, что все спокойно и, значит, следы не замечены, одна из них давала в «Красной газете» заранее условленное безобидное объявление о том, что, мол, ищу родственника, Колесникова Ивана Петровича. Прошу его написать до востребования: Ленинград, почтамт, И. П. К. И Ивана Петровича Колесникова на свете не было, и таинственный И. П. К. не заходил на почтамт спрашивать письмо до востребования, а просто в Одессе или Батуме Климов и Ладыга, купив очередной номер вечернего выпуска «Красной газеты», прочитывали это объявление и знали, что могут спокойно возвращаться в Ленинград.

И все же опасность разоблачения не исчезала. Можно многое предусмотреть. Можно рассчитать каждый шаг, все предвидеть и все предугадать, все, кроме случая, которого по теории вероятностей не должно быть и который вдруг все-таки произойдет.

Даже здесь, на пустынной, безлюдной набережной, Климову было страшно. Еще одно дельце покрупнее, и надо будет толком подлечь и отдохнуть. Но сейчас отдыхать еще рано. Слишком быстро вооружились артельщики. Еще не набралась сумма, на которую можно прожить всю жизнь или, чем черт не шутит, накопив золота и бриллиантов, перейти глухую ночью границу. Нужно еще одно дело. Какое же? Ему, Климову, надо выдумать. Не Ладыга же выдумает, не Михайлова же.

План за планом перебирает Климов. Этот слишком опасен, тот сулит очень уж мало выгоды. Прежде всего — внезапность. Нападать надо днем, на людях. Стрельба, паника и — удирай. И тут вспоминает Климов свою литографию. День полочки. Кассир с двумя охранниками выходят из вагона дачного поезда, а в вагоне едет народ не боевой, трусоватый...

Окончание следует.

Лесной великан

На снимке тополь черный или осокорь — дерево, равного которому по размерам на Урале не найдешь даже среди вековых хвойных великанов. Я сфотографировал его в квадрате 24 Черниковского лесничества Уфимского горлесхоза. Ему 70 лет, высота 35 метров, диаметр на высоте груди 179 сантиметров. Объем древесины в таком дереве составляет около 38 кубических метров. Но это еще не самое большое дерево среди осокорей.

На черном тополе мое внимание привлекла огромная обнаженная рана, от земли до четырех метров высоты. Создавалось впечатление, что кто-то стесал комлеву часть ствола гигантским топором.

Дорог поблизости не было, поэтому предположение, что дерево задела какая-то машина, отпало.

Осмотревшись, я понял, что это следы половодья. Тополь стоит как раз в том месте, где река делает поворот. Во время разлива осокорь «грудью» встречает

плывущие по воде ледяные глыбы, бревна, плоты. Несмотря на рану, он полон сил. У него могучая широко разветвленная крона.

По таким деревьям можно безошибочно судить о высоте весенних разливов.

Ю. КОСОУРОВ,
кандидат сельскохозяйственных наук.

Автор редких марок

Заядлые филателисты, конечно знают марки «Юго-Восток, помощь голодающим», хотя они давно уже стали филателистической редкостью.

Почему-то эти интересные марки не попали в последний советский каталог выпуска 1955—1958 годов. Во всех иностранных и более ранних советских каталогах они были помещены. Странно также, что нигде не указано имя художника.

А между тем автор этих оригинальных, крупного размера марок — наш земляк, свердловский филателист Анатолий Львович Маневич. Иногда он рассказывает друзьям их историю.

...Было это в 1922 году, когда Маневич жил в Ростове-на-Дону. Представитель Наркомфина сделал ему заказ на благотворительные марки.

— Рисунки я выполнил быстро, — рассказывает Анатолий Львович, — но был удивлен и сильно огорчен, когда увидел их

С Л Е Д О П Ы Т С К И Й К А Л Е Й Д О С К О 1

Самая низкая температура

Норвежский полярный институт сообщил, что в Антарктиде на Южном полюсе зарегистрирована самая низкая на нашей планете температура — 94,5 градуса. Измерения проведены с помощью особого термометра.

Предыдущий рекорд зарегистрирован 24 августа 1960 года советской антарктической станцией «Восток» — 88,3 градуса.

По морскому дну

В Северном море вблизи Гельгоlanda в 1931 году утонуло немецкое судно с ценным грузом меди. Тотчас же два подъемных парохода — «Тайфун» и «Галиаф» прибыли на место катастрофы. Было спущено несколько водолазов, но следов потонувшего парохода обнаружить так и не удалось.

Тогда на дно с большой предосторожностью опустили особые сани, в которые сел водолаз-журналист. Сани прикрепили канатом к одному из судов, которое начало курсировать в разных направлениях на глубине 150—200 футов.

«Я сидел на удобных санях и скользил по песку и камешкам, устилавшим дно, как по снегу, — рассказывал потом журналист. — Мешавшие мне водоросли я резал большим ножом. Путь мне освещал огромный прожектор, укрепленный впереди сиденья. Всевозможных оттенков водоросли, удивительной красоты морские цветы попадались мне навстречу. Стаи необычайных, невиданных рыб с огромными светящимися глазами проплывали мимо».

Путешественник по морскому дну пробыл под водой два с половиной часа. И хотя пароход и не нашли, удовольствие от катания по морскому дну на санях не было от этого меньшим.

В один час— в двух столетиях

На XVIII олимпийских играх в Токио советские журналисты разговорились с дряхлым стариком, зрителем всех послевоенных олимпиад.

Но не это было самым интересным в его биографии. Он — сын капитана Джона Д. Филиппа — единственного в мире капитана, которому удалось испытать... Но лучше слово сыну:

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

напечатанными в величину эскиза. Я-то рисовал с учетом соответствующего уменьшения до размера обыкновенной марки.

Марки эти, с простыми, лаконичными рисунками, были выпущены в апреле 1922 году Уполнаркомфином Юго-Восточной области РСФСР для взимания в пользу голодающих местного налога на почтовые отправления. Напечатаны литографским способом. Две марки почти квадратной формы, достоинством 2000 рублей, предназначались для заказных писем, треугольная в 4000 рублей — для оплаты денежных переводов, а прямоугольная в 6000 рублей (масштаб цен тогда был таким!) — для посылок. Все четыре печатались на одном листе.

Без наклейки этих марок в городах Ростове-на-Дону и Новочеркасске отправления не принимались. Сбор поступал в фонд помощи голодающим.

Однако, вскоре из-за того, что серия была выпущена без согласования с Наркомпочтелем, ее изъяли из обращения.

Эти оригинальные марки являются свидетелями первых лет революции, и они должны быть

внесены в каталог советских почтовых марок с указанием их автора.

Н. ШВАРЦМАН

Царица, обутая в лапти

На Северном Урале на берегу речки Колонги, где находилось древнее село Петропавловское (ныне Североуральск),

стоит старая каменная церковь. Она построена на пожертвования купца Походяшина. В записках местного старожила, ныне покойного Петра Геронтьевича Баянова, рассказывается, что строил и расписывал церковь один итальянский зодчий, бывший в немилости у Екатерины II. Он, кроме ликов святых, создал несколько полотен на сюжеты из святого писания. На одном были изображены кающиеся грешники.

Когда Походяшин и церковники, приехавшие открывать церковь, увидели это полотно, они ахнули. Одна из грешниц, обутая в лапти и олицетворявшая распутство, лицом походила на императрицу. Среди других грешников узнавались святейший граф Потемкин и другие фавориты царицы.

Картина была написана так великолепно, что Походяшин не посмел уничтожить ее, а велел свернуть и принести ему домой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Этот рассказ подтверждает директор Серовского краеведческого музея Лузянина.

А. МАЛЬЦЕВ

ЛЕДОПЫТСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

«Ночь была теплой. И звезды сверкали во всей своей тропической ослепительности. Когда капитану Филиппу сообщили координаты судна «Уорримор», он, еле сдерживая волнение, спросил помощника:

— Вы понимаете, что это значит?

Тот кивнул. Судно находилось где-то рядом с точкой пересечения экватора и международной линии датисчисления. Оказаться в такой точке — не очень великое событие для пассажиров океанского лайнера. Но день... Было 31 декабря 1899 года. Капитан засадил всех штурманов за работу и каждые пять минут получал точные данные о нахождении судна. Он приказал сбавить ход, чтобы в любую минуту лечь в дрейф. Спокойное море, отличная видимость и слаженная работа экипажа помогли капитану выполнить задуманное. Ровно в полночь по местному времени «Уорримор» замер в точке пересечения экватора и разделительной линии. В носовой части судна была середина лета, на корме — середина зимы. На одном борту — 1 января 1900 года, на другом — 31 декабря 1899 года.

Судно находилось не только в двух различных днях, двух различных месяцах, двух различных сезонах, двух различных годах, но и двух различных столетиях одновременно.

Я никогда не слышал о том, чтобы кому-то

посчастливилось до нас оказаться в подобном положении, и никто не может этого повторить до 2000 года. Тогда еще и тысячелетия будут разные».

Необыкновенные стайеры

В 1832 году норвежский моряк Ернест за 15 дней пробежал расстояние от Парижа до Москвы — 2165 километров. Он делал в среднем по 175 километров в день. При этом ему пришлось переправиться через 13 рек.

Этот сверхмарафонский рекорд побил курьер одного Восточно-Индийского акционерного общества. Он за 59 дней пробежал 9052 километра, делая в сутки в среднем по 152.

Прозрачный трамвай

Этот трамвай недавно собран на Усть-Катавском вагоностроительном заводе в Челябинской области. Его называли «прозрачный» за обильное использование стеклопластиков.

Трамвай может «взять на борт» 140 пассажиров. Даже в самые лютые уральские морозы в нем будет тепло: под каждым сиденьем установлена электропечь.

В НОМЕРЕ:

Вознесение

ПЯТЬ ДНЕПРОГЭСОВ НА РЕФТЕ. По дорогам пята- тилетки. А. Мотырев	1	Он был таинственен и строг, Там восседая на божнице.
9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ	3	Кто б ни ступал через порог —
ЕГО ЗВАЛИ АЛЕКСАНДРОМ. А. Кузнецов	6	Он всем смотрел сурово в лица.
ЗАВТРА СНОВА ДОРОГА. А. Шушарин	8	
ПИСЬМО С ПЛАВАЮЩЕГО «УРАЛМАША». Л. Кек- келев	15	
ЧЕЛЯБИНЦЫ — ГОСТИ КАВКАЗА. А. Александров	16	Сначала кланялись ему, Потом — все реже, реже, реже.
КАК ДЕЛАЕТСЯ УТРО. Л. Александров. Приключен- ческий рассказ	17	И лик затягивала муть, И гибла силы божьей свежест.
РЕЛИКВИИ С БАЗАРА. М. Пузыревский	26	
ТАК УМИРАЛИ ГЕРОИ. Л. Ахмин	27	
СИЛЬНЕЕ СИЛЬНЫХ. Ю. Муравин. Фотоочерк	28	
В ГОСТЯХ У БОБРОВ. В. Ябуров. Очерк.	32	И он сидел, как отставной, Напомнить о себе не смея...
ОГОНЬ ПОМОГ	36	Но как-то раннюю весной Мы, ребята, клеили змея.
ГЛОБУСЯТА РАССКАЗЫВАЮТ И ПРЕДЛАГАЮТ	37	
НОВЫЕ СТИХИ. Владимир Дагуров	38	
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ	40	
ЗАВТРА. Лев Мочалов. Стихотворение	42	
МНЕ ПРОСТО ПОВЕЗЛО. Павел Макшанихин. Отры- вки из повести	43	Но только не было лучин Таких сухих, чтоб — в высь с порога! И кто-то вдруг, не без причин, С мольбою бросил взор на бога.
ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА СТУЧИТСЯ В ДОМ. Л. Кузне- цова	54	
СИРЕНЬ. Леонид Фомин. Рассказ	55	
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО. ОТКУДА ЭТО СЛОВО	58	
СНОВА В СТРАНЕ КАЛМАЖЕЙ. А. Матвеев	60	...Когда же В полдень дождь промыл Весь до небес простор весенний, Я был свидетелем прямым Его, Христова, вознесенья.
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	62	
ЦАРЬ-МОЛОТ. А. Шарц	63	
ТАЛАНТ ОТКРЫТЫЙ И ДОБРЫЙ	64	
ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ. И. Бодунов и Е. Рысс. Приклю- ченческая повесть	65	
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. СЛЕДОПЫТСКИЙ КА- ЛЕЙДОСКОП	78	

Григорий ПЯТКОВ

Обложка В. Васильева.

В С Л Е Д У Ю Щ Е М Н О М Е Р Е

Синяя свежая ночь. Ни шороха, ни звука. И вдруг будто ожили темные кусты, заухали, завопили, раскатились русалочьим смехом, рассыпались дробью с перещелком... Не посвященный в это великое таинство случайный прохожий застынет на месте от удивления. Что такое? Кто смутил покой весенней ночи! Кто!.. НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕТИТ ВАМ РАССКАЗ Н. НИКОНОВА «ЛЕШЕВА ДУДКА».

В разных местах Урала, главным образом в Прикамье, издавна находили, да и по сейчас еще находят, старинные серебряные блюда, чаши, ковши и вазы. Высокое мастерство чеканки, выдающееся по художественным достоинствам искусство орнамента и композиции ставят эти изделия в ряд особо примечательных реликвий далекого прошлого. Как и откуда они попали на Урал? Кем и когда найдены? Что дают науке эти находки? Чем могут помочь следопыты ученым в разгадке не раскрытой еще до конца тайны!

ЧИТАЙТЕ ОБ ЭТОМ В ОЧЕРКЕ НАУЧНОГО СОТРУДНИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА Е. ЗЕЙМАЛЯ «СЕРЕБРЯНЫЕ КЛАДЫ УРАЛА».

Технический редактор
Э. Максимова

Рукописи
не возвращаются.

Корректор
В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП 353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87.
Телефоны Д1-22-40, Д1-26-01, редакция, Д8-04-49, производ. отдел.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 30/IV 1966 г. Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ. л. Уч.-изд. л. 10,73.
НС 20162. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 191.

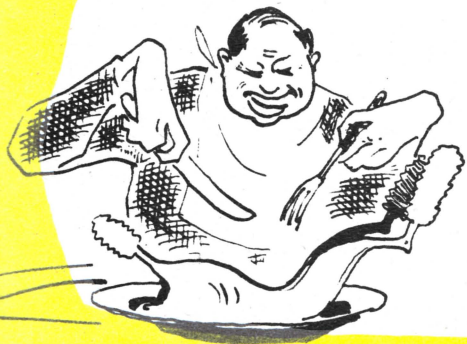
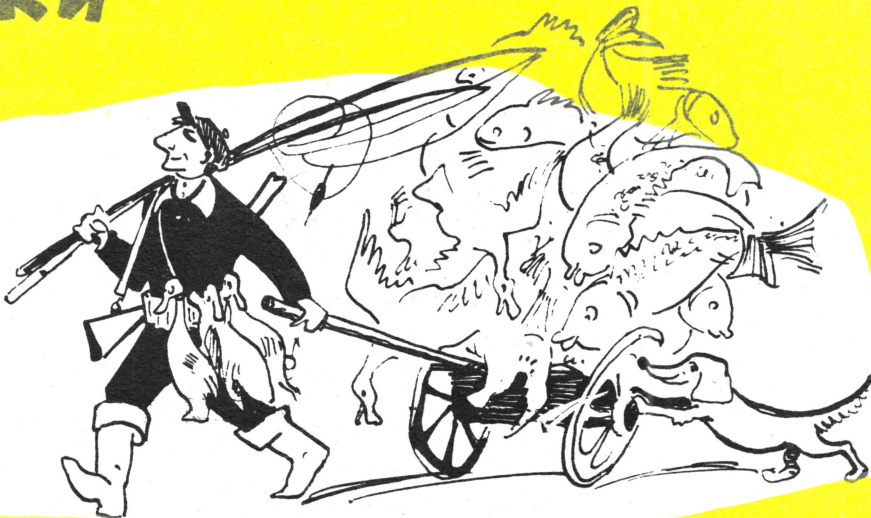
Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

Усмешки

Охотника и рыбака неожиданно спросили:

— Послушайте. Что стало бы, если бы все, о чем вы рассказали, оказалось правдой?

— Честно говоря, — признались они, — в реках уже не было бы рыбы, а в лесах зверей.

— Что я вижу! Вы такой завятый вегетарианец, а едите зайчатину!

— Ничего подобного. Просто я мщу зайцам! Они уничтожают мою капусту.

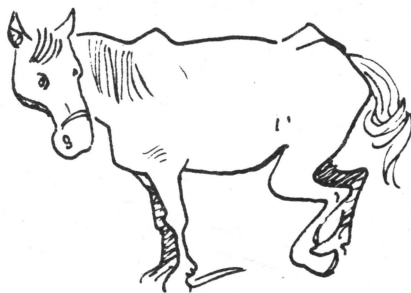
В. Смирнов

Помню, как в разгар ребячьей игры мы вдруг затихали. И, задржав головы, смотрели в ясное небо. Там кувырчался самолет. Аэроплан, как его тогда называли.

А сейчас мой пятилетний сын спокойно поглядывает на серебристые прочерки над головой и без сшибки определяет: ИЛ-18, ТУ-104, АН-10... Но и как мы когда-то в детстве, он порой точно так же замирает от восторга и тянет меня за рукав:

— Пап, смотри: лошадь!

А. Кочуров

Рисунки Ю. Ефимова

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.
Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, МУСА ГАЛИ,
В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора),
Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ.